

146 $\frac{3}{42}$

Г Р А М О Т Ы

ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХЪ

съ 1390 по 1569 годъ,

С О Б Р А Н Н Ы Я И И З Д А Н Н Ы Я

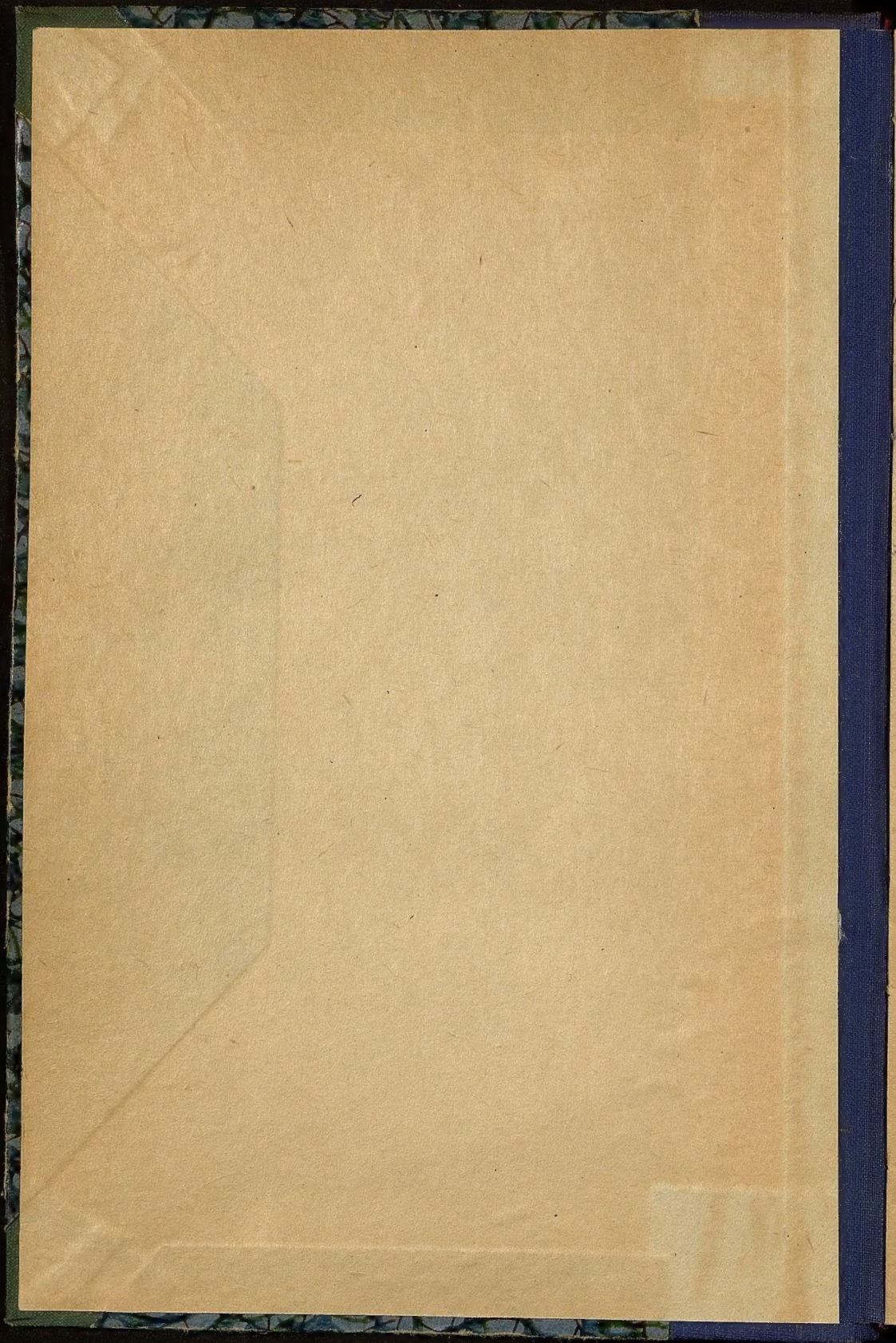
подъ редакцію

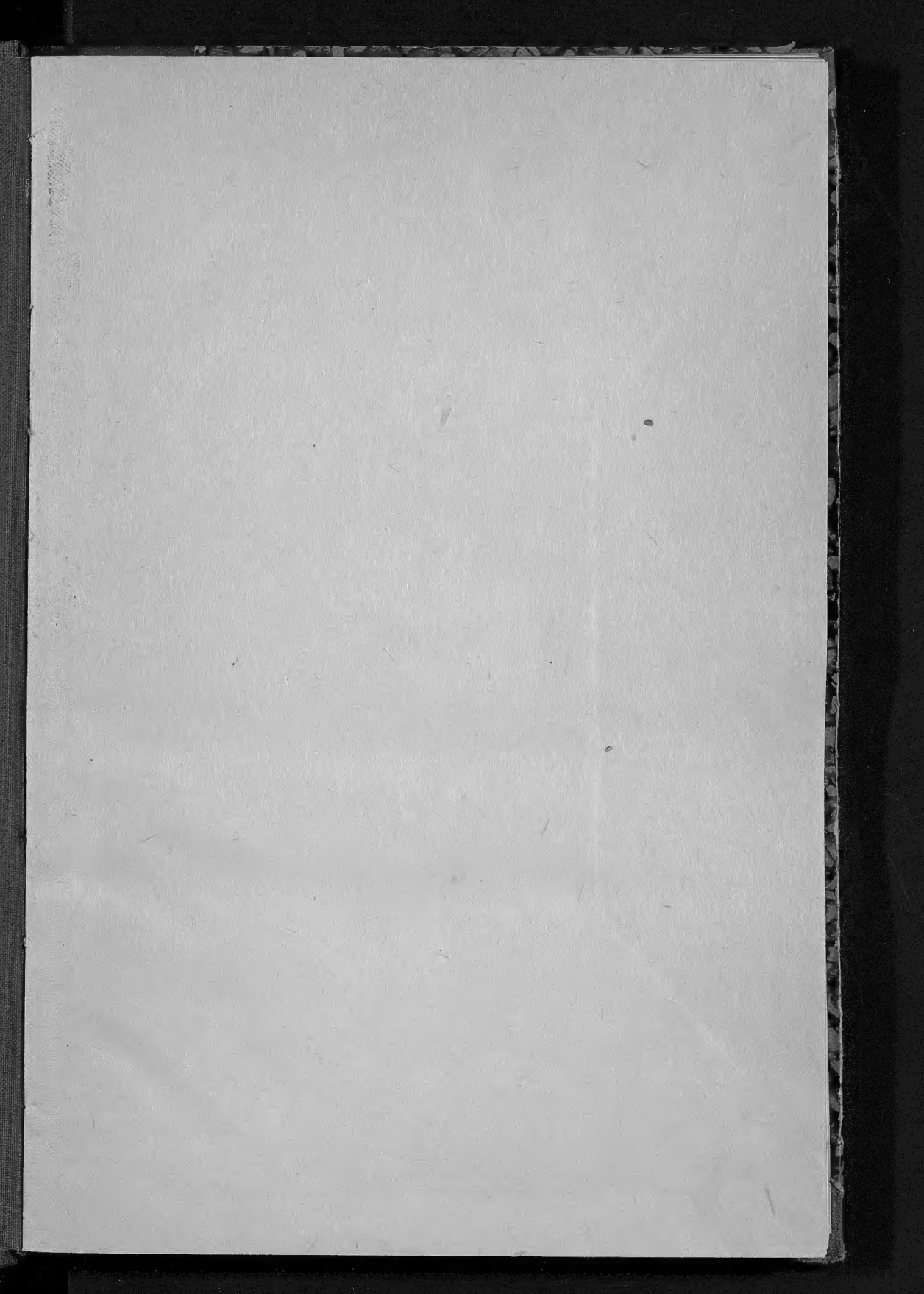
Владимира Антоновича и Константина Козловскаго.

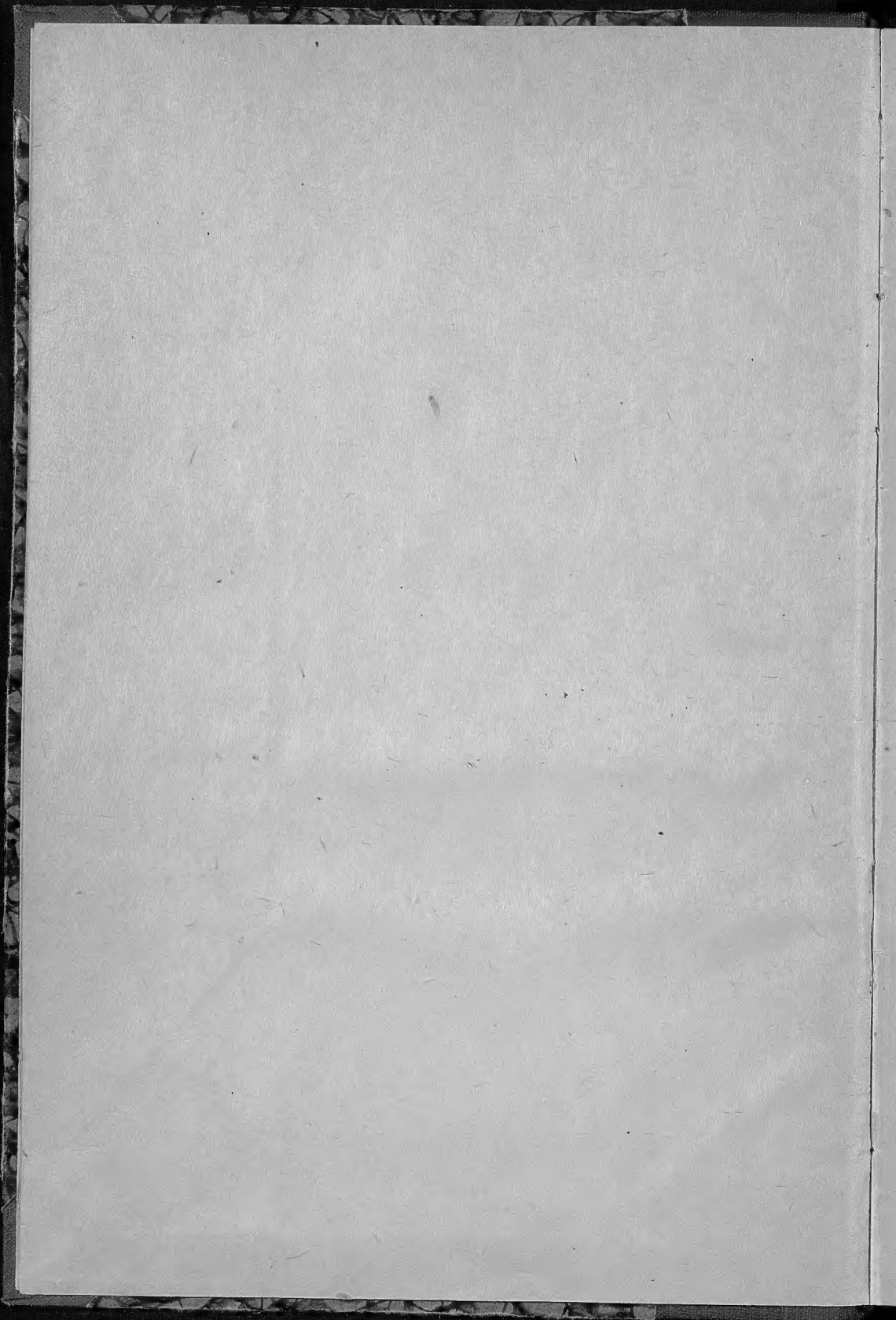
К І Е В Ъ.

Въ университетской типографіи.

1 8 6 8.

146³
72

ГРАМОТЫ

ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХЪ

съ 1390 по 1569 годъ,

СОВРАНЫЯ И ИЗДАНЫЯ

подъ редакцію

Владимира Антоновича и Константина Козловскаго.

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи.

1868.

ИЗДАНИЕ

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ИЗВѢСТІЯ

1868 г.

Изъ Университетскихъ Извѣстій 1868 г.

Въ Петербургѣ

Въ Университетской Типографіи

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№№	Стр.
1. Грамота великаго князя Витовта, князю Оедору Даниловичу Острожскому на имѣнія: Бродовъ, Радогоще, Межеричи, Дяково, Свищово и др. (около 1390 г.)	1
2. Обязательство, данное епископомъ Луцкимъ Иваномъ королю Ягеллу въ томъ, что онъ дастъ послѣднему 200 гривенъ и 30 коней, если поможетъ онъ епископу получить Галицкую митрополию. 1398 г.	4
3. Жалованная грамота великаго князя Свидригайла, кухмистру Петру Мыщизу на имѣнія въ Кременецкомъ повѣтѣ: село Борщанку, селѣще Кандитовъ и Дедовскій лѣсъ. 1408 года, февраля 4 дня.	5
4. Грамота великаго князя Свидригайла, утверждающая границы имѣній землянина Брацлавскаго, Карпа Ивановича Микулинскаго. 1431 года, мая 21 дня.	6
5. Грамота великаго князя Свидригайла шляхетнымъ Чоботамъ и имѣніе Рычеховъ. 1445 года, марта 3 дня.	9
6. Духовное завѣщаніе князя Андрея Владиміровича, написанное имъ въ Кіево-печерской лаврѣ, по которому имѣнія его: Словенскъ, Могильное, Коменце, Логожескъ, Лемницы и Полонное, въ случаѣ смерти, переходять женѣ и дѣтямъ его. 1446 года, іюня 16 дня.	10
7. Грамоты короля Казимира, 1457 года, 11 ноября, и великихъ князей литовскихъ: Александра, 1500 года, августа 6 дня, и Сигизмунда II, 1545 года, декабря 5 дня, служація князьямъ Лкбецкимъ на имѣніе Любчо и на другія имѣнія, находящіяся въ Волынской землѣ.	13

№№	Стр.
8. Грамота великаго князя Александра Свидригайла, князю Махаилу Васильевичу (Вишневецкому?) на имѣнія въ Луцкомъ повѣтѣ. 1458 года, декабря 29 дня.	18
9. Жалованная грамота князя Семена Александровича, слугѣ своему, Іереміѣ Шашку, на различныя имѣнія. 1459 года, іюня 12 дня.	19
10. Грамота великаго князя Александра, Звягольскому намѣстнику, Яцку Мѣзю, на крестьянское семейство въ г. Овручѣ. 1496 года, апрѣля 11 дня.	21
11. Грамота великаго князя Александра, землянину Блищановичу на земли: Телешовщизну и Царевщину, находящіяся въ Овручскомъ повѣтѣ. 1498 года, октября 13. Подтверженіе этой грамоты Сигизмундомъ III, 1601 года, февраля 27 дня.	21
12. Грамоты великихъ князей: Александра, 1499 года, марта 24 дня, Сигизмунда I и Сигизмунда II, а равно и другихъ лицъ, Кіевскому Михайловскому Златоверхому монастырю, на имѣнія.	24
13. Грамота великаго князя Александра, Черкасскому землянину, Гринку Васкевичу, на имѣнія: Михліево, Орловичи и Линчинцы. 1499 года, апрѣля 12 дня.	32
14. Грамота великаго князя Александра, Волинскому землянину, Ивашку Лабунскому, на пустыя селища: Колыщинцы и Сахновцы, находящіяся въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1501 года, декабря 21 дня.	33
15. Вторичная подтвердительная грамота великаго князя Александра, землянину Волинскому, Ивашку Лабунскому, на имѣнія: Колыщинцы и Сахновцы, находящіяся въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1503 года, января 24 дня.	34
16. Грамота великаго князя Александра, Овручскому намѣстнику, князю Григорію Борисовичу Глинскому, приказывающая ему возвратить Овручскому старцу, Василию Михалкевичу, отнятую у него землю. 1503 г. іюня 25 дня. (Донесеніе вознаго о ввѣдѣ имъ Михалкевича во владѣніе землею Кончаковскою. 1503 года, августа 2 дня.)	35
17. Грамота великаго князя Александра, Овручскому намѣстнику, князю Григорію Борисовичу Глинскому, о томъ, чтобы онъ	

- возвратилъ Овручскому старцу Василю Михалкевичу отнятый у него островъ, находящійся за рѣкою Каменкою, и не присвоивалъ-бы имѣнія Михалкевича. 1503 года, августа 21 д. 37
18. Грамота великаго князя Александра, Винницкому землянину, Шулгѣ Долбыничу, на пустошь въ Брацлавскомъ повѣтѣ, называемую Котенево. 1504 года, февраля 16 дня. 38
19. Грамота Сигизмунда-Августа, 1570 года, мая 30 дня, подтверждающая привилегіи, данныя отъ его предковъ: Сигизмунда, Казимира, Александра, а равно и записи отъ нѣкоторыхъ земель Кіевскихъ, монастырю Свято-Никольскому пустыньскому Кіевскому, на села, имѣніе и земли. Одна изъ такихъ привилегій, упоминаемыхъ въ настоящемъ актѣ, значится подъ 1504 г. іюля 29 дня. 39
20. Грамота великаго князя Александра, Иванку Лабунскому на имѣніе въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1503, марта 3 дня. 42
21. Жалованная грамота великаго князя Александра, землянину Кременецкому, Олексѣ Сковородѣ, на села: Кобыльное, Лановцы и Бузьминскій лѣсъ. 1506 года, января 22 дня. 42
22. Грамота великаго князя Александра, землянину Брацлавскому, Ивану Долбыничу, на село Трыбисово. 1506 года, марта 11 дня. 43
23. Грамота Сигизмунда I, Черкасскому землянину, Гринку Васкевичу, на владѣніе селами: Мигілево, Орловичами и Линчинцами, подъ условіемъ отправлять земскую службу. 1510—1525—1540 года, сентября 25 дня. 44
24. Грамота Сигизмунда I, князьямъ Вишневецкимъ, на мѣстечко Перемиль въ Луцкомъ повѣтѣ. 1511 года, іюня 15 дня. 44
25. Подтвердительная грамота Сигизмунда I, городу Кіеву, на Магдебургское право, пожалованное этому городу королемъ Александромъ; Сигизмундъ прибавляетъ при томъ новыя права и льготы. 1516 года, января 12 дня. (Подтвержденіе этой же грамоты Сигизмундомъ-Августомъ. 1545 года, апрѣля 24 дня). 46
26. Рѣшеніе короля Сигизмунда I, по жалобѣ пановъ: Стефана, Ивана и другихъ братьевъ Гриневичей-Яцковскихъ, на воеводу Кіевского Андрея Немирича, за отнятіе грунтовъ, мельницы на р. Горыни, и за наѣздъ на ихъ имѣнія. Ко-

- роль, утверждая за Гриневичами-Яцковскими ихъ имѣнія, объявляетъ Немирича виновнымъ по этому дѣлу и преказываетъ ему, дабы онъ на будущее время не дѣлалъ разореній и насилій въ имѣніи Гриневичей-Яцковскихъ. 1520 года, августа 10 дня. 53
27. Грамота Сигизмунда I, Овручскому землянину, Тимошу Барановскому, на земли: Жадановскую, Барановскую и на островъ Залезницкій. 1531 года, іюня 17 дня. 54
28. Подтвердительная грамота Сигизмунда, Брацлавскому землянину, Олехну Ивановичу Микулинскому, на имѣнія: Микулинцы, Борки, Новоселицы, Рогъ, Почапинцы и половину Мизякова, въ вознагражденіе за военныя заслуги, оказанныя противъ татаръ, подъ условіемъ отбывать земскую господарскую службу. 1531 года, августа 5 дня. 56
29. Грамота Сигизмунда I, Черкасскому землянину, Ивану Зубриковичу, на села: Михліево, Орловичи и Ленчицы, находящіяся въ Черкасскомъ повѣтѣ, и Бѣгловцы—въ повѣтѣ Кіевскомъ. 1533 года, февраля 20 дня. 58
30. Грамота Сигизмунда-Августа, шляхтичу Новгородскаго воеводства, Данилу Степаневичу, на владѣніе пустошью, называемою Вельцы, подъ условіемъ служить военную службу. 1533 года, октября 12 дня. 59
31. Грамота Сигизмунда I, подтверждающая дарственную запись Анны Гриньковой, ея зятю, Черкасскому боярину, Ивану Жубрику, на села, лежащія въ Кіевскомъ повѣтѣ: Бѣгловцы, Останковцы, Лисуновцы и Новоставки; на пасѣки, лежащія надъ рѣками: Быстрикомъ, Раставицею, Гуйвою и Гувкою, и на села, лежащія въ Черкасскомъ повѣтѣ: Михліево, Орловець и Линчинцы. Король разрѣшаетъ Жубрику владѣть упомянутыми селами, подъ условіемъ, что онъ будетъ служить изъ нихъ военную службу. 1539 года, іюля 3 дня. 61
32. Грамота Сигизмунда-Августа, подтверждающая приговоръ третейскаго суда о разграниченіи имѣній князя Василя Ковельскаго и князя Андрея Михайловича Сангушковича-Коширскаго, состоявшійся въ 1539 году и подтвержденный уже въ то время Сигизмундомъ I. 1553 года, октября 26 дня. 62

33. Грамота Сигизмунда I, бурмистру и мѣщанамъ Черкасскимъ о томъ, чтобы они не беспокоили боярина Ивана Жубрика и принадлежащихъ ему имѣній, такъ какъ онъ владѣетъ ими законно, въ чемъ удостовѣрилъ короля разсматривавшій права Жубрика Кіевскій воевода, Немировичъ. 1541 года, іюня 28 дня. 67
34. Грамота Сигизмунда I, Овруцкому державцѣ, Криштофу Кмитичу, предписывающая ему возвратить поле, отнятое имъ у Овруцкаго землянина Андрея Котяка. 1544 года, апрѣля 8. 68
35. Грамота Сигизмунда I, Овруцкому старостѣ, Криштофу Кмитичу, предписывающая ему не отнимать земель у землянъ Гриневичей Яцковскихъ, выслуженныхъ предками ихъ у князя Александра (Олелька) Владиміровича. 1544 года, іюня 10 дня. 69
36. Грамота Сигизмунда-Августа, приказывающая дворянамъ: князю Матвѣю Четвертинскому, Василю Янковичу, Федору и Гаврилу Бокевичамъ и Ивану Гутору, явиться въ качествѣ третейскихъ судей въ назначенный судебный срокъ для разбирательства тяжбы между Ковельскимъ старостою, Богданомъ Семашкомъ, и княземъ Федоромъ Острожецкимъ, о правѣ владѣнія урочищемъ Прогорѣлицею. 1548 года, апрѣля 27 д. 71
37. Приказъ Кіевскаго воеводы, князя Фридриха Глебовича Пронскаго, землянамъ Служкѣ и Стужанковичу о томъ, чтобы они не удерживали слѣдуемой съ ихъ земель медовой дани въ пользу Овруцкой церкви Св. Василя Великаго, такъ какъ воевода убѣдился изъ надписи на древнемъ евангеліи, что право на эту дань дѣйствительно пожаловано церкви Св. Василя княземъ Василиемъ Владиміровичемъ. 1551 года, декабря 3 дня. 73
38. Грамота Сигизмунда-Августа, мѣщанамъ Кіевскимъ на право исключительной торговли горячими напитками, подъ условіемъ платы въ казну ежегодной пошрины—»капцизы«—по 800 копѣ грошей. 1558 года, мая 5 дня. 78
39. Жалованная грамота Сигизмунда-Августа, Федору Каменецкому, на урочища въ Хмѣльницкомъ повѣтѣ: Петровую Луку и Морозовку и на домъ въ мѣстечкѣ Хмѣльницѣ. Король освобождаетъ пожалованныя имѣнія отъ всѣхъ податей и

№	№№	Стр.
	повинностей въ теченіи 20 лѣтъ, подъ условіемъ, чтобы новый владѣлец заселилъ ихъ въ продолженіи этого времени. 1558 года, іюля 1 дня.	82
2	40. Грамота Сигизмунда-Августа къ панамъ, урядникамъ, дворянамъ и магистратамъ земли Волынской, запрещающая имъ подчинять своему суду писарей, отправленныхъ для сбора королевскихъ пошлинъ мытникомъ великаго княжества Литовскаго, евреемъ Менделемъ Изаковичемъ. 1560 года, ноября 28.	88
2	41. Грамота Сигизмунда-Августа, подтверждающая уступку имѣній, лежащихъ въ Кіевскомъ и Звенигородскомъ повѣтахъ, Анною Гриньковою зятю ея, Ивану Жубрику. 1562 года, мая 10 дня.	90
1	42. Грамота короля Сигизмунда, предписывающая старостѣ Черкасскому и Каневскому, князю Михайлу Вишневецкому, разобрать споръ, возникшій вслѣдствіе жалобы землянина Василія Ивановича Жубрика на Ждана Повитку. 1562 года, мая 11 дня.	91
3	43. Грамота Сигизмунда-Августа, освобождающая мѣщанъ города Любеча отъ уплаты торговыхъ пошлинъ во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ. 1562 года, августа 5 дня.	92
3	44. Двѣ грамоты Сигизмунда-Августа, содержащія постановленія о томъ, чтобы обвиненія евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей подтверждались непременно показаніями свидѣтелей (въ томъ числѣ 3 евреевъ), и чтобы дѣла, возникающія по поводу сихъ обвиненій, судились самимъ королемъ въ присутствіи сейма. Первая грамота издана по поводу обвиненія въ убіеніи христіанскаго ребенка, въ городѣ Нарви, мытниками королевскими, евреями: Давидомъ и Ицкомъ Бородавкою. 1564 года, августа 6 дня. Вторая грамота издана по поводу обвиненія въ томъ же преступленіи еврея Нахима, въ городѣ Росомшѣ. 1566 года, мая 20 дня.	93
	45. Грамота старосты Овручскаго, князя Андрея Тимошеевича Капусты, жалующая землянину Исааку Онуфріевичу землю Ходотовщину, подъ условіемъ отбывать земскую господарскую службу. 1565 года, августа 2 дня.	103
	46. Грамота Сигизмунда-Августа, содержащая въ себѣ распоря-	

- женіе о томъ, чтобы купцы-евреи, понесшіе убытки отъ сборщиковъ королевскихъ пошлинъ, евреевъ: Исаака Бородавки и Менделя Исааковича, требовали-бы удовлетворенія немедленно, а не ожидали окончанія срока ихъ должности, такъ какъ выжидаіемъ и угрозами они приводятъ сборщиковъ въ смятеніе и причиняютъ убытки королевской казнѣ. 1567 года, мая 27 дня. 104
47. Грамота Сигизмунда-Августа, къ жителямъ воеводства Волынскаго о томъ, чтобы они не препятствовали сбору пошлинъ съ рыбы, вывозимой за границу изъ прудовъ волынскихъ, подъ опасеніемъ конфискаціи рыбы въ пользу королевской казны. 1567 года, ноября 10 дня. 106
48. Грамота Сигизмунда-Августа, къ мѣщанамъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 100 копъ грошей, не принимать въ дома свои проѣзжихъ купцовъ до тѣхъ поръ, пока товары ихъ не будутъ освидѣтельствованы сборщиками таможенныхъ пошлинъ. 1567 года, ноября 13. 108
49. Грамота Сигизмунда Августа, къ жителямъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ судиться съ сборщиками таможенныхъ пошлинъ исключительно въ королевскомъ судѣ. 1567 года, ноября 13. дня. 110
50. Грамота Сигизмунда-Августа, къ жителямъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ прекратить угрозы и оскорбленія, наносимыя свреямъ, сборщикамъ таможенныхъ пошлинъ. 1567 года, ноября 13. 111
51. Грамота Сигизмунда-Августа, утверждающая привилегію, данную епископомъ Лудскимъ и Острожскимъ, Маркомъ Журавлицкимъ, боярину Григорію Сестршану, по которой отдается ему за службу во владѣніе церковное село Точивѣки. 1568 года, января 22 дня. 113
52. Уступка протоіереемъ Овручской церкви Св. Василя Великаго, Григоріемъ Василевскимъ, урочища Трыстеницкаго въ потомственное владѣніе крестьянамъ села Мухомѣдъ, Даниловичамъ, подъ условіемъ отдачи ежегодной дани въ пользу церкви по 10 ведеръ меду. 1568 года, марта 9 дня. 116

53. Грамота Сигизмунда-Августа, освобождающая дворянина Ивана Борзобогатого-Красенского от ответственности за неисполнение военной повинности, такъ какъ онъ во время похода занять былъ господарскою службою. 1568 года, апрѣля 25 дня. 118
54. Увяжчій листъ, выданный Сигизмундомъ-Августомъ князю Богушу Федоровичу Корецкому, старостѣ Луцкому, Брацлавскому и Винницкому, въ имѣнія Серадскаго воеводы, Ольбрыхта Ласкаго, и жены его, княжны Беаты Острожской. Король присудилъ ихъ имѣнія князю Корецкому за сумму 47,407 копѣ грошей, которые Ласкіе должны были, вслѣдствіе королевскаго приговора, уплатить ему въ удовлетвореніе за 35 наѣздовъ и грабежей, произведенныхъ ими въ имѣніяхъ Корецкаго. 1568 года, іюля 10 дня. 119.
55. Двѣ грамоты Сигизмунда-Августа, извѣщающія объ отдачѣ на откупъ, на годъ, таможенныхъ пошлинъ великаго княжества Литовскаго, Жмудскому старостѣ, Яну Еронимовичу Ходкевичу, подканцлеру Литовскому, Остафію Воловичу, и еврею Менделю Изаковичу. 1568 года, сентября 5 и 8 д. 134
56. Грамота Сигизмунда-Августа, князю Андрею Михайловичу Курбскому, о томъ, что назначается новый судебный срокъ, по дѣлу его съ Судомирскою каптеляншею, Анною Мацѣевскою; впредь до выздоровленія ея повѣреннаго; кромѣ того, грамота предписываетъ Курбскому возвратить Мацѣевской 200 овецъ, похищенныхъ въ ея имѣнія. 1568 г., сентября 17 д. 139
57. Грамота Сигизмунда-Августа, къ сборщикамъ податей: князю Дмитрію Розежѣ и Ивану Гумевичу, предписывающая имъ принять подать изъ имѣній князя Андрея Михайловича Курбскаго, безъ взысканія штрафа за несвоевременную уплату оной. 1568 года, октября 5 дня. 141
58. Грамота Сигизмунда-Августа, извѣщающая объ отдачѣ на годъ въ откупъ таможенныхъ пошлинъ евреямъ: Менделю Изаковичу и Липману Шмерлевичу, и приглашающая всѣхъ жителей великаго княжества Литовскаго оказывать откупщикамъ возможную помощь при сборѣ пошлинъ, и не способствовать тайному провозу товаровъ. 1568 года, октября 20. 145

59. Грамота Сигизмунда-Августа, старостѣ Луцкому, Брацлавскому и Винницкому, князю Богушу Оедоровичу Корецкому, предписывающая ему выдать бѣглыхъ крестьянъ и вознаградить убытки, причиненные Владимірскому подкоморію, Александру Семашку. 1569 года, февраля 1 дня. 148

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

1. Грамота Сигизмунда I, подтверждающая дарственную запись на мызу въ пользу церкви Св. Николая въ Вильнѣ, выданную подскарбіемъ земскимъ, Богуславомъ Пильевичемъ. 1523 года, іюля 7 дня. 150
2. Грамота, пожалованная Сигизмундомъ I Николаю Буркату на дворянское званіе, съ присоединеніемъ его къ гербу «Лебедь». 1531 года, февраля 10 дня. 152
3. Декретъ Сигизмунда I, состоявшійся вслѣдствіе жалобы житомирскихъ мѣщанъ на дворянина Луку Лозовицкаго о томъ, что онъ присвоилъ принадлежащія имъ земли, находящіяся возлѣ рѣки Гуйвы. Сигизмундъ, на основаніи грамоты Александра, данной дѣду Лозовицкаго, утверждаетъ право владѣнія Луки Лозовицкаго, на эти земли. 1537 года, февраля 11 дня 156
4. Грамота Сигизмунда-Августа, дворянину Лукѣ Богдановичу Лозовицкому, подтверждающая привилегіи, данныя Александромъ его дѣду, Нелюбу Гринкевичу Лозовицкому, въ 1494 году, и ему самому Сигизмундомъ, въ 1517 году, на селища въ Житомирскомъ повѣтѣ: Звиняча, Звинячее, великій и малый Жерделы, руда Руйная и руда Малявка. 1547 года, ноября 11 дня 156
5. Подтвердительная грамота Сигизмунда, слугѣ старосты Луцкаго, Брацлавскаго и Винницкаго, князя Богуша Оедоровича Корецкаго, Ермоѣ Мелешку, на селище Залисце, лежащее въ Винницкомъ повѣтѣ. 1564 года, іюля 5 дня. 160

104

100%

Ca

101

Ca

1

101

101

1

101

1

101

1

101

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ »Грамоты великихъ князей Литовскихъ«, обнимающія собою время отъ конца XIV в. до 1569 года, т. е. до Люблинской Уніи.

Въ этомъ томъ помѣщены:

1. Жалованныя грамоты великихъ князей литовскихъ частнымъ лицамъ на владѣніе землями, имѣніями, и вообще акты, относящіяся до поземельнаго владѣнія въ Южной Руси (№№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 39, 41, 45, 51, 54).
2. Грамоты, относящіяся къ церкви и духовенству (№№ 2, 12, 19, 37, 51, 52).
3. Къ военной службѣ (№ 53).
4. Къ городамъ (№№ 25, 33, 38, 43, 48).
5. Къ крестьянамъ и отношенію ихъ къ землевладѣнію (№№ 10, 16, 17, 37, 39, 52, 59).
5. Къ евреямъ (№№ 44, 46, 50).
7. Къ администраціи (№№ 26, 34, 35, 42).
8. Къ судопроизводству (№№ 36, 42, 49, 54, 56, 57, 59).
- и 9. Къ финансовому устройству (№№ 40, 46, 47, 48, 49, 50, 55, 57, 58).

Въ числѣ этихъ грамотъ слѣдующія относятся къ древнимъ южно-русскимъ княжескимъ родамъ:

- а) къ роду князей Олельковичей (№№ 6, 9).
- б) » » » Острожскихъ (№№ 1, 54).
- в) » » » Любецкихъ (№ 7).

- г) въ роду князей Вишневецкихъ (№№ 8, 24, 42).
- д) » » » Ковельскихъ (№ 32).
- е) » » » Сангушковъ-Коширскихъ (№ 32).
- ж) » » » Капустъ (№ 45).
- з) » » » Корецкихъ (№№ 54, 59).
- и) » » » Четвертинскихъ (№ 36).
- і) » » » Острожецкихъ (№ 36).
- и к) » » » Курбскихъ (№№ 56, 57).

Всѣ помѣщенные въ настоящемъ томѣ грамоты, за исключеніемъ тѣхъ, которыя, въ подлинникѣ или въ копіи, находятся въ частномъ собраніи г. Антоновича, взяты изъ актовыхъ книгъ Кіевского центрального архива. Кромѣ того, въ интересахъ русской исторической науки, мы признали нужнымъ включить еще въ этотъ томъ пять грамотъ, взятыхъ изъ *Athenaeum*, (1842 г. т. II), изданія довольно рѣдкаго въ настоящее время.

Е. Козловскій.

1.

Грамота великаго князя Витовта князю Теодору Даниловичу Острожскому на имѣнія: Бродовъ, Радосіолки, Радосіоще, Межеричи, Дяково, Свищово и др. (около 1390).

Actum in castro inferiori Leopoliensi, feria quarta post dominicam invocavit quadragesimalem proxima, anno domini millesimo sexcentesimo, nonagesimo quarto.

Ad officium actaque praesentia, castrensia, capitanealia, Leopoliensia personaliter veniens generosus Gaspar de Magna Kunice Kunicki, pocillator Czerniechoviensis, praesentavit officio praesenti copias privilegiorum, tam serenissimorum olim poloniae regum, quam et ducum russiae, partim polono, partim latino idiomate in se sonantium, vigore quorum ducatus Ostrogiensis possidebatur, ex originalibus in unum libri compagem caractere jam obsoleto conscriptas, ex archivo illustris et magnifici Stanislai Joannis in Jablonov Jablonovski, castellani Cracoviensis, exercituum regni supremi ducis, quoniam originalia ipsa ad praesens inveniri nequeunt, sibi concreditas et communicatas, petitque ab officio praesenti unius copiam privilegii eiusdem copias, numero quintam, describi et in acta officii sui ingrossari ac sibi authenticè extrahi, quas privilegiorum copias officium praesens vidit et triginta septem esse numeravit, affectationique ejusdem generosi Kunicki, pocillatoris Czerniechoviensis, annuendo, eandem copiam sub numero quinto existentem, de verbo ad verbum descripsit, actisque suis ingrossavit de tenore verborum sequenti. Numero quinto: »Przywilej oryginalu Witołdowego Xiążęciu Teodoru na Ostrog, na Brodow, na Radosiołki, na Radohoszcz, na Międzyżecz, na Diakowo, na Swiszców, na Ozierany, na Horodniczu, na Dwa Stawki, anno sexcentesimo quarto. My Wielki Kniаз Witołd czyniemy znaiomo wszystkim, kto na tę hramotę weyrzy, abo usłysz y będzie czytał,

із zapisuemy y zapisaliśmy Kniaziu Fedoru Daniłowiczu Ostrog, jako y ociec jego dzierżał yz sieły y ze wszystkim, co k temu przynależy, jako y przy oycu jego było, także cośmy przydali kniaziu Feodoru sioło Brodow, także i Radosiołki, Radohoszcze, Meżerycze, Dziakow, także Swiszczow y z przysiołkami, ozerami, Horodnicz, Dwa Stawki, a to wszystko wżwyż opisane dzierżeć kniaziu Fedoru wiecznie, nieporuszenie nikomu y do jego żywota, y po jego żywocie—żenie y dzieciom jego na wieki; a na to wszystko daliśmy kniaziu Fedoru tę hramotę, i pieczęć swą kazaliśmy przywiesić. A pisan w Łucku, w poniedziałek po świętym Pietrze, w lato szesćsetne czwarte (sic.). Pod zawinieniem niżej u tego przywileju był napis ruskim pismem w te słowa: Kniahyni wielikaia sprawa. Post ingrossationem vero ejusdem, copias idem generosus Kunicki ad se recepit et de recepto officium praesens quietavit. Ex actis castrensibus capitaneatus Leopoliensis extraditum.

Сообщено В. Антоновичем.

Примъчаніе.—Упоминаемый въ настоящемъ актѣ князь Феодоръ Даниловичъ Острожскій въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтій игралъ въ исторіи южной Руси весьма замѣчательную роль. Въ 1386 году польскій король Ягелло и великій князь Литовскій подтвердилъ за нимъ Острожское владѣніе и увеличили его удѣлы округами Корецкимъ и Заславскимъ. Въ 1390 г. Ягелло подтвердилъ за нимъ еще разъ княжества Острожское и Заславское; затѣмъ лѣтописи на цѣлые 32 года умалчиваютъ о князѣ Феодорѣ Острожскомъ. Въ 1422 году онъ появляется въ числѣ сподвижниковъ князя Сигизмунда Корибутовича, отправившагося въ Чехію, по просьбѣ жителей города Праги, на помощь противъ вѣмцевъ, ожесточенно старавшихся утопить въ крови гусситизмъ.—До паденія Сигизмунда въ 1427 г. между храбрѣйшими его товарищами видѣется постоянно князь Феодоръ Острожскій (у Палацкаго: »князь Русскій изъ рода князей Острожскихъ«); но и послѣ удаленія Сигизмунда изъ Чехіи онъ продолжаетъ сражаться съ вѣмцами, въ качествѣ охотника, еще въ 1430 году онъ отличился въ силезскомъ походѣ гусситовъ. Но въ этомъ году произошло событіе, отозвавшее князя Феодора на родину,—скончался В. К. Литовскій Витольдъ и Литву охватила сильная междоусобная борьба, затихшая было только вслѣдствіе талантовъ и внѣшней предпримчивости этого князя: два разноплеменные элемента, вошедшіе въ составъ великаго княжества: литовскій и русскій, поднялись въ послѣдній разъ на борьбу за преобладаніе; борьба эта, вспыхивавшая и до того времени среди междоусобій Кейстута, Ягелла, Явнута, Скиргайла и т. п. нашла на этотъ разъ болѣе способныхъ представителей и обозначилась рельефно въ двухъ соис-

кателяхъ великокняжескаго престола. Литовская партія, опиравшаяся на общинную, демократическую, преданную роду Кейстута, Жмудь, сгруппировалась около Жикгмунта Кейстutowича «мыслившаго въ сердцу своемъ, по дьяволу наущенью, каковы весь рожай шляхетскій погубити и кровь ихъ розлити и поднести рожай хлонскій, псю кровь». Русская партія, въ лицѣ многочисленныхъ княжескихъ родовъ—Рюриковичей и Гедиминовичей, опираясь на княжеское, аристократическое, феодальное начало—имѣла представителемъ своего любимца—Свидригайла Ольгердовича. Въ сторонѣ отъ обѣихъ партій зараждалась 3-я, которой суждено было восторжествовать вскорѣ надъ обѣими:—это партія польская, она имѣла опору въ мелкой русской боярщинѣ, мечтавшей о равноправности польской шляхты, и въ нѣкоторыхъ литовскихъ сановникахъ, возведенныхъ польскимъ вліяніемъ въ крупные должности. Партія эта равно враждебная и общинной Жмуди и княжеской Руси, пока значительно уступавшая въ силѣ обѣимъ, вела свои дѣла осторожно, опираясь на польскую помощь, она дружила попеременно, смотря по обстоятельствамъ, съ обѣими враждующими сторонами, а между тѣмъ, въ виду будущей «Уніи», помогала полякамъ оттягивать у Литвы одну землю за другою.—Среди этой борьбы князь Оедоръ Острожскій является самымъ дѣятельнымъ, храбрымъ и распорядительнымъ сподвижникомъ Свидригайла. Въ 1432 году онъ отстаиваетъ Подолію отъ посягательствъ поляковъ, старавшихся завладѣть этою землею подъ видомъ помощи Жикгмунту Кейстutowичу; тѣснимый превосходными силами, онъ успѣлъ удержаться въ Браславѣ, организовалъ войско изъ русскихъ, наемныхъ татаръ и волоховъ, нанесъ полякамъ чувствительное поражение на берегахъ рѣки Морахвы, поймалъ въ плѣнъ Каменецкаго старосту Оедора Бучацкаго и, вслѣдъ за тѣмъ, овладѣлъ этимъ важнымъ городомъ; завистливый Свидригайло старался удалить его изъ завоеванной имъ области и даже (по сказанію Кромера) заточилъ его въ тюрьму, но вскорѣ пришла рѣшительная минута, когда услуги Оедора Острожскаго стали необходимы для Свидригайла.—Въ 1435 г. послѣдній рѣшился покончить однимъ ударомъ продолжительную борьбу съ литовскою партіею; онъ собрался со всѣми силами: въ лагерь Свидригайла явилось болѣе 40 литовско-русскихъ князей со своими ополченіями, князья Тверскіе доставили многочисленное войско; въ станѣ Свидригайла явился и магистръ ливонскій со своими рыцарями и наемными нѣмцами. Князья Сигизмундъ Кобыбутовичъ и Оедоръ Даниловичъ Острожскій по порученію Свидригайла набрали многочисленный отрядъ гусситовъ: чеховъ и силезцевъ, считавшихся въ то время лучшими военными людьми въ Европѣ. Огромная сила, собранная Свидригайломъ, двинулась изъ Витебска къ Вильну, но на дорогѣ, недалеко отъ Вилькомира, она была встрѣчена немногочисленнымъ Жмудскимъ ополченіемъ подъ начальствомъ Михайла Жикгмунтовича,—завязалась упорная битва, въ которой Свидригайло былъ разбитъ на-голову

— магистръ Ливонскій, князь Сигизмундъ Корибутовичъ, нѣкогда нареченный король чешскій, и съ ними болѣе 10 другихъ князей пали въ битвѣ. Сви-дригайло бѣжалъ въ Волощину и тамъ по выраженію лѣтописца «болѣе 7 годъ овцы паствилъ безвѣстно скрываясь». Русская партія пала духомъ, оставшіеся въ живыхъ предводители ея или несли повинную Жигмунту Кейстутовичу, или были заточены имъ въ темницу (Омелько Владимировичъ съ двумя сыновьями, Юрій Лингвеновичъ и др.). Въ эту тяжелую для русскихъ князей минуту сокрушилась энергія и Ѳедора Даниловича Острожскаго; онъ «оставилъ прелесть міра сего и княжескую славу, взявъ на себе святое иночество и такъ подвизался крѣпко о спасеніи своемъ, угождаячи Богу ажъ до смерти». Князь Ѳедоръ Даниловичъ оставилъ послѣ себя память потомству какъ инокъ и какъ воинъ—какъ инокъ онъ «сподобился стать превыше—въ сонмѣ святыхъ отцевъ печерскихъ».—Какъ воину ему принадлежить заслуга усовершенствованія на Руси военного искусства—онъ ввелъ гусситскій строй войска: «таборъ», усвоенный впоследствии козаками, и доставившій имъ въ теченіе трехъ столѣтій не одну побѣду надъ турками, татарами и поляками.

(М. Максимовичъ; письма о князьяхъ Острожскихъ, письмо 2-е. Бѣлорусская лѣтопись, изданная Нарбутомъ по рукописи Быховца, стр. 46—56. Стадницкій—Synowie Gedymina—Т. I, стр. 95—98 и Т. II, стр. 163. Sromeni—Inventarium Archiv regni An 1434. Палацкій—Dzjiny Narodu českého, Т. III, ч. 1 и 2 и Т. IV, ч. I).

2.

Обязательство данное епископомъ луцкимъ Иваномъ королю Ягеллу въ томъ, что онъ дастъ послѣднему 200 гривенъ и 30 коней, если поможетъ онъ епископу получить Галицкую митрополию. 1398 г.

А се азъ, владыка Иванъ изъ Луцка, знаемо чиню всѣмъ, аже дасть ми господарь мой, великій король, митрополию Галицкую, хочеть ми помочи на поставленіе митрополитомъ, а коли Богъ дасть стану митрополитомъ, я то слобую и хочю дати, оже Богъ дасть, моему милому государю королю двесте гривенъ русскихъ, а тридцать коней безъ хитрости, я того не хочю иступить, и на то есмь далъ свой листъ и печать привесилъ. Въ Опатовѣ, предъ Громницами, у лета нароженія сына Божія тисеча триста девяностого осмого лета (1398).

(Athenaeum, 1842 г. т. II, стр. 25).

Жалованная грамота великаго князя Свидригайла кукмистру Петру Мыщцу на имѣнія въ Кременецкомъ поветѣ: село Борщанку, селище Кандитовъ и Дедовскій тѣсъ. 1408 года, февраля 4 дня.

Милостю Божою мы, великий князь Швидригайлъ Литовскій, Русскій и иныхъ, чинимъ знаменито и даемъ вѣдати симъ нашимъ листомъ каждому доброму, нинешнимъ и потомъ будущимъ, хто на ны възрѣть, или его чтучи услышитъ, комужъ коли его будетъ потребно, ижъ видѣвъ и знаменовъ (sic) службу намъ верную, а нигды неопущеную, нашего верного слуги, пана Петра Мыщца, нашего кукмистра, и мы, порадывшись зъ нашими князи и зъ паны, и зъ нашою верною радою, дали есмо ему и записали за его верную службу село въ Кременецкомъ повете, Борщанку, а борокъ и селище Кандитовъ, а лесъ Дедовъ, со всемъ, што къ тымъ селомъ изъ века и зъ давна слушало и тягло, вечно и непорушно ему со всѣми уходы и приходы, зъ приселки и зъ селищи, и зъ нивами, и зъ пашнями, и зъ лесы, и дубровами, и зъ бортными землями, и зъ гай и зъ пастѣками, и зъ ловаы, и зъ ловищи, и зъ бобровыми гоны и зъ зеремяны, и зъ реками, и зъ озеры, и зъ крыницами, и зъ потоки, и зъ ставы, и ставищами, и зъ млины, и зъ мыты, и зъ болоты, и зъ рудами, и такъ што въ тыхъ именѣхъ собѣ примыслитъ и на новомъ корени посадитъ, и со всеми платы, што къ тымъ именемъ слушаетъ и слушало и также слуги, и зъ дубровами, и зъ сеножатами, и со всеми пожитки, можетъ собе полевшивати и разширивати, осадити, и примножати, а даемъ тому предречоному пану Петру, инакъ Мыщце, кукмистру вѣчно и непорушно ему, а по немъ и детемъ его, внучатамъ и ближнимъ его и его щадкомъ; вольни по всѣхъ тыхъ именѣхъ кому отдати и продати и променити, панъ Петръ и его ближни, и потомъ будущи, пакъли бы хто хотѣлъ тыи имена подъ паномъ Петромъ взяти, или подъ его детми и подъ его ближними, тогды первѣе имаеъ пану Петру, инакъ Мыщце, дати чотыриста копѣ широкихъ грошей, а любо детемъ его, а любо ближнимъ его, тогды и маеъ подъ ними тыи имена взяти, а панъ Петръ зъ того имена и маеъ служити намъ двема коньми,—а при томъ были сведьки, наша рада: панъ Монвидъ, староста Подольскій и Кременецкій, а панъ Юрша, воевода Киевскій, а панъ Янъ Войницкій, староста Луц-

кій и Олескій, а панъ Юрій, маршалокъ нашъ, а панъ Хохлевскій, а панъ Иванъ Гулевичъ, панъ Кожаринъ, маршалокъ Луцкое земли, а панъ Маско Гулевичъ, а панъ Иванъ Волоотовичъ, а панъ Иванъ Чорный, а панъ Иванко Мукосѣвичъ; а на потвѣрженіе того нашего жалованья, про лепшую память и твердость, и печать нашу велели есмо привесити къ сему нашему листу. А пѣсанъ у Луцку, подъ леты рождества Іисуса Христа, 1408 лета, фѣврала 4 день, индикта 1.

Приказъ князя Борисова подканцлѣрого, а пана Семашковъ.

Многочрешный, иснакаръ, писалъ привилій.

(Athenaeum, 1842 г. т. II, стр. 26).

4.

Грамота великаго князя Свидригайла, утверждающая границы имѣнія земянина Брацлавскаго, Карпа Ивановича Микулинскаго. 1431 года, мая 21 дня.

Feria quarta ante festum nativitatis gloriosissimae virginis Mariae proxima Anno Domini millesimo septingentesimo decimo quarto.

Ad officium et acta presentia, castrensia, capitanealia, latyczoviensia personaliter veniens generosus Thomas Zalivski, obtulit officio presenti et ad acticandum porrexit literas graniciales seu confirmationem commissorialem, ruthenico idiomate scriptas, ratione limitum inter bona Poczapinske et Miculinske, per serenissimum regem poloniae Vladislaum datas, manuque ejusdem propria et secretarii subscriptas et sigillo in caera rubra in appenso serico rubro insignitas, in personam generosi Karp Ivanovicz Miculinski servientia, de tenore verborum tali. Significamus presentibus literis nostris quorum interest universis et singulis, productas fuisse coram nobis literas infra scriptas ex actis castrensibus, Latyczoviensibus de actu sabbatho post festum Sancti Martini Pontificis proximo, anno Domini millesimo sexcentesimo trigesimo primo authentice emanatas, continentes in se literas privilegii illustrissimi principis Swidrigaylo, idiomate Ruthenico scriptas, generoso Karp Iwanowicz Miculinski datas et per nobilem Jacobum Czervielski ad acticandum oblatas; supplicatumque est nobis ut easdem literas aucthorita-

te nostra regia aprobare et confirmare dignaremur. Quarum quidem litterarum ea est, quae sequitur series: »Мы, Свидрыгайло, Великий Князь, чинимо знаменито нынешнимъ и потомъ будучимъ веку людемъ, ижъ, пришовшы передъ насъ землянинъ нашъ повету Браславского, Карпъ Ивановичъ Микулинскій, билъ чоломъ, покладалъ передъ нами листь отъ князя Василя Сангушковича, державця нашого Браславского и дворянъ нашихъ: Тыхона Слупыца, Василя Омелковича, и Семена Юзыповича, што есмо имъ первой сего велилы имена его Микулинскіе обыхаты, грани положыты и крывду его, што менуетъ одъ землянъ Браславскихъ и бояръ Хмельницкихъ, розсудыты; ведже оны тое все учинылы, грамоту свою видомя (sic) дали ему; и просилъ насъ, абы есмо ему тое потвердылы; ино мы тую грамоту въ книгу Дьягови нашому уписаты велилы и такъ е напысано: за повелиниємъ великого князя Свидрыгайла, васылъ Сангушковичъ, державця Браславскій и мы дворяне господарскіе: Тыхонъ Слупыца, Василій Омелковичъ, и Семенъ Юзыповичъ, былысмо у землянына повету Браславского, пана Карпа Ивановича Микулинского, вименю его Почапынцяхъ и покладалъ передъ нами листь господара его милости, Великого Князя Швидрыгайла, которымъ пышетъ, абысмо крывду его зъ земляны Браславскими и бояры Хмельницкими розсудылы, и грани около маестностей его учинылы: ино мы посламы вижа замку Браславского, пана Хацка до землянъ Браславскихъ: пана Максима Тымковича, пана Ярмолу, пана Евсея и пана Кмыту; также до бояръ Хмельницкихъ: пана Васка, пана Кондрата и пана Евсея, абы до насъ приехали и зъ паномъ Карпомъ потоковылыся (sic); ведже оны не хотылы, мовячи: »не поѣдемъ тамъ, бо мы о томъ ведаемъ, але своея петки земли пылнуемо,« — а ведже мы, по долгу листу господарского, зъ паномъ Карпомъ чыныты грани поехали, и колы есмо проихалы черезъ лѣсъ Почапынскій до долины Кобелька, вгору рички Згару, где насъ панъ Карпъ припроводыль, указуючи одъколя грунтъ его починаеть, ажъ тамъ есмо, при той долины Кобельку, застали бояръ Хмельницкихъ, пана Васка и пана Кондрата, зъ людьми ихъ, которые намъ поведали: же одъ той долины по правой стороны грунтъ Хмельницкій, а по левой до Почапынцы; тамъ же есмо подіе рики Згару конець усыпаты велилы и на граби грань вытесаты; а одъ тоей долины Кобелькой на полудень грунтъ Хмельницкій вправо, а до Почапынце влево, пускаючи до головы и верховины Ровця, где также конець усыпалы и грань на лыпы

учиниты велилы. А перешедши верховину Ровца, на другую сторону той верховины, засталисма пана Максима Тимковича, который по-видить, же одъ той верховины на полудень у право грунтъ мой, а влево лись Мыховъ—пана Карпога до Почапынець, и тамъ есмо копцовъ два усыпаты велилы, а одъ тыхъ копцовъ лись Мыховъ пушаючи влево, а пана Максима вправо, на пулъ мили долиною и стежкою до долины Бубновыци, а одъ долины Бубновыци черезъ лись стежкою до долины Лоточное, где также есмо грань на явори вытесалы и копецъ учынены велилы. А отъ долины Лоточной до Крыныци, гдѣ ся починаеть ричка Ольшанка, тамъ же копцовъ усыпаты есмо велилы у тоей рички Ольшанки, при долины Щербановой; а одъ долины Щербановой до Сиквы, долины; а одъ Сиквы долины, до Мыскова горба, и з Мыскова горба до потоку и долины Бучачной—усе у лево грунтъ до Почапынець, при которой долины засталисмы пана Ярмолу зъ людми его, которые потвердылы, же отъ Бучачной вправо—грунтъ той до Пултовецъ, а влево—до Почапынець, тамъ же копцы значны усыпатысма велилы; а черезъ тую Бучачную, вниз Ровца, припровадылъ насъ панъ Ярмола до долины, где указалъ по той стороны тылько грунтъ Почапыньскій, гдѣ также копецъ усыпано, а потомъ черезъ ричку Ровець повелъ до урочища Песочное, одътоль до Цецулыны долины, где есмо застали людей Салиськихъ, которые поведылы, же в право грунтъ Салиській, а влево до Микулинець, а тамъ при той долины копецъ усыпано одъ Цецулыны долины до урочища Тулныковъ; одъ Тулныковъ до могылы, протылко селу Якушинскому, гдѣ засталисма Пана Евсея зъ людми его, который намъ поведаль: же по тую могилу и по ричку Вышню—мой грунтъ Якушински управо, а влево грунтъ Мыкулински; тамъ же одъ той могылы у гору рички Вышни, где пришлисма и пришедши тамъ где впадаетъ ричка Дидовка и тамъ засталисма пана Даныла, который поведаль: же грунтъ мой по правой стороны, а по левой до Мыкулинець тамъ же есмо копецъ усыпалы, грани на лыпи вытесаты велилы; одътоль вверхъ рички Дидовки до гостынца Винницкаго, а гостынцемъ, мимо лозу Мохнатую, у лево, пускаючи черезъ поле до рики Згару, ниже урочища Брычаго, где впадаетъ ричка Кулыка, где есмо застали пана Кмыту, который призналъ: же по левой рички Кулыги грунтъ Мыкульнскій, а по правой мой до Лытына, тамъ же въверхъ Кулыги просто до (ро)гу леса; а одъ леса ажъ до урочища Вирной долины, где засталисма

бояръ Хмельницких: нана Евсея и иных, которые признали по тую долину Вирную грунтъ Мыкулинскій, а за долиною Багряновскій; тамъ же противъ той долины, в рици Згару, в озера Антоновы, для вечистого знаку палъ забыты казали есмо и тую границу скончили, и, штобы ее никто не нарушилъ, заруку на Господара его милости чотыриста гривень Подольскихъ (sic) заложили. Пысанъ в Новоселыци, Декабра семнадцатъ день, Индыкъ семей. Которыи то границы и за рику, также конци и грунтъ Карпа Мыкулинского подтверждаетъ; а на твердость того печать нашу к сему листу привесити есмо велилы. Пысанъ у Вылни, мая двадцать первого дня, индыкта девятого. Вежгайло Діякъ, рука». Cui supplicationi nos benigne annuentes proinsertas literas in omnibus earum punctis, clausulis, articulis approbari et confirmari duximus; prout approbamus et confirmamus presentibus literis nostris, decernentes, eas vim et robur debitae firmitatis, in quantum iuris est et usus earum habetur, obtinere debere. In quorum fidem presentes, manu nostra subscriptas, sigillo regni muniri iussimus. Datum Varsaviae, die XXX mensis Septembris, anno Domini MDCXII, regnorum meorum: Poloniae IX, Sueciae X. Confirmatio comissionis ratione limitum, inter bona Poczapinskie et Mikulioskie. Matthias Cielecki S. R. M. Locus sigilli in appenso cera rubra insigniti. Vladislaus Rex. Post ingrossationem idem generosus offerens originale ad se recepit et de recepto officium presens quietavit.

Книга городская летичевская, 1714 г. № 5253, стр. 177 на обор.

5.

Грамота великаго князя Свидригайла шляхетнымъ Чоботамъ на имѣніе Рычеховъ. 1445 іода, марта 3 дня.

Милостию Божіею, мы, князь великій Свидригайло Ольгигиридовичъ визнаваемъ то тымъ нашимъ листомъ каждому доброму, комуужъ буде его потребизна, нынѣшнимъ и потомъ будущимъ, или его услышитъ кто чтучи (sic): ижъ приказаньемъ кроля Владислава полскаго и вгорского, сыновца нашего милого, дали есмы вѣчную очизну въ Огороженной въ Великой, къ королевскому двору, шляхетнымъ Чоботомъ, а также и зъ королевскимъ приказаньемъ дали есмы имъ Рычеховъ, за ихъ вѣч-

ную очизну, отмѣну шляхетному Федору Жукову половину Рычекгова, и также шляхетному Ходорови и зъ братомъ его Игнаткомъ другую половину Рычекгова, и то есмы дали на вѣки вѣчныя и дѣтемъ ихъ, ихъ ближнимъ, по ихъ животѣ, во всемъ правомъ и во всемъ пожитки: зъ пою, и зъ ролями, и зъ луками, и зъ лесы, и зъ лозами, и зъ реками, и зъ потоки, и зъ криницами, и зъ ставы, и зъ млыны, и зъ тыхъ млыновъ вымолотки, зъ ливни звѣриними, и зъ пташми, и зъ вѣчными границами, штожь и зъ вѣка къ тому Рычекгову прислухаетъ, то и нынѣ имаетъ слухати. Вольни продати, или за даръ дати, на свое лучшее обернути, а зъ того намъ имаетъ служить, и нашимъ намѣстникомъ двома стрѣльцами на заволаную войну, якъ останнии земяне служить, а на лучшее свѣдоцтво казали есмы печать нашу привесити къ сему нашему листу на подтвержденіе; а при томъ были наша вѣрная рада: панъ Немиричъ, староста Луцкій, князь Михайло Чоргорійскій, маршалко нашъ, панъ Семашко, панъ Бернатъ маршалко, а иныхъ много добрыхъ при томъ было. Данъ въ Луцку, месеца марта 3 день, подъ леты Христова Рождества 1445 лето.

Приказъ пана Федька канцлерее.

(Atheneum, 1842 года, т. II, стр. 27).

6.

Духовное завѣщаніе князя Андрея Владиміровича, написанное имъ въ Кіево-печерской лаврѣ, по которому имѣнія его: Словенскъ, Могильное, Коменце, Логожескъ, Лемницы и Полонное, въ случаѣ смерти, переходятъ жене и дѣтямъ его. 1446 года, июня 16.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, се азъ рабъ Божій, князь Андрей Владиміровичъ, приѣздиъ есмъ въ Кіевъ, зъ своею женою и зъ своими дѣтками и были есмы въ дому пречистыя и поклонилися есмы пресвятому образу ея и преподобнымъ отцемъ Антонію и Феодосію и прочимъ преподобнымъ и богоноснымъ отцамъ печерскимъ, и благословилися есмы у отца нашего, архимандрита Никола, и у всѣхъ святыхъ старцевъ, и поклонихомся отцу своего гробу, князя Владиміра Олгердовича, и дѣдъ своихъ гробомъ въ пещере; и размыслихъ на своемъ

серци кою тыхъ гробовъ; а вси тыи жили на семь свѣтъ, а пошли вси къ Богу, и помыслилъ есмь помаете—и намъ тамо пойти, где отци и братья наша, и подумалъ есмь зъ своею княгинею и зъ отцемъ своимъ Николою, архимандритомъ печерскимъ, и зъ святыми старцы, и зъ своими бояры, и отписать есмь своей женѣ, княгини Маріи, и своимъ дѣтемъ, и еѣ дѣтемъ свою отчину, и свою выслугу, иже есмь выслужилъ на своихъ господарехъ своею верною службою, на великомъ князи Витовтѣ, и на великомъ князи Жикгимунтѣ, и на своемъ господарѣ, великомъ князи Казиміре, имѣніе первое; а имярекъ: Словенскъ, Могильное, Каменне, Логожескъ, и Лемницы (sic), Полоное а также што есмь подавалъ имена бояромъ своимъ. А кто всхоцетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и они служатъ зъ тыхъ именій женѣ моей и дѣтемъ моимъ; а хто не всхоцетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и азъ тые имена далъ женѣ своей и дѣтемъ своимъ, а вся тая имена поручилъ и далъ есмь женѣ своей, княгинѣ Маріи, и сыну своему, князю Глебови, и дочцѣ своей, княжнѣ Овдотѣ; а при томъ былъ отецъ нашъ Никола, архимандритъ печерскій, уставникъ, Іона Филозофъ, Клучникъ Давидъ, келаръ Герасимъ, и иныхъ у господи наше старцевъ много, и наши бояре, и наши маршалки, князь Глебъ Дмитріевичъ, бояринъ нашъ Александръ Самотечинъ, Иванко Давидовичъ, и иные бояре наши и слуги при томъ были; а кто се слово наше порушитъ, а иметъ въ тые имена вступатися, разсудится зъ мною предъ Богомъ, и буде ему клятва отъ Бога Отца и Сына, Святого Духа и одъ пречистыя Владычицы нашея Богородицы и присно-дѣвы Маріи, одъ всѣхъ святыхъ ангелъ, и одъ пророкъ, и апостолъ, и одъ четырехъ евангелистъ, и одъ святыхъ отецъ, иже на седми зборехъ бывшихъ, и одъ всѣхъ мученикъ, и преподобныхъ и боговосныхъ отецъ Антонія и Феодосія печерскихъ, иже есмь то вернѣ выслужилъ отъ своихъ господарей. А писана въ Кіевѣ, въ обители царстѣй, въ печерскомъ монастыри, по святыхъ Богородицы и преподобныхъ отецъ Антонія и Феодосія, въ лето 6954, іюня 16, на память священномученика Тихона, а писалъ старецъ Пахнутій, Лихачевъ братъ.

Athenagien, 1842 г. т. II, стр. 32 наоб.

Примѣчаніе — Упоминаемый въ этомъ актѣ князь Владиміръ Ольгердовичъ, отецъ завѣщателя князя Андрея, по словамъ лѣтописи Быховца (стр. 22) по-

лучилъ отъ отца своего въ удѣлъ Кіевъ. Владиміръ не хотѣлъ подчиниться могучему великому князю Литовскому Витовту и потому послѣдній двинулся противъ него изъ Подоли, взялъ Житомиръ и Овручъ. Успѣхи Витовта заставили Владимира смириться и онъ вызвалъ къ нему на встрѣчу, но, за сопротивление, Кіевъ былъ отнятъ у него и отданъ Скиргайлу, самъ же онъ переведенъ на удѣлъ въ Копыль (Быховецъ, стр. 34). Сынъ Владиміра Ольгердовича Иванъ Белзскій сопровождалъ короля Ягеллу на коронацію въ Краковъ, и послѣ того женился на княжнѣ Василісѣ Белухъ - Ольшанской, старшей сестрѣ жены Ягеллы—Софій (Быхов. стр. 29 и 37). Въ битвѣ подъ Вилькомиромъ, князь Иванъ Владиміровичъ, сражаясь за Свидригайла противъ Сигизмунда Кейстutowича, взятъ былъ въ плѣнъ (Бых. стр. 47). Кромѣ Ивана, у князя Владиміра Ольгердовича были еще сыновья: Андрей Могилевскій *). Сигизмундъ Кейстutowичъ, во время своего княженія, враждуя съ литовскими панамі, и разрушая на Литвѣ дворянское начало, заключилъ Омелька въ тюрьму въ Керновъ, а жену и сыновей его Семена и Михаила въ Утяну (Бых. 48). Они были освобождены изъ своего заключенія литовскими панамі уже послѣ убіенія Сигизмунда и возвратились въ свою отчизну въ Копыль (Бых. 50). Послѣ отнятія Кіева у Михаила Сигизмунтовича, князь Омелько, съ сыновьями своими, Семеномъ и Михайломъ, били челомъ великому князю Казиміру, чтобы онъ отдалъ имъ Кіевъ, какъ отчизну ихъ. Снисходя на просьбу пановъ радъ своихъ, Казиміръ отдалъ имъ Кіевъ, со всѣми прігородками Кіевскими (Бых. 56). Въ 1454 году Омелько умеръ и Казиміръ не позволилъ уже сыновьямъ его дѣлить Кіевъ между собою, на томъ основаніи, что Кіевъ не можетъ считаться ихъ отчизною, по причинѣ побѣга князя Владиміра; отца Омелька, въ Москву. Такимъ образомъ Кіевъ былъ отданъ Семену, а Михайлу предоставленъ Копыль. Въ 1460 году умерла жена Омелька Настасія Витовтовна, въ слѣдующемъ 1461 году Казиміръ назначилъ князя Михаила Омельковича намѣстникомъ въ Новгородъ. Въ томъ же году Семенъ Омельковичъ умеръ (4 декабря), а Михайло оставилъ Новгородъ (Бых. 61). У Михайла былъ сынъ Семенъ князь Слуцкій, имя котораго не осталось безслѣднымъ въ исторіи южной Руси. Этотъ Семенъ въ 1502 году, поразилъ татаръ подъ Бобруйскомъ; но въ томъ же году неожиданно налетѣлъ съ ордою Битесь-Гирей, захватилъ Семена въ располхъ и принудилъ запереться въ Слуцкѣ, окрестности котораго совершенно разорилъ и опустошилъ (Бых. стр. 72, 73). Въ 1503 году князь Семенъ принималъ участіе въ пораженіи татаръ литвинами у Поневежа, около р. Припяти, и въ томъ же году онъ скончался, по выраженію лѣтописи, «христолюбивый и благовѣрный» (Бых. 75).

* И Александръ (Омелько); радоначальникъ князей Омельковичей.

Грамоты короля Казимира, 1457 года 11 ноября, и великих князей литовских: Александра, 1500 года августа 6 дня, и Сигизмунда II, 1545 года декабря 5 дня, служащая князьям Любецким на имение Любчо и на друия имѣнія, находящіяся въ Волынской землѣ.

Рокѣ 1569, мѣсеца февраля 7 дня, в понеделокѣ.

Пришодчы и постановившиися очевисто в замку Лудкомѣ, передомною, Петромѣ Хоменкомѣ, подстаростимѣ Лудкимѣ, ея милость княгиня Павлова Соколинская, княгиня Ганна Романовна, княжна Друцкая и Любецкая, зъ зятемѣ своимѣ, его милостью княземѣ Львомѣ Сангушковиномѣ Кошарскимѣ, а ея милость княгиня Ивановна Любецкая, княгиня Олена Солтановна Соколского и пани Миколаева Харлинская оповѣдали очевисте, привилей господарскій покладали на имена свои Любецкое и на иншия имена; и не будучи безпечни от неприятеля головного паганства татарѣ, и к тому не маючи мѣста певного в домехъ и перестерегаючи часу пригодливого запаленемѣ огня и иншихъ пригодѣ, што за нещастемѣ на люди приходитѣ, а хотечи тотѣ привилей господарскій собе для вшелякихъ пригодѣ на мѣстцу певному и безпечному мети, просечи, абы на вриде господарскомѣ обявней вычитанѣ и до княгѣ вгородскихъ былъ записанѣ, который привилей господарскій такѣ ся в собѣ маеть: »Жигимонтѣ Августѣ, Божю милостю король полскій, великий князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жемойтскій, Мазовецкій и иныхъ. Чинимъ явно симѣ нашимѣ листомѣ, хто на его посмотритѣ, або чтучи его услышитѣ, нинешнимѣ и на потомѣ будучимѣ, кому будетѣ потреба того вѣдати: били намѣ челомѣ дворене наши: князь Богданѣ, князь Дмитрей, князь Иванѣ, князь Янушѣ Романовичи Любецкие, и поведили передѣ нами, изъ которое имене свое, Любче, въ земли Волынской они мають, инодей отъ людей неприятельскихъ паганства татарѣ оному имену ихъ частокротѣ великая небезпечность дееть и которой привилейхъ листы твердость на тое имене свое Любче прислухаючи они въ себе мають и вгды ся имѣ sprawy коло того именя ихъ Любча и границъ ихъ зъ сусѣды ихъ обоимъ графяють и предѣ насѣ господара, або пановѣ радѣ нашихъ, и въ поветехъ Волынскихъ, въ томѣ се позывають

и розезды чинять, тогда они у воженю тыхъ привилей своихъ головныхъ черезъ далекость дороги и для небезпечности отъ людей непрятельскихъ и отъ огня великую трудность принимаютъ; и били намъ чомъ, абыѣмо для дешшой безпечности и для вшеляныхъ пригодъ листы твердости ихъ, которые они на имене свое, Любче, в земли волинской мають и зачимъ его держать, казали слово отъ слова на листе нашомъ выписати, и на то листъ нашъ имъ дали, который бы они, вместо онихъ головныхъ привилей листовъ своихъ, завжды ку обороне в потребахъ своихъ на праве покладали; яко жъ напервей положили передъ нами на тое имения свое, Любче, привилей дѣда нашего Казимера, короля его милости, и листъ бабки свое, паней Феде Олизаровой Шиловича, и другой листъ короля его милости Казимера, и тежъ особно листы дѣда нашего Александра, короля его милости, въ которыхъ широче есть описано, за которые-деѣ листы и тепере они тое имене, Любче, на себе держатъ, гдежъ мы оныхъ листовъ, черезъ князей Любецкихъ покладанныхъ, оглядавши и выслухавши, и бачичи речъ и прозбу ихъ въ томъ быти слушную и казали ихъ слово отъ слова все въ сей нашъ листъ уписати, который жъ такъ се въ себе маєт: »Самъ Казимеръ, Божю милостю Король полскій, великій князь Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомойтскій и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ каждому доброму, нинешнимъ и на потомъ будущимъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ, комужъ потреба того будетъ ведати: поведила передъ нами старостина Луцкая, пани Олизарова Шиловича, пани Федка, штожъ панъ ее, небожчикъ панъ Олизаръ Шиловичъ, староста Луцкій, маршалокъ волинской земли, будучи доброй памети, отходя зъ сего свѣта, даровалъ и далъ и записалъ ей имения свои, на имя Здолбицу зъ приселкомъ зъ Глинскомъ, а зъ Куниномъ и зъ иными приселки, а Гороховъ с приселки, а Любче тежъ с приселки, прадедину, и дедину, и отчизну свою властную, а такъ то справилъ, ижъ она волна по своемъ животе тии имения отдати тому, кому хочеть, и обернути ихъ подлугъ своей воли; и вразумивши то пани Олизарова, штожъ мы слугу нашего, пана ее, пана Олизара, мели во чти и в ласце нашой и тежъ на наше пожадане, з воли своее доброе а не жадного принуженя, волне даровала насъ, и дала, и занисала тии два имения у Волиню по своемъ животе, на имя Здолбицу и с приселки, а другое имене Гороховъ и с приселки и с платы и зо всеми пожитки, яко жъ то намъ оправила листомъ своимъ вѣчно и непоручно

на веки, и далей била намъ чоломъ и жедата насъ, абыхмо ей дали и призволили имене Любчо—пана ее прадедину, и дѣдину, и отчизну,—по ее животе отдати и записати приржонымъ своимъ, кому бы она хотела; ино мы тое позволили, тое имене Любчо по своимъ животе волна она отдати и записати приржонымъ своимъ, кому бы хотела, вѣчно на веки, и тежъ волна обернута то подлугъ своей воли; такожь з нашей ласки пожаловали есмы и отпустили с того именя—зъ Любча воловщизну нашу на веки вечные; а на твердость тыхъ речей казали есмо печать нашу привесити к сему нашему листу; а при томъ были: маршалокъ нашъ, наместникъ Слонимскій, панъ Солтанъ Александровичъ, а подскарбей нашъ Ивашко Литаворъ Богдановъ сынъ Хребтовича, а писарь нашъ Ивашко Гацковичъ, владыка. Писанъ въ Луцку, въ лето шестѣтисячное девятсотъ девяносто пятое, мѣсяца ноября первогондцать дня, индиктъ 6. Во имя Святыя Троицы станся Божя воля. Спривилемъ господаря короля Казимера Полскаго, князя великаго Литовскаго и иныхъ, се я, пани Федка пани Оршина, дочка пана Олизара Шиловича, маршалка волынской земли, старосты Луцкого, жона, чиню знакомито симъ моимъ листомъ каждому доброму, нине и потомъ будущимъ, будучи есмо въ добромъ здоровіи, чоломъ есмы била господарю, великому королю его милости Казимиру, ажебы его милость допустилъ мене ко именамъ моимъ, што мой господарь, панъ Олизаръ, записалъ мнѣ отчизны свои имена у моемъ веку, на имя—Ходенъ, а Любчо, въ Луцкомъ повѣтѣ,—а такъ ми записалъ у вотчизну вѣчно и непорушно, волна есмы тѣе имена продати, и заменяти, и ближнимъ своимъ дати, и по души своей къ церкви Божее придати, какъ хотечи, такъ ихъ ку потреби мне своей привернути, ино господарь, король его милость, подле запису пана моего у тыхъ именахъ мене не порушилъ; и я, еще будучи въ добромъ здоровіи, погадавши собе и видечи сестренца своего, князя Богдана Василевича, службу и пилность до себе, дала есмы ему по своемъ животѣ имене у вотчизну, на имя Любчо, вѣчно и непорушно со всемъ съ тымъ, што к тому имену зъ века прислухаетъ, ничего не выимуючи, такъ какъ и господарь мой, панъ Олизаръ, зо мною посѣнолите держалъ с приселки: з Доросынемъ, а з Суткою и Залесцами, а з сказанымъ островомъ и з ынними приселки, зъ реками, ставы и ставищи, со млыны и озерами, з ловы, ловищи, з бобровыми гоны и соболими гнездами, з лесы, зъ дубравами, съ полми и сеножатми, и з грани, (которые идутъ) посередъ Мухотолокъ, рекою Лютицею до мосту

въ великому гостинцу, великимъ гостинцемъ до Печатного броду по
 Трестянку, по Чортовъ Ставокъ, Трыстанкою, ажъ до Ситного болота
 въ Иваницкой границы, а по Короватую, а по Топорище, по Стохоть,
 Стохотомъ, по Чонпи, отъ Сокура половицею реки, менуючоися Свидинки,
 ажъ до Велицкого ставу, по гребли до Соколское дороги, Соколскою
 дорогою ажъ у Мухотолоки такъ широко и долго, якъ панъ со мною
 посполите держаль; а сестренець мой, князь Богданъ, маєть отъ госпо-
 дара моего (sic) пана Олизарову душу и мою душу поминати, и родителей
 нашихъ; а воленъ онъ в томъ именю прѣдати, и заменяти, и ближнему
 своему дати, и по души своей в церкви Божее придати, какъ хочечи,
 таѣ его ку потребизне своей повернути; а не надобе въ тое именее
 никому уступатися, ни брату моему родному, ни дотце моей, ни
 внучатамъ моимъ, ани ближнимъ моимъ; а при томъ была дочка моя,
 княгиня Маря Семеновая Ровенская, а панъ Богданъ Гостскій Сен-
 ковичъ, влючникъ Луцкій, потчаший короля его милости; панъ Федко
 Аврамовичъ, дворенинъ короля его милости, панъ Сенко Плещинъ,
 панъ Петро Олехновичъ, маршалокъ пана Петра Яновича, маршалка
 волынского земли, старосты луцкого, панъ Петрушко Мухетичъ, панъ
 Еско Еловичъ, панъ Шимко Ганусовичъ, панъ Бартошъ Юшковичъ.
 А надъ тое свидетельство про лишнюю справедливость и твердость и печать
 еси свою привисила к сему моему листу. Писанъ у Ровномъ, въ лето
 шестьтисечное девятьсотъ девеносто шестое, месяца июля семьинадцать
 день, индиктъ шостый. Самъ король Казимеръ, Божю милостю, король
 полскій, великий князь литовскій, рускій, княжа пруское, жомойцкй
 и иныхъ. Билъ намъ чоломъ князь Богданъ Василевичъ, а повелѣлъ
 намъ, што тетка его, пани Олизаровая Шиловича, пани Федка, записала
 ему имене свое, на име Любчо, которожъ ей небожчикъ панъ ее далъ
 и записалъ, а потомъ и мы ей тое имене ей дозволили отдати и про-
 дати и листъ нашъ есмо ей (дали) съ привисистою печатю, и просилъ
 насъ, абыхмо ему (дозволили) то мети; ино, коли она ему тое имене
 дала и записала ему тое имене, дозволяемъ мети, зъ совсимъ, (подлугъ)
 запису и данины еѣ, што ктому именю..... она сама мела, а намъ
 нехай с того (именя служить); а на твердость того и печать нашу
 господарскую казали привесити къ сему нашому листу. Писанъ у
 Новомъ месте, сентебрия третего дня, индикта сегого. Самъ Александръ,
 Божю милостю, великий князь литовскій, рускій, жомойтскій и иныхъ.
 Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ,

або чтучи его услышитъ, кому жъ того потреба будетъ ведати: билъ намъ чоломъ князь Романъ Василевичъ и поведилъ передъ нами, штожъ староста лудкий, маршалокъ волынское земли, небожчикъ панъ Олизаръ Шиловичъ, записалъ паней своей, а его тетце, паней Феде, имене свое отчизное, на имя Любчо, и отецъ нашъ, король его милость, то и привилемъ своимъ ей подтвердилъ, ижъ она волна тое имене Любчо отдати, и продати и ближнему своему записати; и она тое имене Любчо дала, записала сестренцу своему, князю Богдану Василевичу, брату его; и отецъ нашъ, король его милость, на то князю Богдану и листъ свой далъ, и тыи онъ листы вси, привилъ отца нашего, короля его милости, што паней Олизаровой дозволилъ записати и записъ ее, што она записала брату его князю Богдану и другимъ, листъ отца нашего, короля его милости, на то передъ нами вказывать и поведилъ передъ нами: штожъ того его брата, князя Богдана, у животе вжо нестало, и билъ намъ чоломъ, абыхмо, по близкости брата его ктому имену Любчу, его допустили; ино мы то, на его чоломъбите, учинили зъ ласки нашей—тое имене Любчо, по близкости брата его, дали есмо ему зо всимъ стымъ, што здавна к тому имену прислухаеть и подтверждаемъ то симъ нашимъ листомъ вечно и непорушно ему самому, и его жонѣ, и ихъ детемъ, и на потомъ будущимъ ихъ счадкомъ; воленъ онъ то отдати, и продати, и заменить, и ближнему своему записати, и ко всему лепшому и вжиточному обернути, какъ самъ наленей розумеючи; а на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашему листу. Писанъ у Боболцохъ, въ лето семьтисечное осмое, месяца августа постого дня, индикта третего. И што се тычетъ тыхъ привилевъ, передъ нами положонныхъ и на семъ листе нашемъ господарскомъ уписаныхъ, мы во всемъ ихъ, чого они за тыми листы (домовалися), при mocy на вечные часы зоставуемъ, на то княземъ Любецкимъ сей нашъ листъ даемъ и, где бы колвекъ тотъ теперешний листъ нашъ пришлоъ и былъ отъ князей Любецкихъ и потомъковъ ихъ ку обороне ихъ вказанъ у праве передъ нами господаремъ, або паны радами нашими и старостами поветовыми волынскими, и во всякихъ справахъ и коло розъездовъ и границъ того именья ихъ Любча, и где колвекъ на иньшихъ местцахъ,—тогда маеть тому листу нашему во всемъ место а вера быти дана, такъ якобы и той листы головный, который въ семъ нашемъ листе вписаны, положоны были; а на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашему листу. Писанъ у Вилни,

под леты Божого нароженъа тысяча петъсотъ чотырдесять пятого, месяца декабрия пятого дня, индикта четвертого дня, подпись властное руки господарское. Валериянъ дьяконъ Велинскій, писарь. А такъ и тое оповедане ихъ милости и тотъ привилей его ихъ милости слово отъ слова, с початку ажъ до конца, в книги кгородские записаты казаль, съ которыхъ и выпишь его милость, князь Левъ Александровичъ Саньгушковичъ Кошарскій, подъ моею печатю себе взять.

(Книга городская Луцкая, поточная, 1569 года, № 2043, стр. 81).

8.

Грамота великаго князя Александра Свидригайла князю Михаилу Васильевичу (Вишневецкому?) на имѣнія въ Луцкомъ повѣтѣ. 1458 года, декабря 29.

Z miłosierdzia Bożego, My, xiążę Alexander, inaczey Szwytrygayło Olgerdowicz, czyniemy znamienito i do wiadomości podaіemy tym naszym listem kaźdemu dobremu, teraznieyszym i na potym będącym, kiedykolwiek tego potrzeba będzie, kto na niego spóyrzy, czyli czytaіąc go usłyszы, iż to My, widząc znamienitą usługę nam nigdy niechybioną wiernego naszego xiążęcia Michała Wasylewiczа, i My, naradziwszy się z naszymi xiążętъу i pany, i z wiernym naszym zgromadzeniem, dajemy i dalsіmy jemu maietność w Łuckim powiecie, w Łukowie—wieś Aliszowa na rzece na Studle, a do tego Żerewiane na Rudce Alisowy na Studlezy, a Suchowisy dworzysko wierzch Radochonki, a manastыр świętego Mikołaja na Klewaniu nad Studlcm—że i z cerkiewnym zborzyszczem, y z Pieskaczowskich Aharakowiec na rzece na Połonny yz wszystkiemi pożytki i opłatami, iako z dawna y od wieku do tych wsiow należało i należy y do tego monastыra—y z polami, y z pastwiskami, y z gajami, y z dąbrawami, y zwierzami, y z barciami, ziemiami, y z daninami, y liesami, y z pasiekami, y z łowanіи, łowiszczami, y z wrembem, y z sianożędми, y z błотami, y z krynіcami, y z rudami, y z potokami wodnemi, y z młynami, y z rzekami, y z jeziorami, y stawami, y stawiezczami, y z mytami, y z bobrowemi łowami, y zwierzeniemі, iakoż to y z dawna okryślono i ograniczono. A dalsіmy naprzod rzęzonemu Xiążęciu Michałowi Wasyliewiczowi wyżey wyrażone wsie wiecznie

y nienarusznie, jemu samemu—Xiążęciu Michałowi, y jego dzieciom, i jego bliźnim, y jego potomkom; a wolno mu y oddać, y sprzedać, y zamieniać, kiedy zechce, y według upodobania oddać; a może sobie w tych majątnościach polepszać, y rozszerzyć, y na nowym korzeniu sadzić. A przytym byli: władyka Łucki—Iefrimen, a Xiąże Iwan Wasylewicz, a Xiąże Iwan Czetwerński, a pan Kozaryn Rusanowicz, a pan Niemira Rożanowicz, starosta Łucki, a Xiąże Ołexandro Sonkuskowicz, a pan Pietraszko Miłoski, marszałek ziemski, a pan Chwedko Chomiński, y inni. A dla lepszej wiadomości i stwierdzenia y pieczęć naszą kazaliśmy przywiesić ku temu naszemu listu. Pisan ten list w Łucku, decembra 29 dnia, indyeta 10, roku od narodzenia Jesusa Chrystusa 1458-go. Pieczęć wisząca na rozkaz pana Chwedka Krayczego.

Translationem hanc oryginalem, in lingua ruthena exarctam, sigillo pendenti antiquo provisam, in toto conformem esse testor. Datum Leopoli, die 2 martii, 1798.

(L. S.) Andreas Angełtowicz, juris u. doctor. Advocatus Galic: Orient: in civi: lib: ac militaris juris canon, in lingua ruth: professor, diaccesanus examinador, ac C. R. Gubernalis in ling. russ. juratus translator.

Собщено: В Антоновичемъ.

9.

*Жалованная грамота князя Семена Александровича сыну своему
Иеремію Шашку на различные имения. 1459 года, июня 12.*

Мы, князь Семень Александровичъ великого князства своего Киевскаго, ознаймуемо симъ листомъ нашимъ, хто бы на него посмотрити, либо чтучи его слухати будетъ хотѣвъ, кому бы тое вѣдати потреба, ижъ мы дей, змиловавшись надъ слугою нашимъ, урожоннымъ Еремиею Шашкомъ, которой намъ великіе услуги свое и коштомъ немалымъ отдасть, про то, нагорожаяючи ему самому, жонѣ и потомству его, при всюи отчизнѣ и дидизнѣ его земной и при всѣхъ городищахъ

и урочищахъ его zostавую и симъ листомъ моимъ надаю, которыхъ продкове его отъ продковъ моихъ спокойне держали и оныхъ заживали. Городища, селища и урочища з рѣками и рѣчками и зъ ихъ прилеглостями, кождое до себе широкость маючие: городище Тимоловъ изъ лѣсомъ Гнилецкимъ, Томиловомъ, Печенѣжцомъ, Ключовомъ, Бугаевомъ и иными лѣсами и лесами и землями своею широкостю, какъ се они мають. Городище изъ самъ (sic) Драгушовскими и зо всею землею надъ рекою Русавою, по обохъ сторонахъ тое реки земля лежачая, какъ его продкове въ широкости и долгости з дубровами, сеножатми и речками малими, в Русаву впадающими. И какъ тая Русава сама в себе рѣкою идетъ и в Днѣстръ впадаетъ, съ тоєю рѣкою Русавою и широкостю земляною; такъ же городища надъ рекою Кусницею изъ головою Кусницы и Кусничкою, зо всѣми ихъ полями, сеножатми, дубровами и ихъ принадлежностю. До того; инѣше городища и урочища надъ рѣкою Каменицею и отъ верховины ее, которая впадаетъ въ Днѣстръ, з обухъ сторонъ тое рѣчки Каменицы землю держати маєтъ по самую Сухую Каменицу, съ подойминами такъ того мѣсца по рѣчку Рашиковку, которая в Днѣстръ впадаетъ, и з оными городищами, и ихъ широкостю и долгостю земляною, и изъ стѣнками и ярами, долинами, по надъ Нестромъ и въ поляхъ будущими,—зо всѣмъ тымъ, какъ продкове его держанья и уживанья свои мѣли, повинность и службу предкомъ нашимъ отдавали и намъ отдаютъ. При чомъ всѣмъ, его самого, жону, дети и на потомъ будущіе исцадки его при томъ всѣмъ zostавую, имѣти хочу, какъ продкове его заживали, што бы и унѣ тое отчизны и дидизны свое заживалъ и по немъ сцадки его. На што и листъ нашъ с притисненьемъ и завишеньемъ печати дали есмо. Писанъ на Прилуце, за Днепромъ, іюнь 12 день, в лѣто 6967.

Сообщено В. Антоновичемъ.

Объ упоминаемомъ въ настоящемъ актѣ князь Семенъ Александровичъ см. примѣчаніе къ акту № 6.

Грамота великаго князя Александра Звягольскому намѣстнику, Яцку Мязю, на крестьянское семейство въ г. Овручъ. 1496 года, апрѣля 11.

Самъ Александръ, Божю милостью великій князь Литовскій, Русскій, Жомойтскій и иныхъ.

Намѣстнику Вруцкому, князю Григорью Глинскому, и инымъ намѣстникомъ нашимъ, хто потомъ будетъ отъ насъ Вручей держати. Билъ намъ чоломъ намѣстникъ Звягольскій, Яцко Мезь, а просилъ в насъ во Вруцкомъ повѣте человека, на имя Лазорка, изъ его сыни, и зъ братаничи его, а повѣдалъ намъ, штожъ дей съ нихъ одна служба, а дани они дають двадцать ведеръ меду и четири вѣдра, а померного два гроши и подымщина, а служба дей ихъ—тое три дни сена косятъ, а три дни жита жнуть и иныи службы служатъ; ино мы того человека, Лазорка Мошкевича, изъ его сыни и зъ его братаничи дали ему изъ данью и со всеми ихъ землями спашными, и зъ бортными, со всеми потому, что здавна тыи люди держали. Писанъ в Меречи, апрѣль 11 день, индиктъ 14.

(М. П.)

Сообщено В. Антоновичемъ.

11.

Грамота великаго князя Александра землинну Федору Блищановичу на земли—Телешовицкину и Царевичину, находящіяся въ Овручскомъ повѣтѣ. 1498 года, октября 13. Подтверждение этой грамоты Сигизмундомъ III, 1601 года, февраля 27 дня.

Roku tysiąc sedmset trzydziestego szóstego, miesiąca decembris trzynastego dnia.

Na urządzie grodzkim, w miescie iego krolewskoy mości Żitommirzu, przede mną, Wawrzyńcem Walewskim—Lewkowskim, namiesnikiem protunc

podwojewództwa y vices regentem gredzkim generału województwa Kijowskiego, y xiegami nineyszemi, grodzkimi, Kijowskimi comparens personaliter wielmożny jęgomosć, xiądz Andrzej Bieniecki, archymandrita Owrucki, official metropolii Kijowskiej, ekstrakt z xiąg metryki koronnej authenticie wydany, z wpisaniem w nim potwierdzenia Wcrowszczycem ziemi Teleszowszyny y Carowszczyzny służącego, ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg niniejszych podał, de tenore tali. Augustus tertius, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Mazoviae, Samogitiae, Kijowiae, Wolyniae, Podoliae, Podlasiae, Livoniae, Smolensciae, Severiae, Czernichoviaeque, nec non hereditarius, dux Saxoniae princeps et elector. Significamus presentibus literis nostris, quorum interest universis et singulis, reperiri in actis metrices regni privilegium confirmationis, ruthenico caractere scriptum, tenoris sequentis. Жигмунд третій ознаймуєть etc. Билъ намъ чоломъ земеннѣ земли Кіевскоѣ, Иванъ Степановичъ Веровичъ самъ отъ себе и имѣнемъ отца своего, Степана Веровича, отчицовъ и державецъ добръ Телешовщины и Царовщины, и покладаль передъ нами листъ светоблиной памяти короля его милости Александра, продка нашего, зъ печатію его королевскоѣ милости, которымъ король, его милость, Федоровъ Блищановичовъ, зъ братією его, земли—Телешовщину и Царевщину предѣломъ ихъ подтвердѣты рачиль, по которыхъ оны, будучи у спокойномъ держанію, уживанію, просылы насъ черезъ некоторыхъ пановъ радъ и урядныковъ нашихъ, абы есмо оны, до ведомости нашей господарскоѣ припустивши, листомъ нашимъ подтвердѣлы, который такъ ся въ себе маєтъ: »Самъ Александеръ, Божою милостью, великий князь Литовскій, Русскій, Жмудскій и иныхъ. Билъ намъ чоломъ земеннѣ Вруцкий, на имя Федоръ Блищановичъ, зъ братією своею и покладаль передъ нами листъ отца нашего, короля его милости, штожь панъ Мартынъ Гаштолтовичъ пооднималъ былъ у нихъ земли отчизные, на имя—Телешовщину и Царевщину, и отецъ нашъ, король его милость, казалъ имъ тѣе земли ихъ зася поодавати и на то передъ нами листъ отца нашего, короля его милости, показовалы и тежъ пана Мартына Гаштолтовича, и били намъ чоломъ, абыхмо имъ тѣе земли ихъ отчизные и дворища, которые мають въ Овруцкомъ месте, подтвердѣлы сымъ нашимъ листомъ; ино мы имъ тѣе земли ихъ отчизные и дворища подтверждаемъ нинейшимъ листомъ, нехай оны тѣе земли свои держать со всимъ тымъ, якъ ся тѣи земли и дворища во всемъ мають, а намъ службу земскую служить конно, збройно,

посполу зъ иншими земями вруцкими. Пысанъ въ Мозыри, октовріа трынадцятаго дня, индыкта первого; у того лысту печать притыснена. А так мы, государь, выдечи прозбу и чоломбитіе его слушное, ведлугъ права посполитого и привилею, обывателемъ князства Кіевского на унію данного, новинное и на чоломбитіе ихъ, людей украинныхъ, небезпеченствомъ отъ Москвы и татаръ притеклыхъ (sic) чинечи, преречонныхъ земянь нашихъ, Веровчицовъ, и потомковъ ихъ при тыхъ добрахъ — Телешовицзни и Царовицзни, также при всехъ и вшелякихъ, здавна и теперъ въ себе мающихъ, належностяхъ и пожиткахъ, въ границахъ и межахъ старожитныхъ, на особливыхъ листехъ передъ нами показованныхъ, заставивши и заховуючи вверху писаный лыстъ предка нашего во всихъ его члонкахъ и артыкулахъ Веровчицомъ и ихъ потомкомъ тыле, иле намъ того право посполитое позволяетъ, з влады нашей королевской — подтверждаемъ и умоцняемъ симъ лыстомъ нашимъ, который, для большой виры и твердости, рукою нашою подписавши, печать коронную къ нему есмо приложиты росказы. Пысанъ в Варшавѣ, на сеймѣ валномъ коронномъ, року отъ нароженія Сына Божого тысяча шессотъ первого, месяца февраля двадцать сегого дня, а кролевствъ нашихъ: польского чотырнадцатаго, а шведского осмого року, Sigismundus Rex; Zachariasz Jełowicki. Quod ejusmodi confirmatum privilegium, ruthenico caractere scriptum, prout in actis metrices regni continetur, nos fideliter describi et parti postulanti ruthentice extradi permisimus; in quorum fidem presentibus sigillum regni est appressum. Actum Varsaviae, feria secunda in vigilia festi sanctorum omnium, die scilicet trigesima prima mensis octobris, anno Domini millesimo septingentesimo trigesimo quinto, regni vero nostri anno tertio. U tego extractu, z xiąg metryki koronney autentice, wydane go przy pieczęci przyciśnionej podpis ręki jaśnie wielmożnego podeanclerzego taki: Ioannes in Lipe Lipski, episcopus Cracoviensis, dux Severiae, procancellarius regni. (Locus sigilli). Z drugiey zaś strony pieczęci przypisek w te słowa: relatio illustrissimi, excellentissimi et reverendissimi domini, domini Ioanis in Lipe Lipski, episcopi Cracoviensis, lucis Severiae, procancellarii regni. Potwierdzenie zaś tak się w sobie ma: ex actis anni millesimi sexagesimi primi potwierdzenie Werowczycom ziemie Teleszowszczyzny y Carowszczyzny. Który że to ekstrakt, za podaniem y prośbą wyż mianowanej osoby podawaiącej, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo, iak się w sobie ma, do xiąg niniejszych iest ingrossowany.

Книга Кіевская, вродская, 1736, № 47, листъ 308.

Грамоты великих князей: Александра 1499 года, марта 24 дня, Сигизмунда I и Сигизмунда II, а равно и других лиц, Киевскому Михайловскому Златоверхому монастырю, на имения.

Roku tysiąc siedmset trzydziesiątego szóstego, miesiąca decembris trzynastego dnia.

Na urządzie grodzkim, w mieście jego krolewskiej mosci Żytomiżu, przedemną, Wawrzyńcem Lewkowskim, namiestnikiem protunc grodzkim y xiegami ninieyszemi, grodzkimi, Kijowskimi comparens personaliter W. jego mosć xiądz Andrzej Bieniecki, archimandryta Owrucki, official metropolii kiowskiej, ekstrakt z xiąg metрики koronnej, authenticie wydany, z wpisaniem w im konfirmacyi prawa monasterowi świętego Michała Kiowskiego służącey, ratione introcententorum, dla wpisania do xiąg ninieyszich per oblatam, podał, de tenore tali: Augustus tertius, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae, Kioviae, Volhyniae, Podoliae, Livoniae, Smolensciae, Severiae, Czerniechoviaequae, nec non haereditarius dux Saxoniae et princeps elector. Significamus presentibus literis nostris, quorum interest, universis et singulis, reperiri in actis metrices regni privilegium confirmationis, ruthenico caractere scriptum, tenoris sequentis: Жигимонтъ Августъ etc. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ всемъ посполите и каждому зъ особна, нынешнимъ и на потомъ будучимъ, кому коликокъ будетъ потреба то ведати. Присылатъ до насъ игуменъ Захаріа монастыря святого Михайла золотоверхого, зъ Кіева, зо всею братією, чернцами тамошними, и покладали передъ нами листовъ разныхъ паперовыхъ тринадцать, а четвертыйнадцать паргаменовый, даныны й подтверженный продковъ нашихъ: листы никоторыхъ особъ записанные купчыи земельные на селища, земли, кгрунты, поля, селы, пущы, дерево боршне, реки, озера, ловы всякыи, сеножаты и иные пожытки, к тому монастырю належачие, чого они и теперъ въ спокойномъ держаню суть; которые ижъ ся отъ старосты подралы и обавляючися оныи, абы и до конца не попсоваляся, што хотечи мощно обвароваты и въ целосты по себѣ на потомные вечные часы церкви Божой заховаты, зваща ижъ часовъ недавнихъ земля Клевская черезъ насъ ку коруне полской привержена

есть; для того били намъ чоломъ, абы-смо уси оны листы и права ихъ при mocy zostавили и, у подтверженъе наше приведши, тымъ на вечность утвердили и дали имъ на то за печатью коронною нашъ листь; ино мы, тыхъ листовъ оглядавши, а для широкости письма ихъ слово отъ слова въ подтверженъе наше не вкладаючи, велели есмо пораднѣ а вкратце усю речъ, што ся въ нихъ замыкаетъ, въ семъ нашемъ листѣ выписати, которое то въ себе мають: *Першій листь* короля его милости Александра, стрья нашего, подъ датою мѣсяца марта двадцать четвертого дня, индыкта второго, писанный до воеводы Кіевского, князя Дмитрія Путятыча, которымъ его милость, — за чоломъ-быемъ игумена Іоана светого Михайла Золотоверхаго въ Кіевѣ, ведле суда того воеводы кіевского, маршалка своего, наместника вытебского, пана Станислава Глебовича, который онъ въ дворениномъ его милости Михайломъ Галыномъ передъ нами мелъ, — островъ церковный на нызъ Днѣпра и реку Ржавецъ къ тому монастырю надаты и подтвердты рачиль, же въ то всео ныхто уступоваты не маеть. *Другой листь* короля его милости Жигмунта, славной памѣяти отца нашего, sprawy Коптя писара изъ его милости за чоломъ-бытиемъ того-жъ пререченого игумена, — къ тому монастыру Золотоверхому, ведле листу и подтверженъя короля Александра, оный же островъ на нызъ Днѣпра и реку Ржавецъ подтверждаты рачиль; писанный подъ датою мѣсяца іюня четвертого-надцять дня. *Третій листь* короля Жигмонта, подъ датою четвертого-надцять дня марца, индыкта десятого; тымъ листомъ его милость, за чоломъ-бытиемъ игумена Макарія и всихъ чернцовъ монастыря светого Михайла Золотоверхого, ведле данины воеводы Кіевского, пана Андрея Немировича, — заломъ пустый у Черторыи на верхнемъ концѣ со сенокату — по жерелю Лысянкое и по Городовое озера, а по речку Радунку и по Чорторью, а отъ жерела Лысянского на левую сторону ку Днѣпру, — того всего на две стрелены, ку той церкви Божой игумену Макару и на потомъ-будучимъ игуменомъ zostавуючи, подтвердиль той листь, зъ подписомъ руки его милости королевской. Справа Коптя писаря. *Четвертый листь* воеводы Кіевского Андрея Немировича зъ датою novembra трыдцатого дня, индыкта четвертого; где пишеть, ижъ, — за прозбою игумена светого Михайла Золотоверхого Макарія, выдачи быти безъ шкоды господарское и замковое, и для богомолія господарского Жигмунда короля и для убожства тоей церкви, абы хвала Божая не уставала, — придалъ къ тому монастырю селищю пустое, на имя Селимонов-

щизна, въ Товстомъ Лиси, зо всімъ съ тымъ, што къ той пустовщизне прислухаеть и якося зъ которыми даходы здавна въ себе маеть, съ которое хоживало на Кіевъ по две кади меду. *П'ятый листъ* короля Жигмунда: подтверженіе на тую пустовщизну Селымоновщизну, водле даты вышей-мененое небошика Немировича за причиную егожь, - ижь въ тоє селицо воеводамъ Кіевскимъ и никому уступоватыся не надобе. Дата феврала двадцать третяго, индыкта четвертого, при бытности подекарбього земского пана Аврама Езуфтовича, старосты жмудского, sprawy Коштя писара. *Шостый листъ* короля Жигмунта, писанный до воеводы кіевского Немировича и на потомъ будучихъ воеводъ кіевскихъ: ижь его милость, зъ ласки своей, — за причиную тогожь Немировича, а за прозбою игумена монастыра Злотоверхого Макарія, — рачиль даты къ той церкви Божой поле городовое за валомъ пробитымъ, ижь тотъ игумень и напотомъ будучіе мають тоє поле держаты, а воеводы тамошніе не мають ся въ то уступаты. Дата, лита Божого нарощенья, тысяча п'ятсотъ двадцать второго, индыкта десятого; у того листу подпись руки господарское, справа воеводы Выленского, канцлера, старосты Белицкого и Мозырского, пана Олбрахта Мартыновича Гаштолда. Копоть пысаръ. *Семый листъ* помененогожь воеводы Кіевского Немировича, подъ датою ноября тридцятаго дня, въ которомъ пишеть: ижь што которую ниву, вышей-мененое поле за пробитымъ валомъ, — по правой стороне дороги подле самого валу и до Кудрявца, у верхъ Кудрявцовъ до долины Глубокой, а отъ Глубокой долины просто до Софійской долины, што идетъ одъ Лыбеди Софейскою долиною у верхъ самого валу, — король, его милость, Жигмонть, къ монастыру святого Михайла Злотоверхого даты рачиль; ино онъ, за розказаніемъ господарскимъ, овой даты, игумена и всихъ церковь въ то увезаль и къ монастыру подалъ. *Осмый листъ* короля Жигмунда на наргамыни зъ за-весистою печатію великого князства Литовскаго, писанный подъ датою, въ лѣто семое тысяча двадцать четвертого, місяца марца тридцать первого дня, индыкта четвертого, при бытности старосты Берестейского, Лыдзского и Мозырского, пана Юрія Илинича, а подскарбего земского, старосты Ковенского, пана Аврама Езуфовича; справа Гринка Громыки, которымъ его милость, зъ ласки своей, за (прозбою?) пановъ радъ, за чоломъ-бытіемъ толмача своего татарского, Макара Івашковича, орменина кіевского, и за его верные службы, которые онъ часто-кратъ, въ потребахъ господарскихъ и земскихъ до орды їздячи, зъ себе по-

казывалъ, вѣдле лысту и дати воеводы Кіевскаго Андрея Немировича в волости Белосороцкой,—селища Лысковицзны и землицу нагорную,—зъ пашеными землями, зъ сеножатмы, зъ лесеы, зъ бортною землею, зъ озеры, зъ реками, зъ ѣжи, зъ ловы зверинными и пташыми, и зовсімъ, што къ тому з стародавна прислухало, вызволивши одъ подводъ и одъ всихъ тяглыхъ повинностей, што зъ того селища и землици бывало,—на вечность оному толмачу самому, жоне и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будущимъ щадкамъ, подтвердылъ и при томъ зоставылъ. *Девятый лыстъ*, на Александрійскомъ напери писанный, тогожъ короля Жикмунта, подъ датою лита Божого нароженія тысяча пятсотъ сорокъ третього, мисяца декабрия осмого дня, индыкта первого, при бытности старосты луцкого, маршалка господарского, князя Андрея Михайловича Коширского; справа Михайла писаря, где сведчить: ижъ две службы людей на Припети увъ Ореючахъ, на имя Лысковицзну и Погонную, то естъ выше-мененое селище и землицу у волости Сороцкой, игумень светого Михайла Золотоверхого, небоицкъ Макарія, купилъ за сто копъ грошей литовской монеты у толмача помененного, Макара Орменина, на штожъ оный Макарь привилей верху-описанный, за котрымъ то самъ держалъ, и лысты свои продажныя къ церкви Божой подалъ; то-пакъ за живота своего воевода Кіевскій Немиричъ тотъ привилей до себе взялъ, а по смерти его панъ Станыславъ Довойно черезъ руы неякого Тронца орменина Макаровой то отдалъ, за котрымъ она, черезъ продажу мужа своего, о тые ся двѣ службе людей упоминала, ино, на он-часъ будучи игумень монастыря Злотоверхого Гарасимъ, лысты купчие Макара орменина, ижъ на вечность тые люди церкви Божой продалъ, передъ справою воеводы Кіевскаго, пререченымъ княземъ Андреемъ Коширскимъ, и передъ инними людьми добрыми, земляны кіевскими, покладалъ; а потомъ, кгда оный, игумень Герасимъ змерлъ, тогкды князь Коширскій оный монастырь неякому Подоприсвету далъ, который черезъ полъ року мешкавши, зъ монастыра прочъ утеклъ, тые лысты купчіе на оные люди и на нывы церковныя въ Кіеве за валомъ и у валу зъ собою побралъ, або нетъ-видома, где подевалъ, и великие шкody починалъ,—што все князь Коширскій, зъ землянами своими визнаваючи, на то лыстъ свой церкви Божой далъ, подъ датою лита Божого нароженія, тысяча пятсотъ сорокъ второго мисяца іюля сегомого дня, индыкта первого, который зъ росказанья его королевской милости, за чоломъ-бытіемъ игумена Филарета и всихъ

чернцовъ одного монастыря Золотоверхого, въ томъ листе его милости одъ слова до слова вписанъ есть. Въ томъ листе своемъ князь Коширскій, широко выпясуочи то усе, яко вышей поменено, сознаваетъ, ижъ оны листы зъ зяманы Кіевскими не разъ видать, але потомъ яко Подоприсветъ зъ монастыря утекль, знайти ихъ у схованні церковномъ не могли; ино король Жикмунтъ, на томъ перестаючи, водле сознания князя Коширского и зяманъ Кіевскихъ, обачачи, же тые листы купчие на люди отъ Ормянина и на нывы церковные за валомъ и у валу были, а черезъ того игумена затрачены, што, ижъ передъ тымъ и на тотъ часъ ку церкви Божой держано было, водле давного держання при оныхъ людяхъ на Припети и нывахъ помененыхъ у Кіеве игумена и чернцовъ святого Михаила Золотоверхого zostавилъ, ижъ мають оны то къ тому монастырю держати и уживати водле того, яко и первей то держали. *Десятый листъ* визнанный Семена Александровича Кмыты, который визнавасть: ижъ онъ мѣлъ землю свою въ повете кіевскомъ подъ Овручомъ, на имя Голубцевичи, посполите въ судереви по половици зъ землею монастыря святого Михаила Золотоверхого, и другую землю подъ Чернобилемъ въ Товстомъ Лиси, на имя Жолоктавскую, обрубную, также въ судереви, по половици зъ землею монастырскою селища Селивановского; а такъ игумень Семеонъ зо всеми чернцами того монастыря Золотоверхого и церкви, видячи, ижъ тая земля Жолоктавская къ земли ихъ къ селищу Селивановскому и ку инымъ именамъ монастырскимъ прилегла, а земля ихъ монастырская Голубевиче, которую онъ по половице даржалъ, ему прилегла,—за ведомостію и листомъ дожительнымъ (sic) воеводы Кіевского, маршалка земли волинской, старосты володимірского, князя Константина Константиновича Острожского,—бачачи безъ шкоды церковной, намовившися, мену межи собою учинили: а тую землю монастырскую Голубевичи половицу свою, яко ся тая земля зъ давныхъ часовъ въ себе маеть, зъ двумя чоловіки на той земли, на имя—Хомою а Ильєю, зъ даню ихъ грошовою и медовою, што давати повинны,—то есть грошей готовыхъ сорокъ а меду полторы кади,—и зо всеми ынными пожытки и доходы, ему самому и потомству его зодного (sic) тамъ пустыты, держаты, уживаты вечными часы поступылы, листомъ своимъ записалы; а онъ тежъ имъ на протывко того въ Толстомъ Леси тую землю свою Залоктоевскую, што есть тамъ зъ землею ихъ монастырскою посполъ, зъ двома чоловіки на имя—зъ Яковомъ Рудкевичомъ, а Логовиномъ, зъ даню

медовою и грошовою, которую оны повинни даваты—то есть-грошей готовыхъ два копы, а две коды меду присного кievской меры—и зо всякими иными пожитки и доходы, зъ того села приходчими; также вотмене съ одного местья, держаты, ужываты вечными часы непорушно къ монастыру пустыль и тымъ листомъ своимъ умоцныль, описуючися самъ зъ потомствомъ своимъ и хтобы потомъ тую землю Голубейцкую, одъ монастыра замененную, держалъ, еслыбы близкіе кривные его и хто жъ колвекъ въ той заменъ его земли Золотавеской церкви Божой переказу чыныль, або того поискывалъ,—и жъ мають то очищаты, яко власность свою у каждого права. Якожъ Семень Кмыта игумену и чернцомъ того монастыра далъ тотъ свой листъ за своею печатію и за печатмы людей добрыхъ и тую дей оны замену на уради напомъ воеводства кievского, передъ воеводою кievскимъ, княземъ Константыномъ Острожскимъ, оповедалы и до книгъ записалы, дата у того листу лита Божого нароженія тысяча пятсотъ шестдесятъ первого, мисяца февраля первого дня. *Одинадцатый листъ* того-то воеводы кievского, князя Константына Острожскаго, которымъ, видячи быти безъ шкоды церковной, дозволилъ игумену и чернцомъ светого Михаила Золотоверхого вышей-мененую замену зъ Семеномъ Кмытою учиниты; дата лита Божого нароженія тысяча пятсотъ шестдесятъ первого, мисяца сентембра двадцать четвертого дня. *Вторыйнадцать листъ* вызнаны Семена Гринкевича, землянина повету кievского, подъ датою лета Божого нароженія тысяча пятсотъ шестдесятъ первого, мисяца декабря третего дня, за печатію его и за печатмы людей добрыхъ, который зъ жоною своею, Зофією Петровною Грабіянкою, визнаваеъ: и жъ продалъ обель (sic) власное селыщо свое, добре набытое, на имя Глывайкое, въ кievскомъ повете грунтомъ лежачее, прозверху реки Бобрицы и другой речки Отеневки, ку монастыру светого Михаила Золотоверхого — игумену Семіону и всимъ старцемъ тамошнимъ за певную суму пинязей—за тридцать копъ грошей льтовскихъ—зъ землямы пашными, бортными, зъ лесы, зъ дубровами, зъ данею медовою, грошовою, и зо всеми доходы и пожитки, ничого тамъ на себе не zostавуючи, яко ся то здавна въ себе маеъ, и яко то онъ самъ и продковъ его держалъ; на вечные часы вырекаючися,—и жъ онъ самъ, его жона и диты и некоторые близкіе ихъ тоей продажи его отъ монастыра отниматы и того вжо доходиты немогутъ и, если бы хто колвекъ зъ ныхъ самыхъ и потомковъ ихъ, альбо хто зъ стороны, въ томъ селыщи и вгрунте его церкви Божей переказу

чинилъ и тамъ што кгрунту его отыймоваль, — таковой каждый заруки на господара пятьдесятъ копъ грошей, а выны замковой на пана воеводу кievского тридцать копъ грошей вынень будетъ заплататы; а особливо обвязался Семень Гринкевичъ зъ жоною своею уси лкоды и наклады того монастыря въ томъ заступоваты и оное селыщо Глыванское, земли и пожытки ихъ, своимъ накладомъ у каждого права очыщаты и къ тому монастыру поступоваты: бо-дей ани для чого иншого, ани для браня сумы пинязей вышей мененное, тое селыщо Глыванское къ манастыру пустылы, одно — для богомолія своего и родителей своихъ вечыстого; гдыжъ тое селыщо и ку грунтомъ монастырскимъ притекло, а ижъ-ды оны лыстовъ и твердостей на тое селыщо Глыванское къ церкви Божой не далы, то для тыхъ причинъ, же зъ иными землями именій ихъ оное селыщо Глыванское есть описано. *Третійнадесятъ лыстъ*. Выписы зъ книгъ замку кievского, лета Божого нароженія тысяча пятсотъ шесдесятъ третяго, мисяца декабря двадцать осмого дня, за печатю справы, на онъ часъ воеводы кievского, старосты кремьнедкого, князя Мыколая Андреевича Збаражского: оповеданье и визнање на томъ уряде кievскомъ помененного Семена Гринкевича, о проданье селыща въ верху описанного Глывацкого къ манастыру, въ которомъ уписы и тотъ лыстъ его продажный весь уписаць есть. *Четвертыйнадесятъ лыстъ* Богдана Степановича Дублянського, за печатю его и за печатмы людей добрыхъ, пысанный подъ датою лета Божого нароженія тысяча пятсотъ пьаддесать семого, мисяца ноября третягонадцать дня, которымъ посполу зъ сестрою своею Федею Золотушанною, визнавають: ижъ оны землю свою отчизную и дедызную, на имя Юревскую на Вилы речде, обополь речки обоимъ сторонамъ, продалы Семену Мелешковичу, мещанину Кievскому, самому, жоне и ихъ потомкамъ, за пьаддесать копъ грошей, обель вечно и николи непорушно, — землю пашную, бортную, и сеножаты зъ дубровами, и пашнями, и съ припашни, полями, бобровыми гоны, ловы зверинными и пташими, и зо всеми инними входы и пожытки, здавна къ тому прислухающими, ничего на себѣ и на близкихъ своихъ не zostавючи; але отдаваючи и даючи вольность — оддаты, продаты, на церковъ записаты и тымъ, яко власностію своею, шафоваты. А где бы оны сами, албо хто зъ близкихъ ихъ хотель Семена Мелешкевича зъ тоеи земли рунаты, на такового положиы выну плататы: на замокъ Кievскій сто копъ грошей, а воеводѣ Кievскому пьаддесать копъ грошей, а Семену Мелешковичу

грошъ грошомъ навезаты; тоежъ тѣ земли подъ нымъ искати. Ино повидѣлы передъ нами игумень Захарія и уси чернцы святого Михайла Золотоверхого: ижъ тую Юревщизну Семень Гришковичъ, отъ Богдана Дублянскаго купленную, по животе своемъ на милосердный учиновъ ку церкви Божой, святому Михайлу Золотоверхому, правомъ своимъ записаль, у вечность пустивши; лысть свой записный и тотъ лысть продажный Дублянскаго и сестры его, выше въ семъ нашомъ лысте описанный, ку церкви Божой подавъ; то пакъ-дей, приходомъ часу небезпечнаго, яко то на Украйне частокротъ бываетъ, запись власный Грышковичовъ на Юревцы згинуть,—ведже оны, за лыстомъ продажнымъ Семена Гринковича, и теперъ того въ спокойномъ держанью и уживанью суть,—для того особливе были оны намъ чоломъ, абы есмо и тую землю Юревскую въ подтверженіе нами привели и то имъ на вечность утвердѣлы. А такъ мы, Жигмунтъ Августъ, король передъ-речоный, вси оны лысты, передъ нами отъ игумена Захарія и всихъ чернцовъ монастыря святаго Михайла Золотоверхого покладные и выше въ семъ нашомъ лысти выпысанные, за которыми ижъ оны—людей, селыщъ, земель, грунтовъ, полъ, лесовъ, пушъ, дерева боршнаго, сеножатей, рекъ, озеръ, всякихъ лововъ и инныхъ всихъ пожитковъ и доходовъ, къ тому монастыру належачихъ, яко здавна такъ и на сей часъ въ спокойномъ держанью и уживанью; кромъ всякаго прынагабанія—суть,—за слушныя принявши, а чыныи то для церкви Божой, при моцы, ничымъ не нарушаючи, заховуемъ, и то на вси потомніе вечныя часы утверждаемъ и при монастыри святого Михайла Золотоверхого Кіевскаго zostавили есмо и сымъ лыстомъ нашимъ zostавуемъ и умоцняемъ: маеть игумень теперешній и напотомъ будучіе игумены тамошныя, со всею братією чернцами, вси тѣ лугы, селыща, земли, кгрунты, воды—а меновите и землю Юревскую, отъ Семена Гринковича на тотъ монастырь записанную—и уси пожиты выше-описанные, водле оныхъ лыстовъ старыхъ, за симъ теперешнимъ лыстомъ подтверженнымъ нашимъ, къ тому монастыру Михайловскому Золотоверхому держаты и уживаты, слушны и пристойны въ томъ монастыри справоваты, на церковь Божую накладыты и пожиты привлащаты, розмножаючи между христіаны и хвалу Божую; за насъ, господара, короля польскаго, Бога просыты повинны будутъ, а воеводове Кіевскіе и нхто инный въ речи тѣ—до чого, водле стародавнаго звычаю, ничого не мевалы—николы ся уступоваты и переказы жадной въ томъ монастыри чыныты не мають вечно и николы

ничимъ непорушно. И на то-есмы дали церкви Божой, монастыру святого Михайла Златоверхого, игумену Захаріи и чернцомъ тамошнимъ сей нашъ листъ, до которого на твердость той речи и печать нашу короны польской привеситы есмо велели. Пысанъ въ Варшави, дня четвертого мисяца іюня, року тысяча пятсотъ седмдесятого, панованья нашего року сорокъ первого. Подпись руки его королевской милости. Quod ejusmodi confirmatum privilegium, prout in actis metrices regni continetur, nos fideliter ex rutenico caractere polono idiomate describi et parti postulanti authentice extradi permisimus; in quorum fidem presentibusque sigillum regni est appressum Actum Varsaviae, feria secunda in vigilia festi sanctorum omnium, die scilicet vigesima prima mensis Octobris, anno domini millesimo septingentesimo trigesimo quinto, regni vero nostri anno tertio. U tego ekstraktu, z xiąg metryki koronej authentice wydanego, przy pieczęci mniejszey koronnej przyciśnionej, podpis ręki jaśnie wielmożnego podcancelerzego taki: Ioannes in Lipe Lipski, episcopus Cracoviensis, dux Severiae, procancelarius regni. (locus sigilli) Z drugiey zaś strony pieczęci przypisek w te słowa: relacio illustrissimi excellentissimi domini, domini Ioannis in Lipe Lipski, episcopi Cracoviensis, ducis Severiae, procancellarii regni; potym podpis ręki secretarskiej temi słowy: Andreas Franciscus Cichocki, sacrae Regiae Majestatis secretarius, manu propria. Konfirmacja zaś tak sie w sobie ma: ex actis anni millesimi quingentesimi septuagesimi confirmatio prawa na grunta manastyrovi świętego Michała w Kyiowie, który że to ekstrakt, za podaniem y prosbą wyżmianowaney osoby podawaiącey, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo, iak się w sobie ma, do xiąg niniejszych iest ingrosowany.

Книга кievская, вродская, № 47, листъ 263 на об.

13.

Грамота великаго князя Александра, Черкасскому землянину Гринку Васкевичу, на имѣнія Михливе, Орловичи и Линчинцы. 1499 года, апрѣля 12.

Alexander, Bożą miłością Król Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, xiąże Pruskie, Żmudskie i innych.

Bił nam czołem ziemianin Czerkaski Hryńko Waskiewicz i powiedział przed nami, co pojął zasiebie żonę ziemianina Zwinogradzkiego, nieboszczyka Fedka Waśkiewicza, i sieliszcza— otcyzna i wysługa tego Fedka, pierwszego męża, jemuż po niej dostały się, na imie: Mihiljewo, a Orłowiczy, Lińczynce; a tego tedy Fedka tatarowie ubili na naszej służbie, a nasledków gdy ku temu nikogo nie masz, i bił nam czołem, abychmy na to dali nasz list i, co kiedy s temy sieliszczami żonie tego Fedka
a nasledkow ku temu żadnych nie będzie
.
.
wszystkiem i tem, co ku nim zdawna przysłuchoło. A
nam z tego służbę ziemską służy. Pisan w Krakowie. Aprilia 12 dnia,
indikt 6.

Сообщено В. Антоновичемъ.

14.

Грамота великаго князя Александра, Волынскому землянину Ивашику
Лабунскому, на пустыя семица—Колыпинцы и Сахновцы, находящіяся
въ Кременецкомъ повѣтъ. 1501 года, декабря 21 дня.

Александръ, Божію милостію король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, князь Прусское, Жомойтскій и иныхъ.

Чинимъ замянено симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. Билъ намъ чоломъ землянинъ волинскій Ивашко Лабунскій и повѣдилъ передъ нами: штожъ первой сего дали есмо ему два селища пустовскихъ у Кременецкомъ повѣтѣ, на имя—Калыщинцовъ и Сахновцовъ, и листъ нашъ на первую данину на то передъ нами покладалъ; и былъ намъ чоломъ, абысмо ему тѣи селища подтвердили нашимъ листомъ на вѣчность. Ино мы, вбачившы его к намъ вѣрную, и пильную, и николи невмѣшканую службу, з ласки нашего тѣи вышенисанныи селища въ повѣтѣ Кременецкомъ—Калыщинцовъ и Сахновцовъ, подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ вѣчно ему, и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучимъ ихъ щадѣамъ, и ихъ ближнимъ: нехай они то держать—съ землями пашними и бортными, и з леси, и

з дубровами, и з гай, и з хворосты, и сѣножатми, и з болоты, и з бобровыми гоны, и з рѣками, и з рѣчками, и з ставы, и з ставици, и з млыны, и з ихъ вымелками и со всеми вжити и пожити, и со всемъ стымъ, што здавну к тимъ селищамъ слушало, и какъ з старо-давна у своихъ границахъ ся мають; и вольни они то оддати, продать, замѣнити, к церкви Божой записати и расшїирити, прибавити и к своему лѣпшому и ужитечному обернуты, какъ наипѣй сами розумѣючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашему листу. Писанъ въ Люблинѣ, въ лѣто тысяча пятсотъ первое, мѣсяца декабря двадцать первый день.

Сообщено В. Антоновичемъ.

15.

Вторичная подтвердительная грамота великаго князя Александра, землянину Волынскому Ивашку Лабунскому, на имѣнія—Колыщинцы и Сахновцы, находящіяся въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1503 года, января 24 д.

Александръ, Божю милостью король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомойтскій и иныхъ.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотришь, або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потреба того ведати. Билъ намъ чоломъ землянинъ волынкій Ивашко Лабунскій и повѣдилъ передъ нами: штожь первой сего дали есмо два селища пустовскихъ въ Кременецкомъ повѣтѣ, на имя—Колыщинцовъ и Сахновцовъ, и листъ нашъ первую данину на то передъ нами покладалъ; и билъ намъ челомъ, абысмо ему тыи селища подтвердить нашимъ листомъ на вѣчность. Ино мы, вбачивши его к намъ вѣрную и пыльную и николи не вѣшканную службу, з ласки наше, тыи вышписанныи селища въ повѣтѣ Кременецкомъ—Колыщинцовъ и Сахновцовъ, подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ вѣчно ему, и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучимъ ихъ щадкомъ, и ихъ ближнимъ: нехай и они то держать—з землями пашными и бортными, и з лѣсы, и дубровами, и з гай, и с хворосты, и с сѣножатми, и з болоты, и з бобровыми гоны, и з рѣками, и з рѣчками, з ставы, и з ставици, и з

млыны, и з ихъ вымелками, и со всѣми вжитки и пожитки, и со всимъ съ тымъ, што з давна къ тымъ сеницамъ слушало, и какъ з стародавна въ своихъ границахъ ся мають; и вольни и они то отдати, продати, замѣнити, и к церкви Божией записати, и росширити, прибавити, и к своему лепшому и ужиточному обернути, какъ наиперѣй сами разумѣючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привѣсити к сему. нашему листу. Писанъ въ Люблинѣ, въ лѣто тысяча пятсотъ третее, мѣсяца января въ двадцать четвертый день.

Сообщено В. Антоновичемъ.

16.

Грамота великаго князя Александра, Овруцкому намѣстнику князю Григорію Борисовичу Глинскому, приказывающая ему возвратитъ Овруцкому старику Василию Михалкевичу, отнятую у него землю, называемую Кончаковскою. 1503 г. июня 25 дня.

(Донесеніе возного о вводи имѣ Михалкевича во владѣніе землею Кончаковскою 1503 г. августа 2 дня, значится подъ литерою б).

а) Roku тысяча семь сотъ семьнадцатого, мѣсяца мая двадцать осмого дня.

На уряде кгородскомъ, въ замку его королевской милости Овруцкомъ, передо мною Михаломъ Сынѣгаевскимъ, коморникомъ кграничнымъ Кіевскимъ, намѣстникомъ кгородскимъ староства Овруцкаго и книгами нынешними, кгородскими, Овруцкими, сопореans personaliter swobodny Matwey Michal'kewicz-Zaliwaka, boiar Owrucki, dla wpisania do xiąg niniejszych, grodzkich, Owruckich, original listu upominającego—od naiásnieyszego, niegdy świętey pamięci, krola jego mosci Polskiego Alexandra, zeszlými antecesorom swoim y uczesnikom iego, do kniazia jego mosti Hrehorego Borysowicza Hlinskego, namiesnika Owruckiego wydany, z pieczęcią przycisnioną—per oblatam podał, prosząc, aby przyjęty y w xięgi wpisany był. A tak ja, urząd, ten list do xiąg przymując, czytałem, który ruskim pismem pisany tak się w sobie ma: »Alexander Bożą miłością krol Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, xiąże Pruskie, Żmudzkie y innych. Namiesniku Owruckemu, kniazii Hrihoriu Borisowiczu Hlinskemu. Żałował nam starec Owrucki,

na jmie Wasil Michałkiewicz, cośmy perwey tego dali mu ziemie, oyczyznę jego, którą derżał stryj jego, Konczakowską, a u tego stryia jego dzieci przypłodka nie masz, y ty, u niego tę ziemie odiowszy, y dał innemu człowieku, y list u niego nasz odoił, któryżeśmy iemu na tę ziemie dali. Przeto, jeśli ta ziemia będzie od niego odoięta, co dzierżał stryj jego, przykazujemy tobie, abyś temu człowieku nie kazał w tę ziemie wstępować y list abyś iemu nasz ten oddał koniecznie; niechay by on nynie tę ziemie dzierżał, według pierwszej naszej daniny, a nam z oney służbę służy; a uważać go w tę ziemie posłaliśmy dworzanina naszego—lwaszka Kryżyna. Pisan w Wilnie, junia dwudziestego piątego dnia, indykta szóstego. Locus sigilli». Который же то листъ упоминальный, за поданемъ и прозбою вышѣ-мянованое особы, а за моимъ урядовымъ принятемъ, слово въ слово, такъ яко се в собѣ маеть, есть уписанный.

Книга Овруцкая городская, 1717 года, № 3224, стр. 93 на об.

b) Року тысяча семь соть семнадцатого, мѣсяца мая двадцать осмого дня.

На уряде кгородскомъ, в замку его королевской милости овруцкомъ, передо мною, Михаломъ Синьгаевскимъ, коморникомъ кграничнымъ, намесникомъ кгородскимъ староства овруцкого, и книгами нынешними, кгородскими, овруцкими, comprens personaliter swobodny Matwey Michałkiewicz-Zaliwaka, boiar Owrucki,—dla wpisania do xiąg nineyszych, grodzkich, Owruckich, original list uwiązчы na ziemie infra wyrażone, antecessorowi swemu, boiarowi owruckiemu, y uczęsnikom swoim, boiarom Owruckim, służący, z pieczęcią przycisnioną,—per oblatam podał, prosząc, aby przyięły y w xięgi wpisany był. A tak ja, urząd, ten list uwiązчы seu intromissią do xięg przyimując, czytałem, który Ruskim pismem pisany tak się w sobie ma: »Ja, lwaszko Kryżyn, dworzanin hospodarski, czynie wiadomo na tym liscie moiem, iż co z rozkazania hospodara jego miłości, będąc ja posłany y przydany Wasilu Michałkewiczu, starcu wruckemu, na uwięzanie ziemi Konczakowskey; yno ja, podług listu hospodarskego, uwięzałem tego Wasila w ziemie Konczakosko y w niwy y sianożęci pod miastem Owruczym y podle Wisiatek—po oboch stronach drogi Sieczynskey po kurhany Sieczynske, y koło rzeczki Hruzki, y koło rieczki Kamionki, Suderew z Hładkowoi, y koło doliny Ziołony

Lozy, y u dworzyszcze Michalkowske, — ze wszystkemi ich grunty, według daniny hospodarskey, na wieczne czasy, a przy tym ze mną byli: pan Fedka Zmoka, a Semion Dyak, Luczyn syn; na co ja y list swoy uwiązczy temu Wasilu dał y pieczęć swoje do niego przycisnął. Pisan w Owruczym, augusta wtorego dnia, indicta szóstego. Locus sigilli». Который-же-то list увязъчий, за поданемъ и прозбою вышъ-мѣнованое особы подавающее, а за моимъ урядовымъ принятемъ, слово въ слово, такъ яко ся в себе маеть, до книгъ нинейшихъ есть уписаный.

Книга Овруцкая городская, № 3224, 1717 года, стр. 93.

17.

Грамота великаго князя Александра, Овруцкому наместнику, князю Григорию Борисовичу Глинскому, о томъ, чтобы онъ возвратилъ Овруцкому старицу Василию Михалкевичу отнятый у него островъ, находящийся за рѣкою Каменкою, и не присвоивалъ-бы имени Михалкевича. 1503 года, августа 21 дня.

Року тысяча семь сотъ семнадцатого, мѣсяца мая двадцать осмого дня.

На уряде кгородскомъ, въ замку его королевской милости Овѣруцкомъ, передо мною, Михайломъ Сынѣгаевъскимъ, коморникомъ кграничнымъ Киевскимъ, наместникомъ кгородскимъ староства Овруцкого и книгами нинешними, кгородскими, Овруцкими, comparens personaliter swobodny Matwey Michalkewicz-Zaliwaka, boiar Owrucki, dla wpisania do xiąg nineyszych, grodzkich, Owruckich, original listu — upominalnego od naiaśnieyszego niegdy świętey pamięci króla jego mości polskiego Alexandra do zeszłego niegdy kniazia jego mości Hrehorego Borisowicza Hlinskego, ratione intro contentorum pisanego, antecessorowi swemu y uczęsnikow swoich boiar Owruckich służącego, z pieczęcią, przycisnioną — per oblatam podał, prosząc, aby przyjęty y w xięgi wpisany był; a tak ja, urząd, ten list do xiąg przymując, czytałem, y tak się w sobie, ruskim pismem pisany, ma: »Alexander, Bożą miłością krol polski, wielki xięże Litewskie, ruske, xięże Pruski, Żmódzki, y innych. Namiesniku wruckiemu, kniaziu Hrehoremu Borisowiczu Hlinskemu. Żalował nam na ciebie starec nasz wrucki Wasil Michalkewicz niepoiednokroć, cożesmy pierwey tego dalismy ziemie iemu y ty u niego list danine naszą odioł był y drugemu człowieku tę ziemie oddał; ino my pisalismy list do

ciebie o to, y posłaliśmy dworzanina naszego, Iwaszka Kryżyna, cobysmu daninę naszą wrucił, y temu dworzaninu kazali, coby go w tę ziemię uwiązał: to tedy on onego uwiązał y list swoy uwiączy iemu dał, który przed nami pokładał. Jenoż ty, jako niedbając wskazania naszego, ostrowa mu za rzeczką Kamionką nie dał y мiод на siebie z ostrowa podał: a tak,—abys temu ostrowu pokoy dał koniecznie, aby inaczey nieбыło. Pisan u Wilni, augusta dwudziestego pierwszego dnia, indicta szostego. *Locus sigilli*. Который же то листъ упоминальный, за поданемъ и прозбою вышъ менованое оеобы подаваіащу и за моимъ урядовымъ приміемъ—слово, въ слово, такъ яко се в собе ма, до книгъ нинешнихъ естъ уписанный.

Книга Овручская городская, № 3224, 1717 года, стр. 92 на об.

18.

Грамота великаго князя Александра, Винницкому землянину Шулъ Долбыничу, на пустошь въ Брацловскомъ повѣтъ, называемую Котенево. 1504 года, февраля 16 дня.

Александръ, Божю милостию Король польскій, великій князь Литовскій, рускій, князя пруское, жомойтскій и иныхъ.

Намѣстнику Браславскому, князю Михайлу Васильевичу Збаражскому. Билъ намъ чоломъ землянинъ вѣнчикій, Шулга Долбыничъ и просилъ у насъ селища въ Браславскомъ повѣте, на рѣце на Уси, на имя Котенева, оповѣдалъ намъ, штожь дей сее селище давно пусте лежить, а наследка к ней никого нету, а и ты о томъ к намъ писалъ за нимъ, повѣдуючи, ижъ тое селища пусто; ино если будетъ пусто и мы ему тое селища дали, и ты бы ему въ то увязаніе далъ. Писанъ въ Петриковѣ, февраля 16 дня, индиктъ 7-мой.

(М. П.)

Сообщилъ В. Антоновичъ.

Грамота Сигизмунда Августа, 1570 года, мая 30 дня, подтверждающая привиллегию, данныя отъ его предковъ—Сигизмунда, Казимира, Александра, а равно и записи отъ нѣкоторыхъ земанъ кievскихъ монастырю Свято-Никольскому пустынскому кievскому на села, имѣнія и земли. Одна изъ такихъ привиллегий, упоминаемыхъ въ настоящемъ актѣ, значится подъ 1504 г. іюля 29 дня.

Roku tysiąc siedmset trzydziestego szóstego, miesiąca decembris trzynastego dnia.

Na urządzie grodzkim, w mieście jeho krolewskoy mosti Zyttomirzu, przedemna, Wawrzyńcem Walewskim—Lewkowskim, namiesnikiem protunc podwoiewodztwa y vicesregentem grodzkim, generału wojewodstwa kijowskiego y xięgami ninieyszemi, grodzkimi Kijowskiimi, comparens personaliter W. imć xiądz Andrzej Bieniecki, archymandryta owrucki, official metropolii kijowskiej, extract z xiąg metryki koronnej authenticie wydany, z wpisaniem w nim potwierdzenia na siedziszca Kniażycza y na inne grunta, monasterowi Pustynskiemu służącego, ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg ninieyszich per oblatam podał, de tenore tali: »Augustus tertius, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae, Kijoviae, Volhyniae, Podoliae, Podlassiae, Liwoniae, Smolensciae, Severeriae, Czernichoviaeque, nec non haereditarius dux Saxoniae et princeps elector. Significamus presentibus literis nostris, quorum interest, universis et singulis: reperiri in actis metrices regni privilegium confirmationis infrascriptum tenoris sequentis: Zygmunt Augustus. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ всимъ и каждому зъ особна, кому будетъ потреба видаты, або чутучы его слышаты, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ: покладали передъ нами велебный отецъ Касіанъ, игумень монастыра святого Мыколы зъ Кіева, зъ братією своею, чернцы оного монастыра пустыньского листовъ седмъ: *Одинъ*—славной памяти короля его милости Ждымунта, пана отца нашего, на паргамини пысанный, подъ датою—року Божого тысяча пѣтсотъ четвертого, мисця іюля двадцать девятого дня, индыкта второго, sprawy пысара, Михайла Васковича: которымъ листомъ своимъ король его милость, отецъ нашъ, селыщо пустое въ Кіевѣ за Днипромъ, на имя Княжичи, и озеро, которое на тотъ монастырь пустынскій еще продокъ нашъ, король его милость, Казиміръ,

и тежъ король его милость, Александеръ, стрый нашъ, надать рачиль на вечность,—потвержаты тому жъ монастыру пустынскому рачиль; а шесть листовъ пановъ и землянь кievскихъ, которые, для вспоможенія того монастыра, попрыдавали и запысалы люды и земли свои на тотъ монастырь пустынскій, то есть: листь Булгака Лысычина сына, а Михайла Волчиковича, подъ датою—въ лито симъ тысячъ сегого року, мисяца аугуста четвертого дня, индыкта второго, которымъ листомъ своимъ они, отдаляючи жонъ, диты, братію и всихъ повинныхъ своихъ, дви дилныци свои — Сельща и Нонышовъ, лежащее при речце Красной, пашни, сеножати, и млына на тотъ монастырь пустынскій вечно записують. *Третій листь* Семена Романовича и жоны его, Татьяны, подъ датою—въ лито симъ тысячъ пятнадцатого року, мисяца септембра первого дня, индыкта десятого: которымъ листомъ онъ, отдаляючи братію и всихъ повинныхъ своихъ, половицею имения своего, Сепелычь часть, на Припяти, и къ тому озеро Веропулъ а долгую Толю—на вечность тому жъ, монастыру пустынскому въ Кіевѣ записуетъ. *Четвертый листь* Солтана Албеевича Толмача и жоны его Кунки и сыновъ Ивашка а Васька, подъ датою—въ лито симъ тысячъ шеснадцатого року, мисяца августа тринадцатого дня, индыкта одинадцатого: которымъ листомъ оны, взявши отъ игумена и чернцовъ пустынского монастыра чотыре копы грошей и отдалявши то отъ всихъ повинныхъ и сыновъ своихъ, продають и записують вечно землю свою бортную, лежащую за Днепромъ, на имя Полукняжевскую, на тотъ же монастырь пустынскій. *Пятый листь* Сенка Романовича, наместника житомерского: который тымъ листомъ своимъ озеро, на имя Веропуть, на тотъ же монастырь пустынскій далъ. *Шостый листь* Ивана Михайловича Волчкова, подъ датою—мисяца марта, дня пятнадцатого, индыкта шостого: которымъ листомъ своимъ онъ половицею езы имения своего Шепелычь, на реце Припяти, и къ тому землю бортную тогожъ имения Шепелычь, на имя Пенчиковскую, зо всеми пожытки, до той земли здавна прислухающими,—вечно, на веки на тотъ же монастырь пустынскій, въ Кіевѣ, святого Миколая, записалъ. *Семый листь* Рака Полозовича, подъ датою—мисяца августа первого дня, индыкта одинадцатого: которымъ листомъ своимъ онъ землю свою отизную, на имя Кошівскую, отдаляючи жону и всихъ повинныхъ своихъ, на тотъ же монастырь пустынскій вечно записалъ. И просылы насъ, абыхмо, то ку ведомости нашей королевской припустывши, моцою зверхности нашей королевской,—тые сельща, люды и

земли къ той церкви Божой, монастыру пустынскому святого Микола, въ Кіевѣ, подтвердылы и умоцнылы то имъ во всемъ на вечность лыстомъ, привилеемъ нашимъ; ино мы, оглядавши тыхъ лыстовъ записовыхъ и выдачи ихъ быть цилыхъ и ни въ чимъ ненарушонныхъ, на прозбу ихъ то учинылы—подтвердылы есмо и сымъ лыстомъ привилеемъ нашимъ подтверждаемъ: мають оны самы и по ныхъ игумень и чернцы, въ томъ монастыри пустынскомъ кievскомъ будучие, тѣ вси дворяща, людѣ и земли вышей-мененые, зъ землями пашными и бортными, зъ сеножатмы и зъ службами тыхъ людей, зъ данны грошовыми, медовыми, бобровыми и кунными и зъ озеры, зъ реками, и зъ езы, зъ бобровыми гоны, ставы и зъ млыны, и зо всимъ зъ тымъ, яко ся тые людѣ селыща и земли здавна соби млы и теперь мають, во всемъ—ведлугъ лысту и подтверженья, славной памьаты, короля его мылости Жигмунта, пана отца нашего, и тежъ даныны и записовъ тыхъ пановъ и земьянъ кievскихъ вышей-описанныхъ,—до тоей церкви Божой, монастыра святого Микола пустынского въ Кіевѣ, держаты и вжываты вечно, на веки непорушно; и на то дали есмо игумену и всей братіи его, чернцомъ монастыра пустынского сей нашъ лыстъ, поднисавши его рукою нашою господарскою, до которого на умоцненье и печать нашу привесити есмо казали. Писанъ въ Варшавѣ, на сейми вальномъ коронномъ, дня трыдцатого мисяца мая, лита Божого нароженья тысяча пьятсотъ семдесятого, панованія нашего року сорокъ первого. Подишь руки его королевской мылости. *Quod ejusmodi confirmationis privilegium nos, fideliter describi ex actis metrices regni et parti postulanti authentice extradi permisimus, in quorum fidem presentibusque sigillum regni est appressum. Actum Varsaviae, feria secunda in vigilia festi sanctorum omnium, die scilicet trigesima prima mensis octobris, anno Domini millesimo septingentesimo trigesimo quinto, regni vero nostri anno tertio. Utego extraktu z xiąg metriki koronej authentice wydānego, przy pieczęci przycisnioney, podpis ręki jego mości podkanclerzego taki: Ioannes in Lipe Lipski, episcopus cracoviensis, dux Severiae, procancellarius regni (Locus sigilli). Z drugiey zaś strony pieczęci przypisek w te słowa: relatio illustrissimo excellentissimi et illustrississimi Domini Domini Ioannis in Lipe Lipski, episcopi Cracoviensis, ducis Severiae, procancellarii Regni; niżej zaś pieczęci podpis ręki secretarskiey temi słowy: Andreas Franciscus Cichocki, sacrae Regis majestatis secretarius, manu propria. Potwerdzenie zas tak się w sobie ma: ex actis anni millesimi quinquagesimi septuagesimi—potwerdzenie na sieliszcze Książczy y-na inne*

grunta monastiru Pustynskiego. Kotory że to ekstrakt; za podaniem y prosba wyżmianowaney osoby podawaiącey, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo, jak się w sobie ma, do xiąg ninieyszych iest ingrossowany.

Книга Киевская городская, № 47, листъ 305 на об.

20.

Грамота великаго князя Александра Ивашику Лабунскому на имѣніе въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1503 года, марта 3 дня.

Александръ, Божю милостію король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, княжа Пруское и иныхъ.

Намѣстнику Кременецкому, пану Юрію Михайловичу Монтовтовичу. Билъ намъ челою панъ Ивашко Лабунскій и просилъ у насъ трехъ селищъ въ Кременецкомъ повѣтѣ, на имя—Колыщинцовъ, а Гребенина и Сахновцовъ, и повѣдалъ передъ нами, ижъ два селища—Гребенинъ и Сахновцы пусты, людей тамъ нѣтъ, одножъ два чловека въ Колыщинцахъ служебные, которые намъ конемъ служатъ з давна с тыхъ двоухъ добровъ, Свинѣ а Нестеровое; а и ты тежъ передъ нами самъ повѣдилъ, штожъ тыи селища двѣ—Гребенинъ и Сахновцы пусты, людей тамъ нѣтъ, одно въ Колыщинцахъ два чловека служебные, которые намъ конемъ служатъ з давна з тыхъ двоухъ добровъ—Свинѣ и Нестеровое. Ино мы, з ласки нашей, для его вѣрное службы, тыи три селища—Колыщинцы, Гребенинъ и Сахновцы, с тыми двѣма чловѣки и з дубровами, и з рѣками, и ставы, и з бобровыми гоны, и во всимъ с тымъ, якъ ся тыи селища з вѣка въ собѣ мѣвали,—ему дали есмо вѣчно; и ты бы о томъ вѣдалъ и ему во все то увязаніе далъ конечно. Писаць въ Берести, марта 3-й день, индикта 8.

Сообщено В. Антоновичемъ.

21.

Жалованная грамота великаго князя Александра землянину кременецкому, Олексъ Сковородѣ, на села: Кобилное, Лановцы, и Кузьминскій мѣст. 1506 года, января 22.

Я, Александръ, Божю милостію король Полскій, великій князь

Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомойтскій и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, кто на него посмотритъ, або, чтучи его услышитъ, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому потреба того вѣдати: билъ намъ чоломъ землянинъ Кременецкій, Олекса Сковородка, и новѣдилъ передъ нами, штожь намѣстникъ нашъ Кременецкій, князь Андрей Александровичъ, далъ ему сенищо пустое, на имя—Кобыльню, а панъ Юрія Монтовтовичъ далъ ему село пѣстое, въ Кузминскомъ повете, на имя—Лановцы, и тежь придалъ ему въ его отчизни, къ Веровцомъ, рогъ Кузминского лесу; и тыи листы ихъ передъ нами покладалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему въ томъ ласку нашу учинили и, подлугъ тыхъ листовъ, тыи сенищи зъ рогомъ лесу ему пожаловали. Ино мы, зъ ласки наше, видячи его, ижь онъ мешкаетъ на шляху татарскомъ и завжды горла своего на службу нашу не жауєть, и хотячи его на потомъ мѣти охотѣйшого и поспѣшнѣйшого ку службѣ нашей, въ томъ есмы ему ласку нашу вдѣляли, и тые сенища—Кобыльно а Лановцы и рогъ лесу—ему есмы дали; и подтверждаемъ то симъ нашимъ листомъ вѣчно ему, и его женѣ, и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучимъ ихъ щадкамъ: нехай онъ тыи сенища—Кобыльню а Лановцы и тотъ рогъ лесу держитъ и зъ землями пашными, и зъ сеножатми, и зъ лесы, и зъ дубровами, и зъ насеками, и зъ ставы и ставицы, и зъ млыны, и зъ ихъ вымелками, и зъ бобровыми гоны, со всимъ, по тому, якъ з давна тыи сенища въ собѣ ся мѣли и нынѣ мають; воленъ то онъ отдати и заменить, разширити и прибавити и къ своему лепшому а ужиточному обернуты, какъ самъ належѣй разумѣючи. А на твердость того и печать нашу казали есмы привесити къ сему нашему листу. Писанъ у Люблинѣ, въ лето 7014, мѣсяца генваря 22 день, индикѣ 9.

(*Athenaeum*, 1842 г. т. II, стр. 31.)

22.

Грамота великаго князя Александра землянину Брацлавскому, Ивану Долбыничу, на село Трыбисово. 1606 года, марта 11 д.

Александръ, Божю милостию король Полскій, великий князь Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомойтскій и иныхъ.

Намѣстнику Брацлавскому, князю Михайлу Васильевилу Збаражскому. Билъ намъ чоломъ землянинъ Брацлавскій, Иванъ Долбыничъ

Котеневскій, и повѣдилъ передъ нами, штожь ты далъ ему селище въ Браславскомъ повѣтѣ, на имя—Трыбисова, на рѣцѣ на Уси, и листъ свой на то ему далъ; и онъ тотъ твой листъ передъ нами покладалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему дали на тое селище нашъ листъ. Ино мы ему на то дали сей нашъ листъ,—нехай онъ тое селище держить, подлугъ листу твоего, а намъ служить. Писанъ въ Люблини, марта 11 день, индикта 9. (М. П.)

Сообщено В. Антоновичемъ.

23.

Грамота Сигизмунда I, Черкасскому землянину, Гринку Васкевичу, на владѣніе селами: Миліевома, Орловичами и Линичами, подъ условіемъ отправлять земскую службу. 1510—1525—1540 года, сентября 25 д.

Zygmunt, Bożą miłością król Polski, wielkie xiążę Litewskie, xiążę Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Mazowieckie i innych.

Bił nam czołem ziemianin nasz Czerkaski, Hryńko Waśkiewicz, i powiedział przed nami: iżę pojął żonę za siebie ziemianina Zwinogrodzkiego, Fedka Waśkiewicza, a tego Fedka Tatarowie ubili, i na ktore sieliszcza miał on oyczyzne, wysługę, te się jemu sieliszcza dostały po tej żonie jego, na imie—Mihlijewo a Onłowicze y Lińczynce: bo ten Fedko s tą żoną dzieci sobie nie miał, ani bliskich jego nikogo w tych sieliszczach nie było, i wszystkie mu te sieliszcza sławnej pamięci Alexander król potwierdził listem swym na wieczność. S tego on listu kopią przed nami ukazywał i bił nam czołem, abychmy jemu na to dali nasz list i potwierdzilibyśmy to iemu naszym listem, kiedy on będzie to u siebie mieć list brata naszego I. K. M.; i my jemu łaskę naszą uczynili i na tośmy mu dali ten nasz list i potwierdzili to tym naszym listem wiecznie jemu, iego żonie i ich dzieciom, niechaj on te sieliszcza dzierży ze wszystkim s tym, co ku nim zdawna przysłuchoło, podług tego listu brata naszego I. K. M., a nam służbę ziemską służy. Pisan we Lwowie, septembra 25 dnia, indykta 13.

Сообщено В. Антоновичемъ.

24.

Грамота Сигизмунда I, князьямъ Вишневскимъ, на мѣстечко Перемилъ въ Луцкомъ повѣтѣ. 1511 года, июня 15 д.

Жигимонтъ третій, Божю милостію король Польскій, великий

князь Литовскій, Русскій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Ифлянскій, а Шведскій, Кготскій, Вандальскій дедичный король.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, ижъ, за прозбою земенина нашего земли Волынское, урожоного Михайла Хрынницкого, казали есмо ему з метрыкъ канцелярей наше видымусъ дати—привилею продъка и деда нашего, светобливое памети короля его милости Жикгимонта першого, подтверженья Федору а Ивану Михайловичомъ Вишньневекимъ на именье Перемиль, в повете Луцкомъ лежащее; который привилей слово отъ слова (так се в себе) маеть: »Жикгимонтъ, Божою милостью король Польскій, великий князь Литовскій, Русскій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій и иныхъ. Чынимъ знаменито симъ нашимъ (листом, хто на него) посмотрыть, або чтучи его услышьть, нынешнимъ (и на потом будучимъ), кому будетъ потреба того ведати. Били намъ чоломъ, (князь Федоръ а) князь Иванъ Михайловичи Вишньневекіе о томъ, што есмо дали имъ местечко въ Луцкомъ повете, наймъ—Перемиль, за ихъ службу, по тому, якъ тое местечко отъ насъ держалъ в держаньи и князь Федоръ Четвертеньскій; и были намъ чоломъ, абыхмо то имъ подтвердили прывилемъ нашимъ на вечность. Ино мы, обачывшы ихъ службу намъ верьную, и николи не оменкалю, яко слугъ нашихъ добрыхъ, хотячы ихъ к намъ заховаты охотнейшихъ и поспешнейшихъ ку службе нашей, на ихъ чоломъбыть есмо вчынили, и з ласки наше тое местечко Перемиль даемъ и дали есмо имъ, и подтверждаемъ то симъ нашимъ листомъ вечно и непорушно имъ самымъ, и ихъ жонамъ, и ихъ детемъ, и ихъ справедливымъ на потомъ будучимъ ихъ щадкомъ: зъ торьгомъ, и зъ ярмаркомъ, и зъ мыты старыми грошовыми и соляными, и с промытою, и с правомъ Майдеборскимъ, котороежъ право тое местечко съ стародавна маеть з войтовствомъ Перемильскимъ, и зо всьими людьми и платы местскими, и с корчмами, и капщизнами, и цынъшы, и доходы, и въжитки, и з городищомъ, и зъ землями церьковными, которые земли прьслушаютъ здавна къ костелу нашего рымского закону; и на тыхъ земляхъ костель мають збудовати, и каплана своее руки тамъ мети, и з монастыромъ закону греческого, и з землями монастырскими..... монастырскими тежъ, оны игумена отъ своее руки мети, и фольварки, и з землями местскими, пашными и бортными, и зъ засеками, и з огородами, и з хмельниками, и з селищы, и з даньми грошовыми и медовыми, и з дубровами, з боры, з леси, з гаи, з форосты, з дубинами, з березинами, з лозами, з

сеножатми, з болоуы, з луги и з луками, и з пастовъники, и з озеры, и озерыщы, з реками и речъками, з крыницами, и з потоки, и з зеремяны, и з бобровыми гоны, з ставы и ставищы, и з млыны, и ихъ вымельками, и з сажовками, и з рыбники, з ловы, з ловищы зверынными, и пташными и рыбными, и зо всеми пожитыи и възжитыи того местечка, зо всемъ сымъ, якъ тое местечко на насъ держано было тыхъ часовъ; и, какъ ся в границахъ своихъ маеть, вольны оны то — отдати и продати, заменити и даровати, и городъ тамъ збудовати и место садити, и тежъ на сыромъ корени люди садити, и которымъ колъбекъ именемъ, то именовати и розшырыти, и прибавити, и къ своему лепшому и възыточному оберънути, какъ сами на лепей розумеючы; а на твердость того и печать нашу казали есмо прывесити к сему нашему листу. Писанъ у Бересты, лета Божего нароженъя тысяча пять сотъ одиннадцатого, месеца юня петнадцатого дня, индыкта чотырнадцатого. Подпись руки его королевское милости. При тому были Миколай Миколаевичъ Радивицъ, а гетманъ Маршалокъ волыньское земли князь Боговитиновичъ маршалокъ, а писаръ видымусъ з метрыкъ, подъ печать великого Хвильицкому выданъ естъ. Писанъ у Варшаве, лета Божего нароженъя тисеч месеца юня петнадцатого дня. Левъ Салегъ, канцлеръ великаго (М. П.) князства Литовского.

Сообщено В. Антоновичемъ.

25.

Подтвердительная грамота Сигизмунда I, городу Киеву на Мандебурское право, пожалованное этому городу королемъ Александромъ; Сигизмундъ прибавляетъ при томъ новыя права и льготы. 1516 года, января 12.

Подтверждение этой же грамоты Сигизмундомъ Августомъ 1545, апрѣля 24.

Жикгимонтъ Августъ, милостию Божіею король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жмундскій, Мазовецкій и прочая панъ и дѣдинъ.

Ку вѣчной тоей речи памяти, всѣмъ и каждому вособно, кому

о томъ ведати надлежити мети, иже передъ нашимъ величествомъ привилей найяснѣйшого и премилостивѣйшого родителя нашего, найхвалѣнѣйшого господаря, Жигмунта, тоюже милостию Божією король Польского и найвишшого князя Литовского и иныхъ, его величества града Кіева войти и зъ мещанъ закона вѣри римской, вѣрецкой и ормянской,—покладали привилей на волности и цѣлости, в немъ выраженіе, и на уживаніе права Майдебурского, которимъ зуполна повелено имъ мещаномъ судитися, обходитися, и справоватися, и проступныхъ карати и вини з нихъ брати; а, яко всякая вещь отминѣ и вѣлымъ припадкомъ подлекая бываетъ, такъ и тотъ привилей несчастливимъ припадкомъ от поганства, татаръ—которіе частокротне в державу и в граници наши нападають—у нихъ, мещанъ, отбито и печать от оного, на вѣску витеснену и правѣшную на шнурку едвабномъ, оторвано, що досконале знать было: только подпись руки его королевского величества и подпись руки секретарской цѣлие и ненарушній зостали. Що мы, достовѣрно видячи, веру нiali, которій привилей такъ в собѣ мѣеть: Во имя Господне, аминь. Ку вѣчной твоей рѣчи памяти поневаж все рѣчи, которіе въ часѣ исправляются, купно з часомъ в забвѣніе приходить и з памяти людской вибиваются, и наступающимъ вѣкомъ невѣдоми бивають, аще для вѣка потѣмной памяти писанни не обрѣтаются, того ради мы, Жигмунтъ, Божією милостию король Польскій, великій Князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жмудскій, Мазовецкій и иныхъ господарь и дѣдичъ, овнаймуемъ всемъ обще и каждому зособна, нинѣ и потомъ будучимъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ, яко войти и мещане наши Кіевскіе передъ маестатомъ нашимъ доносили, что найяснѣйшій негдись король Александеръ, родомъ и наймилишій братъ нашъ, желаючи опустилому краю, земли Руской, лучшого поведѣніи и дабы место Кіевъ ширилося и множилося в люде и во всеѣ достатки и приходи, самому мѣсту Кіеву и мещаномъ Кіевскимъ, з ласки и щодробливости своей королевской, право немецкое, названное Майдебурское, закону и вѣри Римской, Вѣрецкой и Арменской,—надалъ и уфундовалъ и опредѣлил; дабы мещане и всеѣ жителѣ Кіевскіе, генеръ и на потомъ будучіе, и ихъ потомки и наслѣдники во всеѣхъ рѣчахъ обходилися и справовалися такъ, якъ полномощная установка и звичай права, именуемого Майдебурского, означаетъ; и на такѣе наданъе привилей его королевского величества, при завѣистой печати имъ наданній, передъ нами покладали и доносили, что его королевское величество

по тому привилею, в самомъ правѣ Майдебурскомъ и на нѣкоторія артикула и пунета не соизволять и не повелѣлъ потому быти; но они, помянутіе мещане, на сей часъ покорне намъ были челомъ, дабысьмо имъ в томъ милость нашу королевскую явили, имъ, мещаномъ, и мѣсту ихъ право преждедеченное, подлугъ привилѣя наяснѣйшого пана брата нашего, негдись короля Полского Александра, зуполно и нивчомъ ненарушимо содержати повелѣли и утвердили. Мы прето, маючи ласковій взглядъ на нихъ, мещанъ, яко на пограничи живучихъ и частокротне от неприятели нашихъ поносящихъ и терпящихъ разореніе и неволю, а хотячи мѣсту нашему, в люде и во всѣхъ достатки, разширенія и помноженія,—прозбу ихъ ласкове принявши, право театоницкое, названное Майдебурское, мѣсту нашому Киеву и всѣмъ его обивателямъ, тепер в немъ застаючимъ и на потомъ, будущимъ, Римского, Кгрецкого и Арменского исповѣданія, з особливой и щодробливой ласки нашей королевской, надаемъ, позволяемъ, утверждаемъ и змощаемъ во вѣчніе времена; и тоє право Майдебурское зуполне, во всѣхъ пунктахъ и артикулахъ, содержати позволяемъ и подлогъ оного установи—обходитися, справоватися и боронитися таковымъ же способомъ и порядкомъ, якъ мѣсто наше Вѣлно тоє право содержать и оного уживаетъ, а от правъ Полскихъ, Литовскихъ и Рускихъ и от всѣхъ звичаевъ, к тому праву неслушнихъ и противнихъ, предреченнихъ мещанъ виключаемъ и волними чинимъ; такожъ помянутихъ мещанъ от послушенства и власти воеводъ, судей и иннихъ урядниковъ нашихъ и ихъ намѣстниковъ свободними чинимъ: которіе мещане перед ними в якихъ колвекъ рѣчахъ и справахъ криминальныхъ, в великихъ и поточнихъ, то есть—о злодѣйствѣ, о кровопролитей, о убійствѣ, о ушчєніи члонковъ якихъ, о пожогахъ и в иннихъ всихъ проступкахъ, с якою колвекъ причины позваные,—не мѣють отвѣтствовать и не повини ихъ ко отвѣту передъ себя потягати и ни до якихъ винъ и до заплаченя онихъ не должны насилувати; толко они передъ своимъ войтомъ, на тотъ часъ будущимъ, а войтъ з урадовими своими передъ маєстатомъ нашимъ, когда чрезъ позви наши призвани будутъ о якіе колвекъ справи, тимже власне а не иншимъ правомъ Майдебурскимъ, на нихъ скаржачимся отвѣтствовати мѣють, опрочже еслиби справа яка приключилася з шляхтичомъ или з иннимъ кимъ, сему праву неподлеглимъ и неподручнимъ. Томужъ войтовъ мѣста нашего Києва всѣ справи криминальные, головніе, горловіе, о пожогахъ и инніе всѣ вишеозначенніе даемо моцъ

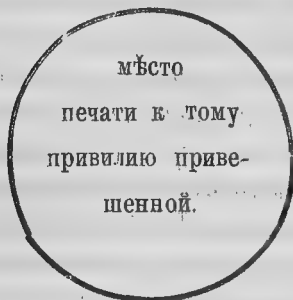
и власть зуполную судити, проступнихъ карати, подлугъ заслуги кожного — мечемъ стинати, топити, огнемъ палити, якъ право майдебурское во всѣхъ своихъ артикулахъ, пунетахъ и параграфахъ описуетъ. Кравцевъ, ковалевъ, цирульниковъ, золотарей, лучниковъ, стрелниковъ, бушнеровъ, шевцовъ и иннихъ всѣхъ ремесниковъ, в Киевѣ теперъ живучихъ и впредъ будучихъ, под власт и послушенство мѣское поддаемъ и привлащаемъ, а от власти и послушенства воеводъ и иннихъ урядниковъ нашихъ и ихъ намѣсниковъ вилучаемъ и увольняемъ: Имѣти то хотимъ жеби отнюдъ ихъ до замку на работизну войсковую не потягано и жаднихъ бы имъ обидъ и налогъ не чинили, опрочъ що з кожного ремесла по два человекъ на службу и на работизну войсковую и замковую опредѣляемъ, которіе прислушати мають до замку. Позволяемъ тежъ помянутимъ мещаномъ выелякій складъ в мѣстѣ ихъ имѣти; пивомъ, медомъ, виномъ и горѣлкою шинковать и с того приходи на потреби мѣскіе оборочати; также помѣрное медовое, то есть ведерно, которимъ медъ мѣрится, ятки всѣ резницкіе, полки и лавки, в которихъ живность и всякая мѣлочъ продается, воскобойню, где воскъ забивается, зо всѣми приходами до мѣста надаемъ, — толкожь з каждой борчми кожного году по две копи грошей повинни намъ платити; такожь тихъ, прежде реченныхъ, мещанъ з некоторого звичаю, в мѣсте Киевѣ изстари будучого, яки они называютъ *осмництво*, увольняемъ и варуемъ то, абы обывателемъ киевскимъ никто из урядниковъ замку Киевского а особливѣ названный *осмничий* за тую установу жадной трудности и турбаціи, хочай бы и приличилися в таковомъ учинку, не дерзаль затѣват и от нихъ жаднихъ податей вимогати. Гостей такожъ и прихожихъ подлугъ старого звичаю заховуемъ; от мита нашего, надлежащего на насъ от рыбъ, мещанъ киевскихъ заховуемъ и увольняемъ. Онижъ, мещане, многократне уже преждемененіи, привилѣи наяснѣйшого короля и великого князя Александра, вишепомененного брата нашего наймильшого, также и нашъ передъ маестатомъ подлинни презентовали и освѣдчали, что его королевское величество и мы по всѣхъ панствахъ нашихъ дѣдизнихъ, короннихъ и в великомъ князствѣ Литовскомъ от мыгъ и цель всякихъ сухимъ путемъ и водою мещанъ Киевскихъ уволнили, и позволили купецкимъ людямъ, мещаномъ Киевскимъ, с товарами и гандлями якимиколвекъ ити, ихати и судами водою плисти без платежу жодного на цлахъ королевскихъ, князькихъ, панскихъ, духовного и свѣцкого стану; в томъ же привилію выражено, что братъ

и продохъ нашъ и мы ихъ, мещанъ Киевскихъ, волними учинили от
всѣхъ пословъ нашихъ, такожъ московскихъ, молдавскихъ, турецкихъ,
переконскихъ и иннихъ всякихъ посланниковъ, гонцовъ, курьеровъ и
от даяня тимъ посламъ подводъ, кормовъ, и питя, и иннихъ видат-
ковъ на привѣтъ ихъ, и от сторожи, скарбовъ и лошадей ихъ, и от
походу з поели до орди; такожъ и воеводскимъ посланникомъ лошадей
подводъ у нихъ имати завазали. И от судовъ всякой власти замковой
увольняемъ иноземцевъ и пришельцовъ всякихъ, будущихъ тамъ в Киевѣ
и гандлюющихъ купеческимъ промысломъ, за всеми ихъ послугами, по-
датками и приходами — тимъ же мещанамъ во владѣніе подаемъ и при-
вращаемъ. Да в томъ же привилѣи написано, что воеводи Киевские, з
вымыслного нѣкоторого звичаю, по двинадцати грошей бѣрали вини от
тихъ мещанъ Киевскихъ, которіе часу лѣтнего в домахъ своихъ огонь
держали; яковій поступокъ и звичай мы ганимъ, искореняемъ и ихъ,
мещанъ, от такового звичаю увольняемъ; и позволяемъ всемъ мещаномъ,
купечимъ и ремеслнымъ людемъ, огонь в домахъ своихъ в ночи, albo
каждогоболюеи времени, держати и имѣти безъ жадной вини и тур-
баціи от ураду замкового; только в домахъ шинковникъ, в лѣтѣ, когда
ночи малѣ бываютъ, при свѣтлѣ пити заказуемъ. И притомъ всемъ, яко
выше поманулося, ихъ мещанъ, многократно вышепоминутихъ, захо-
вуемъ имѣти то хоцемъ непремѣнно. А духовнымъ, то есть: архи-
епископови закону и вѣри, святой римской, метрополиту кгреческому
Киевскому и всемъ духовнымъ, в Киевѣ обикліе свои приходы и подати
имѣющимъ, повинни, подлугъ стародавняго звичаю, належити и сподна
отдавати, в якіе приходы его королевское величество в то время всту-
пается не схотѣлъ. Ониж, мещане наши, от ваги — ваговое до ратуши
повинни давати; заровно тежъ важицу со всеми вагами при ратуши
заховуемъ подлугъ давняго звичаю контрибуціи, то есть — поборъ юни,
мещане наши, в казну нашу повинни платити заровно якъ и з иннихъ
мѣстъ мещане наши тѣ платитъ. Такожъ каждого часу оные мещане
наши заровно з инними мещанами нашими и подданными, подлугъ
звичаю давняго оборону и сторожу отбувати повинни на томъ мѣстну,
где застава сторожа стоявала и тогда ни в акротне з нами самими,
albo з нашими урядниками, за татарами в погоню потреба бы была;
ониж мещане, каждый за себе, подлугъ можности своей збройной, воюю,
якъ до войны, належитъ, за указомъ нашимъ albo уряднива нашего,
безоткладно, безъ жадной отмовки з инними подданными нашими

вийздить должны; такожъ въ замку нашомъ, подлугъ обыкновенія данного, онихъ; мешчане наши, вночи обходити и окликати повинни. Зверху еще, для прибили приходовъ имъ, мешчаномъ нашимъ, два ярмарки установаемъ мѣти въ Киевѣ: первый ярмарокъ о праздниці Богоявленія Господня, през цѣлій тиждень, другій о праздниці Рождества Пресвятія Богородици, такожъ през цѣлій тиждень. И щодолевекъ мѣсту и мешчанамъ нашимъ Киевскимъ, яко вишей вспомянуто, нада лисмо, змоцнили; от чогожъ тежъ и уволнилисмо, — тоє накрѣпко, неподвижно и ни от кого ненарушимо во вѣчніе годы утверждаемъ и заховуемъ, и к сему писанію нашему для свидѣтельства и увѣренія лутчого, печать нашу королевскую привѣсити повелѣли. Данно в Вилнѣ, в середу передъ праздникомъ близко святого Антонія, року Господня **афси** (1516), при битности тамъ в Божѣ превелебного отца, всеможного Войтеха, бѣскупа Виленского; Николая Николаевича Радивиля, воеводи Виленского и великого князства нашего Литовского канцлѣра; Юрія Станиславовича Остека, воеводи Троцкого, двору нашего ротмистра; Станислава Яновича, Канцеляна Троцкого, а земли Жмутской старости; Юрія Николаевича Радивиля, подчасшего нашего и старости Кгродинского; Неміра Грималича, старости мелницкого и дрогицкого, маршалка нашего; Юрія Ильича, маршалка нашего и старости Берестейского, и при битности нашихъ пановъ радъ и дворянъ нашихъ, зичливе и вѣрне намъ милихъ, — на чомъ во свидѣтельство подписъ руки королевской таковій: Жикгмунтъ король. Подпись руки секретарской — Николай маршалокъ подписалъ. А за тымъ нашему королевскому и княжескому величеству, именемъ войта, бурмистровъ, райцовъ и всего посольства мѣста нашего Клева, мешчанежъ Клевскіе: Тарасъ Алексѣевъ, Прокопій Андрѣевичъ, Васко Ходковичъ, при инстанціи субликовали, абысмо той помянутой привилей повагою нашею королевскою и княжескою утвердили, которыхъ прошеніе ласкове принявши, помянутой привилей симъ писаніемъ нашимъ утверждаемъ, укрепляемъ и змоцняемъ: которій привилей, где бы колекъ въ публичнихъ, головнихъ и в поточныхъ судахъ презентованъ будетъ, абы была вѣра везде, яко самому подлинному была дана. Чего ради сіе писаніе во свѣдѣтельство рукою нашею подписали и печать нашего князства Литовского, на воску притиснувши, привѣсити повелѣли. Дѣялося и дано въ Вилнѣ, въ пятницу, в двадцать четвертій день мѣсяца априля, тѣто отъ Рождества Христова **афме** (1545). При томъ притомніе

были: велебній и вельможній Юрій, бискупъ Луцкій; Янъ Глебовичъ воевода Виленскій, державца Бобруйскій и Бориссовскій; Григорій Григоровичъ Осичковичъ, Виленскій; Геронимъ, Троцкій канцелярь; Николай Яновичъ Радивиль, маршалокъ земскій; Станиславъ Довойна, воевода Полоцкій; Иванъ Горностай, маршалокъ надворній великого князства Литовского, подскарбій земскій, Слонимскій, Едвенскій, Добшунжскій староста, и иншіе пани рада, дворане и урядники наши, верне и вдачне намъ маліе. У того подлинного привилію подпись рукъ таковій:

Жикгимонтъ Августъ король Полскій.

Валеріанъ, Секретеръ его королевского и княжеского величества и писарь княжества Литовского.

С подлинной привилегіи латинского писма на руское переводили: сотникъ Срѣбрянскій, Антонъ Троцина и Михайло Янгелвѣцкій, сотникъ Журавскій.

Книга Кіевской городской думы, № 3503, годъ 1542—1608; страница 14.

Примѣчаніе.—Туже грамоту Сигизмундъ Августъ подтвердилъ вторично, по просьбѣ Кіевскихъ мѣщанъ, въ 1562 г. и еще разъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, іюля 21; потомъ король Стефанъ—въ 1570 году, іюля 7, и Сигизмундъ III—въ 1588 году, мая 10.—(См. книгу Кіевской городской думы, № 3503, годъ 1542—1608, стр. 21, 31 на оборотъ и 50).

Рѣшеніе короля Сигизмунда I, по жалобѣ пановъ: Стефана, Ивана и другихъ братьевъ Гриневичей-Яковскихъ, на воеводу Кіевскаго Андрея Немирича, за отнятіе урунтовъ, мельницы на р. Горыни, и за наѣздъ на ихъ имѣнія. Король, утверждая за Гриневичами-Яковскими ихъ имѣнія, объявляетъ Немирича виновнымъ по этому дѣлу и приказываетъ ему, дабы онъ на будущее время не дѣлалъ разореній и насилій въ имѣніи Гриневичей-Яковскихъ. 1520 года, августа 10 дня.

Roku tysiąc siedmset trzydziestego trzeciego, miesiąca aprilis osimnas-
tego dnia.

Na urządzie grodzkim, w mieście jego królewskiej mości Zytomierzu, przedemną, Janem Walewskim Lewkowskim, namiesnikiem podwojewództwa Kijowskiego y wiegami, ninieyszemi, grodzkiemi, Kijowskiemi, comparens personaliter urodzony jego mość pan Heronim Hryniewicz Jackowski, kopią dekretu zadwornego, między—niegdy urodzonym Stefanem y Iwanem Hryniewiczami Jackowskiemi, antecessorami offerentis,—z iedney, a niegdy jaśnie wielmożnym Andrzejem Niemiryczem, wojewodą Kijowskim,—z drugiey strony,—z podpisaniami rąk niżej wyrażonych ich mości, w Warszawie stałego y ferowanego ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg ninieyszych, grodzkich, Kijowskich per oblatam podał, in eo verborum, qui sequitur, tenore: »Żygmunt pierwszy, Bożą miłością król Polski, etc. Oznaymuemy tym naszym listem wszem w obec y każdemu z osobna, komu by o tym wiedzieć należało: gdy się przytoczyła sprawa przed nas y sąd nasz ninieyszy, za pozwem naszym, między ich mościami pany: Stefanem y Iwanem y innemi Hryniewiczami Jackowskiemi, iako powodami—z iedney, a jego mością panem Jędrzejem Niemiryczem, sprawcą Kijowskim, iako pozwany—z drugiey strony, o zabranie gwałtowne gruntow y młyna na rzyce Horynie y o najazd na dobra ich, nazwane ziemią Piętkowską y Bartną, niedaleko miasta naszego Owrucza, także zbiecia y pobrania majątności ich ruchomych, z wielką krzywdą y szkodą mianowanych Hryniewiczow Jackowskich, którzy na pięć tysięcy kop pieniędzy litewskich sobie szacowali, iako ten pozew szerzey w sobie obmawia; na roku tedy ninieyszym, na trzecim wołaniu, dnia dwudziestego siódmego augusta za tymże pozwem przypadłym, stanowszy oczewiście strona powodowa, Stefany Iwan Hryniewiczowie Jackowscy, za mocą, od braci im daną, dowodząc żaloby swojej (zinqusitiū) tak ludzi okolicznych iako y urzę-

dowey, prosili nas przytym o przywrocenie gruntow y mlyna y o zaplacenie szkod y krzywd poczynionych wedlug pozwu swego; a od strony pozwaney Stanislaw Rostowski, za mocą iemu daną stanowszy, mienił sobie, że ten grunt krolewsczyzna, a niemiał czym dowodzić; a panowie Hryniewiczowie Jackowscy—Stefan y Iwan pokazali, że to dobra ziemie dziedziczne. My z panami y radami naszymi, przy nas na ten czas będącemi, słysząc spór y odpór stron między sobą y widząc, iż panowie Hryniewiczowie z bracią swoją tego dowiedli, że te grunta y młyn własność ich iest,—zaczyn onym wiecznemi czasy przysadzamy, a jego mości pana Jędrzeja Niemirycza, iako nienależycie wpierającego się w te grunta, winnym bydz uznajemy y nakazujemy, aby pan Niemirycz żadney przeszkody panom Hryniewiczom Jackowskim, iako w ich własnym dziedzictwie, nie czynił; co się zaś dotczye poczynienia szkod, co sobie mienia bydz na pięć tysiec kop pieniędzy litewskich panowie Hryniewiczowie Jackowscy, wolne im prawo w sądzie należnym zostawujemy ninieyszym dekretem naszym, do którego dla lepszey wiary y twardości pieczęć koronną przyoisnać rozkazali. Pisan w Warszawie, roku tysiąc pięćset dwudziestego, dnia dziesiątego augusti. A podpis w te słowa: Petrus Tomicki, episcopus culmensis, vice cancelarius. Zacharyasz Jałowicki. Ktoraż kopia dekretu, za podaniem y prozbą wyszmianowanej osoby podawajacey, a za moim urzędowym przyściem, wszystka z początku aż do końca, słowo w słowo, iak się w sobie ma, do xiąg ninieyszych iest ingrosowana.

Книга Киевская, вродская, 1733 года, № 45; листъ 849.

27.

Грамота Симизмунда I, Овруцкому землянину Тимошу Барановскому, на земли: Жадановскую, Барановскую и на островъ Зелезницкий. 1531 года, іюня 17.

Року тисаця шестсот осмдесят четвертого, мѣсяца августа девятого дня.

На уряде вродском, в замку его королевской милости в Овруцкомъ, передо мною, Деміаномъ Суриномъ, писаремъ земскимъ Киевскимъ, подстаростимъ вродскимъ Овруцкимъ, и книгами чинешними, вродскими, овруцкими, personaliter stanawsky szlachezny pan Josif Bara-

nowski dla wpisania do xiąg niniejszych, grodzkich, owruckich, a postrzegając całości honoru conditiei tudzież y substantiei swoiey, panieważ przez ogień przypadkowy z dopuszczenia Bożkiego xięgi grodzkie, Owruckie, dawniejsze wszystkie, jedne w murowanej świętego Wasilia, a drugie w monasterze w świętej Preczystej cerkwiach w schowaniu będące, pogorzeli, znowu per oblatam podał extract, z pomienionych xiąg grodzkich, Owruckich, zgorzałych authenticie wydany, z wpisaniem w nim przywileiu jego krolewskiej mości panom Baranowskim na rzecz, niżej w tymże przywileiu inserowanym, wyrażoną, danego y służącego, którego podawiający prosił, aby przyięty y do xiąg wpisany był; a tak ja, urząd, dla wpisania do xiąg niniejszych przyjmując, czytałem, y tak się w sobie ma: Wypis z xiąg grodzkich zamku jego krolewskiej mości Owruckiego, roku tysiąc szesztset czterdiestego, miesiąca januarii dwudziestego piątego dnia. Na urządzie grodzkim, w zamku jego krolewskiej mości Owruckim, przedemną Marcinem Wasilkowskim, namiesnikiem podstarostwa Owruckiego, stanąwszy oczewisto szlachetny pan Alexander Baranowski, dla wpisania do xiąg niniejszych, grodzkich, Owruckich, podał per oblatam list jego krolewskiej mości na dobra Żadanowskie w rzeczy niżej mianowanej służący, o czym ten list szyrzey w sobie obmawia, którego podawszy, prosił, aby przyięty y w xięgi niniejsze wpisany był; ja, urząd, ten list przyjmując, przed sobą czytać kazałem i tak się w sobie ma: »Żygmunt, Bożą miłością krol Polski, wielkie xiążę Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Żmudzkie y innych. Dzierżawcy Wruckiemu, panu Michajłu Michajłowiczu Chaleckiemu y inszym starostom, kto y na potem od nas będzie ten zamek Wrucki drierzeć, bił nam czołem ziemianin Wrucki powiatu Kijowskiego, Timosz Baranowski, y pokładał przed nami różne prawa y przywileia od świętej pamięci przodków naszych na ziemie w Wruckim powiecie, nazwaną Żadanowską, Baranowską y ostrow Zaleznicky; y prosił nas, abyśmy iemu samemu, potomkom y szczadkom jego, te pomienione dobra, według daniny przodków naszych, przywileiem naszym potwierdzić roskazali, zostawiając go przy wolnościach y swobodach, aby on sam, potomki y szczadki iego nam konno służbę ziemską, wespoł z inszemy ziemiany y z pany radą naszą, służyli, i my, poradziwszy się z pany radą naszą, na czołembicie jego, te wszystkie prawa i przywileia na daninę jego służące stwierdziwszy y zmocniwszy, ten nasz list, s przyciśnieniem pieczęci koronney y z podpisem ręki kanclerza y pisarza naszego, daliśmy. Pisan w Krakowie, roku tysiąc pieneset trzydziestego pierwszego, miesiąca juni dnia siedmnastego; indikta czwartego. U tego listu pieczęć koronna iest przy-

ciśniona, a podpis rąk temi słowy: Walentinus Dom bieński, regni Poloniae cancellarius; na własne rozkazanie jego królewskiej mości—Zachariasz Jełowicki, secretarius regni, manu propria. Который же то листъ, за поданемъ вышъ менованое особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нинейшихъ вгородскихъ, овруцкихъ, есть уписанъ, съ которыхъ и сей выписъ, подъ печатю вгороду Овруцкого, есть выданъ. Писанъ въ Овручомъ; корыкговалъ Закусилло. У того экстракту печать вгородская, Овруцкая, есть притисненная, а подпись руки писарское теми словами: Семень Викгура, городничий киевский, писаръ вгородский, Овруцкий. Который же то экстрактъ, за поданемъ и прозъбою вышъменованое особы подавающого, а за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нинешнихъ, вгородскихъ, Овруцкихъ есть уписанный.

Книга Овруцкая вродская, 1684 года, № 3311, листъ 591 на об.

28.

Подтвердительная грамота Сигизмунда Брацлавскому землянину Олехну Ивановичу Микулинскому на имѣнія: Микулины, Борки, Новоселицы, Рогъ, Почапичи и половину Мизякова, въ вознагражденіе за военныя заслуги, оказанныя противъ татаръ, подъ условіемъ отбывать земскую господарскую службу. 1531 г. августа 5.

Feria Quarta ante festum natiuitatis gloriosissimae virginis proxima, anno Domini millesimo septingentesimo decimo quarto:

Ad officium et acta presentia, castrensia, capitanealia, latyczoviensia, personaliter veniens generosus Thomas Zaliwski, obtulit officio presenti et ad acticandum porrexit literas privilegii pargameneas, idiomate ruthenico scriptas, super bona: Miculince, Borcow, Nowosielice, Rohi, Poczapince et medietatem Miziacowa, in districtu Braclawensi existentia, in personam generosi Olechno Ivanovicz Miculinski servientia, per serenissimum regem Poloniae Sigismundum benigniter cum confirmatione antiquorum privilegiorum datas et collatas, manu ejusdem sacrae regiae majestatis et notarii subscriptas et sigillo, in caera rubra expresso, in appenso scrinio rubro existenti, communitas, de tenore verborum tali. »Жигимонтъ, Божю милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойскій, Мазо-

вѣдкій, Инфлянтскій и инныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ и привилеемъ, хто на него посмотритъ, албо его услышитъ, нинешнимъ и потомъ будучимъ, кому того потреба вѣдати будетъ: біючи намъ челомъ землянинъ нашъ повиту Брацлавского, урожоній Алексій Ивановичъ Микулинскій покладалъ передъ нами привилей на имѣнье свое дидичное, отчизное, а то есть першій привилей одъ продка нашего Свидрыгайла, великого князя Литовского, въ которомъ князь Свидрыгайло пишетъ, штожь великий князь Вытолтъ послалъ былъ Богдана Микулинского зъ войскомъ своимъ на татарѣ, которого за Браславемъ татарове убыли и уторгнувши у повитъ Браславскій шкёды не малые учыныли, и замокъ Винницкій добувши зпалыли, и Ивана Богдановича сына его зъ жоною взяли, при которомъ вси привилея и твердосты на имѣня его отчизные село—Мыкулынци, Борковъ, Новоселицю, Рогъ и Почапынци, у повити Браславскомъ лежаціе, побрали, ино великий князь Свидрыгайло, того Богдана Ивановича Микулинскаго откупилъ зъ орды, повелилъ и тые вси села его отчизные ему и потомкомъ его на вичность опять дать, и симъ привилеемъ своимъ подтвердиль, притомъ и другой привилей святой и хвалебной памяти найяснійшаго короля его милосты Казимира, пана отца нашего, покладалъ, где зъ ласки господарской, король его милосты, Супрунови Ивановичови Мыкулынскому, за вѣрные его послугы, тотъ привилей великого князя Свидрыгайла, отцеви его Ивану, на тые села и имѣнія данный, тымъ привилеемъ своимъ подтвердилъ вичностью; къ тому еще село Супруновъ и половицю села Мызыкава такъ же ему и потомкомъ его на вичность далъ, и быючи намъ чоломъ, просылъ насъ тотъ Олехно Микулынкій, который бываючи многократъ въ потребахъ, и будучи колко разъ у тяжкомъ везенью татарскомъ, за чоломбыгьемъ и прозбою его и за причиною пановъ радъ нашихъ, тые привилея такъ Свидрыгайла, Великого князя Литовского, яко тежъ и тотъ привилей короля его милосты Казимира, пана отца нашего, продкомъ его на тые имѣнья: село Мыкулынци, Борковъ, Новоселицю, Рогъ, Почапынци и половицю Мызыкава данный, симъ привилеемъ нашимъ тое все подтверждаемъ и также зъ ласки нашей королевской даемъ,—маеть тотъ Олехно именій своихъ дидичныхъ и отчизныхъ самъ и по немъ диты, потомки и исчадки его, вично и непорушно держаты и уживаты, а намъ господару, зъ тыхъ именій своихъ, службу земскую, военную, служиты маеть такъ какъ инные шляхта великого князства Литовскаго;

на твердость его и печать нашу казали есмо привисити къ сему нашему листу. Притомъ были панъ Миколай Вежигайло, бискупъ Жамойский, а воевода Подляский; маршалокъ нашъ панъ Богданъ Ивановичъ Сапига. Писанъ у Неполоницяхъ, подъ лито Божого пороженія тысяча пятьсотъ тридцать первый, мѣсяца августа пятый день, индыкть четвертый. Михайло писарь наместныи Медвѣцкий. *Locus sigilli in appenso cera rubra insigniti. Sigismundus Rex, manu propria.* Et altera vero parte connotationis tenor talis. Sabbatho post festum sancti Martini Pontificis, anno millesimo sexcentesimo trigesimo primo, Jacobus Czerwielski obtulit ad acticandum (hoc loco deterioratum) susceptumet inductum. Post ingrossationem vero idem generosus offerens originale ad se recepit et de recepto officium presens quietavit.

Книга Летичевскаго уѣзднаго суда, 1714 года, № 5253, стр. 176 на об.

29.

Грамота Сигизмунда I Черкасскому землянину Ивану Zubrikowичу, на села: Михливе, Орловичи и Леницы, находящіеся въ Черкасскомъ повѣтъ, и Бѣловцы—въ повѣтъ Кіевскомъ. 1533 года, февраля 20 дня.

Żygmunt, Bożą miłością król Polski, wielkie xiążę Litewskie, Ruskie, Pruskie, Zmudzkie, Mazowieckie i innych.

Bił nam czołem ziemianin nasz Czerkaski, Iwan Zubrikowicz, i powiedział przed nami, iż ziemianka Czerkaska, teszcza jego, Hrińkowa Anna, s synem swym Kością, zapisali jemu samemu i jego żonie i dzieciom i potomkom ich sieliszczą swoje własne, ojczyznę, w Czerkaskim powiecie, na imie: Mihhowo, Orłowice i Linczyńce, a ku temu w Kijowskim powiecie sieliszczą Biełłowców, ze wszystkim tym, iako się te sieliszczą z dawnych czasów w sobie mają, które listy potwierdzenia brata naszego Alexandra, króla jego mości, i na to mąż jej na te sieliszczą u siebie miał, ona też listy jemu oddała, jakoż też Iwan Zubrikowicz one listy brata mego Alexandra, króla, i nasz i też list zapisany od niej, teszczy swojej, przed nami pokładał i bił nam czołem, abyśmy mu na to dali nasz list i to listem naszym potwierdzili,—

a tak my, tych listów potwierdzenia, i list u zapisanego ich oglądawszy, na jego czołembicie to uczynili; na to daliśmy ten nasz list, niechaj on sam i jego żona i dzieci i potomki ich te sieliszczą, wyżej pisane; Michliów, Orłowiec, a Linczyńce a Biehlówce na siebie trzymali i ich używali, ze wszystkim tym, jako się ony z dawna w sobie mają, wedle listu zapisanego tej teszczy jego i syna jej i potwierdzenia brata naszego, Alexandra, króla jego mości, i nam s tego służbę ziemską zastępują; a na twardość tego i pieczęć naszą kazaliśmy przyłożyć ku temu naszemu listu. Pisan w Krakowie, pod latō Bożego Narodzenia 1533, miesiąca februarii 20, Sigismundus Rex. Michałło pisarz.

Сообщено В. Антоновичемъ.

30.

Грамота Сигизмунда-Августа шляхтичу Новгородскаго воеводства, Данилу Стецькевичу, на владѣніе пустошью, называемою Вельцы, подѣ условіємъ служити военную службу. 1538 года, октября 12 дня.

Roku tysiąc siedmset czterdziestego szóstego, miesiąca nowembria dziesiątego dnia.

Na urządzie grodzkim, w mieście jego królewskiej mości Żytomirzu, przede mną, Jozefem z Trypola Trypolskim, namiesnikiem protunc grodzkim y xiegami ninieyszemi, grodzkimi, Kijowskiemi, comparens personalitēr urodzony jegomość, pan Franciszek Steckiewicz, tę kopią, z xiąg grodzkich nowogrodzkich wydaną, z wpisaniem w niey przywyleju od najasnieyszego króla jego mości, Żygmunta Augusta, na dobra wieś Welca, antecessorum jego mości podawającego konferowanego, una cum testimonio od szlachty y obywatelow wojewodztwa Nowogrodzkiego dane, ratione introcontentorum, dla zapisania do xiąg ninieyszich grodzkich per oblatam podał, de tenore tali: wypis z xiąg grodzkich wojewodztwa Nowogrodzkiego. Лита одъ нароженія сына Божого тысяча шестьсотъ чвартого, мисяця февраля перваго дня. На ураде кгородскомъ, въ замку его королевской милости Новгородскимъ, передо мною, Крыштофомъ Керновскимъ, подвоеводитъ Новгородскимъ, одъ аснѣ вельможного его мосци, пана Дымытрыя-Самуела Полюбинского, воеводы Новгородского, постановившыся очевысто панъ Янъ

Стецкевичъ оповѣдалъ, покладаль и до книгъ подаль привылей одъ
 наиснейшого короля, его мылости, Жыггимунта Августа, продкомъ и
 домовству ихъ служащий на певный грунтъ, въ воеводствѣ Новгород-
 скимъ лсжащий, просечы насъ, абысь мо до книгъ вгородскихъ, Ново-
 городскихъ, прыняли и вписали, который привылей есть прынять, и
 слово до слова такъ се въ себе маеть: »Жыггимунтъ Августъ, Божою
 мылостью король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій,
 Жмудскій, Мазовецкій, и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ листомъ на-
 шимъ: билъ намъ чоломъ, шляхтычъ нашъ воеводства Новгородскаго,
 Данило Стецкевичъ, и просилъ насъ, абысьмо ласку нашу господарь-
 скую учинили, и дали ему землю нашу Пустовскую, а названою Велцы,
 и человека, Филона на имя, зъ землею тою, на которой онъ сѣдѣлъ;
 мы теды на чолобытіе его тое чынили, далисьмо ему, Стецкевичу, са-
 мому, жонѣ, дѣтямъ и щадкомъ его, тую землю на вѣчныя часы, зъ
 которой земли маеть намъ службу военную служыты по тому, яко и
 другіе, панове шляхта, служатъ, и надались мо сей нашъ листъ зъ
 нашою печатью. Писанъ въ Краковѣ подъ лито Божого нароженя
 тысяча пятьсотъ тридцать осмого, мѣсяца октобрыа дванадцатого дня,
 индыкта пятого. У того листу, пры печати его королевьской мылости,
 подписъ руки тыми слови: Zygmundus Rex, Мыхайло писарь«. Кото-
 рый-то тотъ выпись до xiąg grodzkich Nowogrodzkich iest wpisany y wy-
 pisem jego mości panu Janowi Steckiewiczowi, z podpisami rąk naszych, iest
 wydan. Pisan w Nowogrodzku, dnia y roku wyż pisanego. U tey kopii kor-
 rekta w te słowa: skorygował Krukowski; podpis ręki pisarskiej takowy:
 Kazimierz Fronckiewicz, pisarz Nowogrodzki; testimonium zaś szlachty woie-
 wodztwa Nowogrodzkiego tak się w sobie ma: my, niżej na podpisach rąk
 naszych wyrażeni, daiemy tę kopią panu Jozefowi Steckiewiczowi y drug
 dokument w woiewodztwo Kijowskie y upraszamy naszych wielcie mościwych
 panow y dobrodzieiow, aby była dana wiara, na to się y rękoma naszymi
 podpisujemy. Roku tysiąc siednset dwudziestego trzeciego, oktobra (?): Иванъ
 Малышницкій, Stefan Wieleciecki, Jan Steckiewicz, Antoni Steckiewicz,
 który to przywyley, za podaniem y prozbą wyż mianowanego jego mości
 podawiającego, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo do xiąg
 niniejszych iest ingrossowany.

Книга Киевская вродская, 1746 года, листъ 940, нояб. № 56.

Грамота Симизмунда I, подтверждающая дарственную запись Анны Гриньковой, ея зятю, Черкасскому боярину Ивану Жубрику, на села, лежащія въ Киевскомъ повѣтъ: Бѣхловцевъ, Остапковцевъ, Лисуновцевъ и Новоставковъ; на паськи, лежащія надъ рѣками: Быстрикомъ, Раставицею, Гуївою и Гуевою, и на села, лежащія въ Черкасскомъ повѣтъ: Михліево, Орловецъ и Линчинцы. Король разрѣшаетъ Жубрику владѣть упомянутыми селами, подъ условіемъ, что онъ будетъ служить изъ нихъ военную службу. 1539, іюля 3.

Przed nami, deputaty sądu głównego trybunału lubelskiego, na rok terażniejszy, 1602, ze wszystkich wojewodztw korony Polskiej obranemi i wysadzonemi, gdy przytoczyła się sprawa, za pozwem między urodzonym panem Fedorem Roznoszyńskim i małżonką jego, jej mość panią Krystyną Zubrykówną, powodową, a wielmożnymi ich mościami: xięciem Joachimem Koreckim, wojewodziec Wołyńskim i panią Anną Chodkiewiczówną, pozwaną stroną, a to o niewrócenie przez pozwanych powodom pewnych spraw, listu, zapisu Hryńkowej Anny Znoki (sic), na zapisanie pewnych sieliszcz panu Iwanowi Zubrikowi i żonie jego Bohdanie, drugiego listu króla jego mości Zygmunta, na potwierdzenie tegoż zapisu danego, trzeciego listu króla jego mości Zygmunta Augusta potwierdzenie tego zapisu Hryńkowej Zubrykowi danego, i kontrowersii oboch w tej sprawie obudwu stron, sąd niniejszy główny trybunalski, gdy te prawa, przywileje pozwany nakazał do aktykowania w xięgi oddać, wtedy, stojący u sądu niniejszego, pozwani oddali sprawy te do ksiąg, które sąd niniejszy główny trybunalski dla wpisowania do ksiąg przyjmując, przed sobą czytać kazał i gdy były czytane, list króla Zygmunta tak się w sobie ma: »Zygmunt, Bożą miłością król Polski, wielki xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Mazowieckie i innych. Bił nam czołem bojarzyn Czerkaski, Iwan Zubryk, i powiedział przed nami, iż teszcza jego, Hryńkowa Anna, stawszy przed wojewodą Kijowskim, hetmanem naszym dwornym, dzierżawcą Owruckim, panem Andrejem Jakubowiczem Niemirowiczem, z dozwoleń jego mości, zapisała jemu, xięciowi swemu, i dziewce swej, żonie jego Bohdanie, i ich dzieciom i potomkom połowice sieliszcz swoich, w powiecie Kijowskim, na imie: Biechlówców, a Ostapkowców, Lisunowców, Nowostawków, tak też i pasiek ich, do tych sieliszcz przynależących, w Czeremosznej, w Radostawie

nad Bystrykiem, w Ostapkowie i we wszelakich pasiekach, tak nad rzeką Rastawicą, jako i nad Hujwą i Hujewką, i piątą część swoje, od bliskich jej przysła, ku temu też ta teszcza jego zapisała jemu i żenie jego, córce swej, i ich potomkom sieliszczą swoje otczyznie, w powiecie Czerkaskim, na imie Mchliewo, Orłowiec, i Linczyńce ze wszystkim, iako się one sieliszczą z dawna w sobie mają, na co i list swój zapisny, pod pieczęcią pana wojewody Kijowskiego, że mu dała, który on przed nami pokładał, i bił nam czołem, abyśmy mu dali nasz list i to jemu naszym listem potwierdzili na wieczność, o czem że i pan wojewoda Kijowski, za nim uprzejmie żądający, do nas pisał; a tak my, listu jej zapisnego opatrzywszy, i z łaski naszej na żądanie pana wojewody Kijowskiego i na czoło-bicie jego tośmy uczynili, połowice tych sieliszcz w Kijowskim powiecie: Bichłowców i Ostapkowców, Lesunpwców, Nowostawków i te też sieliszczą w Czerkaskim powiecie: Mchlijewo, Orłowiec, i Linczyńce, potwierdzamy tym naszym listem samemu Iwanowi Zubrykowi, i jego żonie, i dzieciom, i potomkom ich na wieczne czasy, mają oni te sieliszczą, i s pasiekami wyż mianowanemi, na siebie dzierżyć i używać we wszystkim, jako się w sobie zapisnego, tej Hryńkowej, a służbę ziemską s tego nam mają służyć; i na to daliśmy ten nasz list, do którego i pieczęć naszą przyłożyć kazali. Pisan w Krakowie, pod lato Bożego narodzenia 1539, m-ca juli 3-go, indykta 12. U tego listu pieczęć j-o królewskiej m-ci, a podpis ręki w te słowa: Michajło, pisarz. Który list sąd niniejszy do ksiąg głównych trybunalskich wojewodztwa Kijowskiego zapisać kazał i jest zapisan, i ten wypis jest wydany. Pisan w Lublinie, Antoni Rożen de Rożno, Judex trih. pallat. Crac. Sawicki Albrycht, starosta Mielnicki, dep. w-wa Podlaskiego, Jerzy Horski-Drucki, deput. w-a Kijowskiego, Jan Podoski, starosta Rożański i Malijowski, deput. w. Mazowieckiego, Iwan Łozka, pisarz ziemski Kijowski; corrigował Hersowicz.

Сообщено В. Антоновичем.

32.

Грамота Сигизмунда-Августа, подтверждающая приговор третейского суда о разграничении имений князя Василия Ковельского и князя Андрея Михайловича Сангуковича - Коширского, состоявшийся в 1539 году и подтвержденный уже в то время Сигизмундом I.
1553, октября 26.

Лѣта Божого нароженія 1569, генваря двадцать шостого дня.

Пришедши на врьдъ замковый, передмене, Павла Григоровича Оранского, на тотъ часъ будущою подстаростею володимерского, служебникъ князя Лва его милости Александровича Сангушка Коширскаго, Олехно Порадникъ Защитовскій, показалъ листъ его королевское милости, Жикгимонта Августа, пана нашего милостивого, подтверженный, которымъ его королевская милость рачиль подтвердить старосте Луцкому, князю Андрею Михайловичу Сангушковича-Коширскому, деду князя Лва Коширскаго, листъ также подтверженный короля его милости, славное памяти, Жикгимонта, пана отца своего, которымъ первой того, его королевская милость, славное памяти Жикгимонтъ, листъ комисарскій князя Александра Збаражскаго, а маршалка его королевское милости, пана Петра Загоровского, а пана Федора Гулевича, и пана Петра Калусовского, ижъ они зъ руки его и князя Василя Михайловича Ковелского судьями, на роѣ зложонный, на кгрунтъ земенный, промежку именей ихъ, выездили и границы певные и вечистые вчинили, рачиль подтвердить, яко ширей и достаточней на листе подтверженомъ его королевское милости, пана нашего милостивого, описано есть. И просить мене Олехно Порадникъ Защитовскій именемъ князя Лва Коширскаго, пана своего, абы тотъ листъ его королевское милости, подтверженный, въ книги замковые вписать бытъ; я того листу его королевское милости огледавшѣ и достаточне его вычитавши, слово отъ слова въ книги замковые уписать казалъ, который таѣ ся въ себе маеть: »Жикгимонтъ Августъ, Божю милостью король Полскій, великий князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, и иныхъ. Билъ намъ чоломъ староста Луцкій, князь Андрей Михайловичъ Сангушковича и покладалъ переднами листъ короля его милости, славное памяти, пана отца нашего, которымъ его королевская милость рачиль ему подтвердить листъ комисарскій князя Александровъ Збаражскаго, а маршалка нашего, пана Петра Загоровского, а Федора Гулевича и Петра Калусовского, ижъ они, зъ руки его и князя Василя Михайловича Ковелского, судьями на роѣ зложонный выездили и границы певные и вечистые межи именей ихъ вчинили, якожъ на томъ месте судовомъ весь поступъ sprawy ихъ широкими стовы есть описанный, который есть слово въ слово, въ томъ подтверженю короля его милости пана отца нашего, описанъ, и такъ ся онъ въ себе маеть. Приказанемъ господаря короля его милости, мы, судьи, зъ руки князя Василя Ковелского, я, Александръ Федоровичъ Збаражскій, а Петръ

Богдановичъ Загоровскій, ключникъ, и городничій, и мостовничій Луцкий, а съ руки князя Андрея Михайловича Коширского Федоръ Гулевичъ, а Петръ Колусовскій, смотрели есмо того дела, штожьяко князь Василей Ковелскій такъ и князь Андрей Коширскій, будучи въ Кракове пригосподари его милости, еднане межи себе принели передъ маршалкомъ волинское земли, старостою владимерскимъ, княземъ Федоромъ Андреевичомъ Сангушковича, а передъ подскарбѣимъ земенимъ, маршалкомъ и писаромъ господаря короля его милости, старостою Слонимскимъ, имети Боговскимъ, державцею Дорсунискимъ и Зелвенскимъ, паномъ Иваномъ Горностаемъ, а старостою Мстиславскимъ, маршалкомъ господарскимъ, княземъ Василемъ Андреевичемъ Полубенскимъ, а подскарбѣимъ дворнымъ, державцею веленскимъ, паномъ Иваномъ Андреевичомъ, ижъ они на томъ застали, и листы еднанные межи себѣ подавали, и рокъ подъ страченемъ права приняли, на земли выехати промежку именей ихъ князя Василева—именя Хотешова, а князя Андреева—именя Речицы, а въ другомъ местцы, промежку другихъ именей ихъ князя Василевыхъ—именей Секуня, Гридковичъ, Шушковъ, Городища, Шайна, а князя Андреева—именя Мѣзова,—ино мы на тотъ зложонный рокъ на первый выехали, межи именей ихъ Хотешова и Речицы, пытали есмо въ князя Василя списку, на вголь разрезаного, котораго самъ оповедилъ въ Краковѣ, ижъ мель на тотъ рокъ положить, которая половица того списка въ князя Андрея Коширского, подъ печатью и съ подписью руки пана Ивана Горностаея, подскарбего земского; ино князь Василей на тотъ рокъ поведилъ, ижъ того списка въ себе не маю, и передъ нами его не положилъ, а князь Андрей половицу того списка на вголь разрѣзаного, с печатью и с подписью руки пана Ивана Горностаея, положилъ, и тежъ, ведле листовъ еднанныхъ, записныхъ, поставилъ осмнадцать сведковъ з великого князьства Литовского, с которыхъ же тыхъ осмнадцать сведковъ мель князь Василей Ковелскій обрати шесть человекъ, а куды тые шесть человекъ, пресегнувши, мели завести, туды, яко князь Ковельскій, такъ князь Коширскій, по тымъ впроцишамъ тыежъ границы мели держати на вечные часы; ино князь Ковелскій тыхъ шести сведковъ не обралъ и ку присязе ихъ не велъ, а призволилъ на то куды тые осмнадцать сведковъ заведутъ без присяги,—потоя хочу держати на вечные часы, якожъ тые сведки повели, ведле того списка старого, на вголь разрѣзаного, по тымъ впроцишамъ, по старымъ границамъ,—на первой, поченши отъ Солина бо-

лота и къ Вадичу мосту, а отъ Вадича мостка черезъ поля и къ дубу и лесу Росоши до Косны Луки, а отъ Косны Луки въ лесъ, который надъ озеромъ Серчемъ, а отъ того угла леса черезъ озеро Серче, куды есмо наги побили, а отъ того озера Серча идетъ болото Осовское по половини того болота Осовского, а тымъ болотомъ Осовскимъ у волесъ и Олсомъ до речки Гамы,—туды есмо грани зарубили, а тою речкою Гамою въ болото Радовское, а отъ болота Радовского и граници Лядское Ратенское мы, по тымъ вышемененымъ вровичамъ, куды тые осмнадцать сведковъ завели, грани зарубали и копци закопали, и вже князь Василей Ковелский и люди его Хотешовские черезъ тые грани и вровича в сторону князя Коширского не мають ни чимъ ся вступовати,—ни поль, а ни сеножателей, ни бчоль, а ни дерева бортного не мають мети, а ни рыбы ловпти, и ни которыхъ вжитковъ не мають мети. А князь Андрей Коширский и люде его Речицкие, черезъ тые грани и вровича в сторону князя Ковелского такъ же не мають ни чимъ ся вступовати,—ни поль, ни сеножателей, а дерева бортного не мають мети, а ни рыбъ ловити,—мають ихъ милость по тымъ вровичамъ и грапямъ твердо а неотменно держати на вечные часы под тыми заруками, которые въ листахъ ихъ еднанныхъ есть описаны, на штожъ они сами зволили и приняли, а потомъ есмо приехали на тые земли, межи именеи ихъ князя Ковелского—именеи Секуня, Гридковичъ, Шушковъ, Городища, Шайна, и промежку имени князя Коширского—Мѣзова, ино о тые земли въ листахъ еднанныхъ такъ есть описано, ижъ мель князь Ковелский vybrати зъ имени князя Андреева, зъ Мезова, шесть чело-вековъ, а куды тые люди дванадцать чоловековъ, згодившихся, мели за-вести, потомъ они на обее стороны мели держати на вечные часы, а если бы межи тыми людьми мела быти розница, тогды князь Ковел-ский мель vybrати зъ имени князя Федора Андреевича, маршалка во-лынское земли, староста владимирского, зъ Сереховичъ, трехъ чолови-ковъ, а князь Коширский также мель vybrати трехъ чоловековъ съ тогожъ села, зъ Сереховичъ, а тая вже шесть чоловековъ куды заве-дутъ и на томъ присягнуть, то они, яко князь Ковелский, такъ и князь Андрей Коширский, мають то они, держати на вечные часы, ино ихъ люди дванадцать чоловековъ промежку себе се згодили; а такъ мы, яко князь Ковелский, такъ и князь Коширский, водле една-ныхъ листовъ своихъ, vybrали зъ села князя, старосты его милости володимерского, зъ Сереховичъ, шесть челоуковъ, тая шесть челоуѣ-

ковъ на первой повели насъ, поченши отъ старого копца Кия черезъ болото и черезъ Хилковы нивы на Волнушковое болото, по половини того болота, мимо лесокъ Волнушкый и къ Сторожове горѣ, мимо села князя Ковелского, Гридковичи, на болото, на Оранѣ, и чрезъ Олесець, а отъ толь черезъ поле, просто до дороги, которая идетъ отъ Шайна до Городища, а тою дорогою поехавши, а отъ тое дороги до Сосны, просто до Петы, которая Сосна надъ дорогою, што отъ Шайна идетъ къ Гридковичомъ, въ которой Сосни грани, и къ которымъ гранямъ князь Василей, и князь Андрей, оба два сами сезнали, штожь еще за отца, князя Януша, тые они грани, межи Шайна и Мезова, съ княземъ Андреемъ зарубали, и повели намъ тые сведки, куды есмо вели, то есть по праву земля князя Андрея Коширского Мезовская, а по леву князя Ковелского, тыхъ именей его: Секунская и Шушковская, Городищская, Шаенская, и на томъ местцу князь Ковелскый тыхъ шести человекъ, Сереховицкихъ, которыхъ они сами обрали—князя Андреевыхъ третъ сведковъ: старца Вантюха, а брата его Федора и Степана, а своихъ трехъ сведковъ тежъ: Сенка Дешковича, а Сидора, а Юска ку присяже ихъ повель, якожь тые шесть светковъ на томъ присягнули куды есмо вели, то есть по праву земля князя Коширского, Мезовская, а по леву князя Ковелского, тыхъ именей его вышепоимененныхъ. А такъ мы, ведлугъ заведени и присяги ихъ, по тымъ вышепоимененнымъ врочищамъ грани зарубали и копцы закопали,—то они мають держати и по тымъ гранямъ на вечные часы, и вже князь Василей Ковелскый и люде его не мають черезъ тые грани, межи всихъ тыхъ именей, которые суть выше описаны, въ землю князя Коширского ни чимъ ся вступовати, ни полъ тамъ пахати, ни сеножателей, ни дерева бортного и жадныхъ вжитковъ не мають мети, а князь Коширскый и люде его также въ сторону князя Ковелского, черезъ тые грани, ни чимъ ся вступовати не мають, ни полъ, ни сеножателей, а дерева бортного, и жадныхъ вжитковъ не мають мети, то они мають по тымъ гранямъ твердо а не отменно держати на вечные часы; а еслибы хто зъ нихъ мель чимъ съ того выступиты, або хотель знадене наше и тые границы по тымъ врочищамъ зрушати, тотъ маеть заплатити господару королю его милости тысячу копъ грошей, а стороне другую сто копъ, а заплативши тые заруки предся мають то они по тымъ гранямъ, водле листовъ своихъ еднанныхъ, Краковскихъ, и водле знайдени нашего, держати на вечные часы. А што ся доты-

четь земли, межи именей ихъ и князя Ковельского, именей Ковля и Клевцека, а князя Коширского—именя Городелца, ино князь Ковельский, еще будучи въ Кракове, тую землю князю Коширскому поступилъ, и в листе своемъ едналномъ описалъ по тымъ гранямъ, куды князь Петръ Головня и панъ Олехно Козинскій князю Андрею отъехали; ино и теперъ князь Ковельскій тую землю князю Коширскому переднами поступилъ по тымъ границамъ, куды тые вышемененные суды грани зарубали и копци закопали,—а такъ мы суди зъ стороны князя Коширского посылали тамъ пана Гаврила Зброховича Воютинского, а вижовъ Луцкихъ, з уряду даныхъ, земянъ господарскихъ Гуляницкихъ Ивана и Сенка Гармошевича, а мы суди князя Ковельского посылали на свое местце Федора, дворенина господарьского, который былъ писаремъ у князя Костентина, небожчика, а боярина его милости, пана Ивана Горностаева, подскарбего земского, пана Савицкого, и казали есмо имъ тыхъ граней и копцовъ поправить,—они тамъ ездили и по тымъ гранямъ, першимъ, грани зарубали и копци закопали и намъ то отказали, и вже они, яко князь Ковельскій, такъ и князь Коширскій, и люди ихъ, черезъ тии грани не мають ни чимъ ся вступовати, ни поль, ни сеножатей, а ни дерева бортного, и жадныхъ вжитковъ не мають мети, того ихъ милости мають по тымъ границамъ, водле листовъ своихъ еднанныхъ, и водле знайдения нашего, твердо а не отменно держати на вечные часы под тыми заруками, которые суть въ листехъ ихъ, еднанныхъ, описаны, якожъ они сами на все на то и заруки призволили и приняли, ижъ мають по тымъ вровичамъ и гранямъ твердо а неотменно держати на вечные часы. И на то дали есмо князю Андрею Михайловичу Коширскому, маршалку господаря короля его милости, сей нашъ листъ судовый з нашими печатми. Писанъ у Городелци, подъ леты Божего нароженя тисеча пятсотъ тридцать девятого року, месяца декабря двадцать девятого дня, индикта второнадцать. Прото, кгда жъ оные комисары на роєъ зложонный выездили и на оныхъ земляхъ, ведле змовы и листовъ ихъ записанныхъ, в томъ ся справовали, и конецъ тому вчинили, мы огледавши того листа короля его милости, главное памети пана отца нашего, которымъ его королевская милость рачилъ тотъ судъ умоцнити, и бачити в томъ речъ слушную, на чоломъбите князя Андрея Коширского то вчинили. И на то дали ему сей нашъ листъ, нехай онъ тотъ весь кгрунъ ему отъеханный и присужонный спокойне на себе держитъ, и того вживаетъ по тымъ

границамъ, которые в листе комисарскомъ меновите суть описаны, веде первого листу короля его милости; на штожь дали есмо князю Андрею сей нанъ листь з нашею печатю. Писанъ у Кнышине, подъ лето Божого нарожения тисеча пятсотъ петдесать третій, месеца октебра двадцать шестого дня. Иванъ Горностай, воевода Новгородский, маршалюкъ дворный, подскарбий земский.

Книга Владимирская городская, записовая и поточная 1569 года, № 919, стр. 25 на об.

33.

Грамота Сигизмунда I бурмистру и мѣщанамъ Черкасскимъ о томъ, чтобы они не беспокоили боярина Ивана Жубрика и принадлежащихъ ему имѣній, такъ какъ онъ владѣетъ ими законно, въ чемъ удостоверилъ короля разсматривавшій права Жубрика Киевскій воевода Немировичъ. 1541, юня 28.

Zygmunt etc. woytowi, mieszczanom i wszystkiemu pospólstwu miasta, naszego Czerkaskiego. Żałował nam boiaryn Czerkasky, Iwan Żubryk, o tem, iż wojewoda Kijowski, Hetman nasz dworny, dzierżawca Swisłocki i Ow-rucki Niemierowicz patrzył te ziemie, sieliszcza i uchodów pasieki, które on, według przodków swych, a insze zakupnem swoim trzyma; o czem wytoczyła się na niego żałoba, gdzież pan wojewoda Kijowski, tego między wami dopatrzysz, znalazł jego być w tem prawego, i te sieliszcza, uchody i pasieki jemu przysądził i list swój sądowy na to jemu dał, który że on przed nami pokładał, a wy przedsię w to się wstępujecie, s tego jego wyciskacie, i krzywdy wielkie tam jemu działacie, i wszelakie pożytki stąd na siebie macie, a jemu w tem szkoda nie mała od was dzieje się; przeto, gdyż przed takowym wojewodą Kijowskim było temu prawo i sprawa ta jemu jest przysądzona, przykazujemy wam, pod zaręką naszą sterna kopami groszy, iżebyscie w te sieliszcza, i uchody, i pasieki, i wszelakie pożytki jego, wedle sądu i listu sądowego pana wojewody Kijowskiego, ni w co się nie wstępowali, i s tego jego nie wyciskali, i żadnych krzywd tak jemu nie czynili, i daliście mu w tem pokój koniecznie; aby to inaczej nie było, żeby on nam o to więcej nie skarżył. Pisan w Wilnie, pod lato Bożego narodzenia 1541, m-ca junii 28, indykta 14.

Сообщено В. Антоновичемъ.

Грамота Сигизмунда I, оворуцкому державиць Криштофу Кмитичу, предписывающая ему возвратить поле, отнятое имъ у оворуцкаго землянина Андрея Котяка. 1544, апрѣля 8.

Roku tysiąc siedmset dwudziestego czwartego, miesiąca decembra dwudziestego dnia.

Na urządzie grodzkim, w mieście jego krolewskiej mości Owruclu, przedemną, Ianem Walewskim-Lewkowskim, namiesnikiem na ten czas podwoiewodztwa grodzkim generału wojewodztwa Kijowskiego, y xiegami ninieyszemi, grodzkiemi, Kijowskiemi, comparens personaliter urodzony jego mosć pan Bazyli Rapsztyński, Skarbnik Derbski, — praevia manifestatione ten list o-l najasnieyszego krola, Zygmunta trzeciego, sztylem ruskim pisany, do niegdy zeszlęgo Krzysztofa Kmicica, protunc starosty Owruckiego, zbutwiały et vetustate temporis przy końcach poszarpany y podklejony, quam primum zginiony ad manus devenit offerentis, ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg ninieyszich per oblatam podał y temi iest, z ruskiego na polski wyłożony, inserowany słowy: »Zygmont, Bożą miłością krol polski, wielki xiąże Litewski, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Żmudzki y innych; dzierzawcy Owruckiemu, panu Krzysztofowi Kmityczu. Temi czasy żałował nam ziemianin Owrucki, Andrzej Kotiak, z synem swoim Iwanem, o tym, szto dei ktore dworzyszczę Kolesnikowskie tam, w Owruclym, jemu dali, na což on y list, danine nasze, y też list uwiązszczy u siebie ma, iedno ty de tego dworzyszczę, niwy, ku swojemu gumnu własnemu w niego poodymowałeś mocno, gwałtem, y teraz ich ustąpić nie chcesz, a w tym dei im od ciebie krzywda y szkoda wielka dzieje się; przeto, ieśli będzie im tak, iako oni nam żalowali, będą te niwy y dworzyszczę ich y teraz przy nich, przykazuiem tobie, ażebyś tych niw za siebe iemu postąpił, y przeto w one się nie wtrącał; koniecznie aby to inaczey nie było, aby nam on w tym więcey nie żalił. Pisan w Warszawie, lata Bożęgo narodzenia tysiąc pięćset czterdziestego czwartego, miesiąca aprila osmego dnia, indicta wtorego«. U tego listu, przy pieczęci przyciśnionej, podpis ręki w te słowa: Ławryn Naruchowski. Locus sigilli. Który że to list, per oblatam podany, za podaniem y prozbą wyszmianowanego jego mości podawającego, a za moim, urzędowym przyięciem, słowo w słowo do xiąg ninieyszich iest ingrossowany.

Книга Киевская, вродская, 1724 года, № 38, листъ 163.

Грамота Сигизмунда I, оверуцкому старостѣ Криштофу Кмитичу, предписывающая ему не отнимать земель у землянъ Гриневичей-Яцковскихъ, выслуженныхъ предками ихъ у князя Александра (Олеѣка) Владимировича. 1544, юня 10.

Roku tysiąc siedmset trzydziestego trzeciego, miesiąca aprilis osimnastego dnia.

Na urządzie grodzkim, w mieście jego królewskiej mości Żytomirzu, przedemną, Janem Walewskim—Lewkowskim, namiesnikiem podwojewództwa grodzkiego generału województwa Kijowskiego, y xiegami ninieyszemi grodzkimi, Kijowskiemi comparens personaliter urodzony jego mość pan Heronim Hryniewicz-Jackowski, kopią listu upominalnego od nayiaśnieyszego króla jego mości, Zygmunta, w sprawie antecessorom offerentis do wielmożnego niegdy Krzysztofa Niemirycza, starosty Owruckiego, z podpisem ręki jego królewskiej mości pisanego, ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg ninieyszych per oblatam podał, de tenore tali: »Zygmunt pierwszy, Bożą miłością król Polski et cetera. Oznaymuujemy tym naszym listem wszystkim w obec y każdemu z osobna, komu o tym wiedzieć będzie należało: Lili nam czołom ziemianie ziemie Kijowskiej: Paweł, Jozyf, Ihnat Wasilewiczowie, Prokop, Ławryn Haponowiczowie, Anton, Illa, Miszko Trochimowiczowie, Hryniewiczowie-Jackowscy, sami od siebie y inieniem braci swoich Hryniewiczow-Jackowskich, zanosząc żałobę swoją na jego mości pana Krzysztofa Niemirycza, sprawcę naszego Owruckiego, co dey krzywdy wielkie czyni, pola, sianożęci, lasy y młyny własne, dziedziczne, ich mościom panom Hryniewiczom-Jackowskim należące, od xiążąt ich mościow nadane, odbiera, y do miasta naszego Owrucza przywłaszcza, ktorzy, wiernie, a prawie krwawie rzeczypopolitey usługując, to sobie u antecessorów naszych wysłużyli; bijąc nam czołom, pokładali przed nami list, na pargaminie złotemi literami pisany, od xiążęcia Alexandra Włodymirowicza Jacku Hryniewiczzu, na ziemie Piętkowskie y bartną, dany, tudzież drugi list xiążęcia Jerzego Alexandrowicza, wojewody Litewskiego, temuż Jacku Hryniewiczzu y Semenu Jackiewiczzu na też ziemie Piętkowską y bartną, na wieczne czasy onym samym y potomkom ich potwierdzony, y prosili nas, abyśmy pisali list upominalny do jego mości pana Krzysztofa Niemirycza, żeby krzywdy nie czynił, na ktore ich czołembicie, napisawszy list,

przykazuie-ny, żeby dęy wasza mość, panie Krzystofe Niemiryczu, żadney a żadney przeszkody ich mościom panom Pryniewiczom-Jackowskiom, iako w ich własnym dziedzietwie, nie czynił; y na to daliśmy ten nasz list ich mościom panom Pryniewiczom, pod pieczęcią naszą y podpisem ręki króla jego mości. Datum w Krakowie, roku tysiąc pięćset czterdziestego czwartego, miesiąca juni dnia dziesiątego, indykta siedmdziesiątego piątego. U tego listu podpis ręki jego królewskiey mości w te słowa: Sigismundus Rex. Który że to list, za podaniem y prozbą wyżmianowaney osoby podawałacey, a za moim urzędowym przyęciem, wszystek, z początku aż do końca; słowo w słowo, jak się w sobie ma, do xiąg niniejszych jest wpisany.

Книга Киевская вродская 1733 года, № 45; листъ 850.

Примѣчаніе.—Какъ изъ предъидущаго акта, такъ и изъ другихъ актовъ, относящихся къ тому времени (см. Арх. Ю. В. Россіи, часть IV, т. I, № VIII и IX), явствуетъ, что въ актѣ этомъ, вслѣдствіе позднѣйшей описки, старостою Овруцкимъ наименованъ Крыштофъ Немиричъ, вмѣсто Криштофа Кмитича, дѣйствительно занимавшаго этотъ постъ въ 1544 году.

Упоминаемый въ текстѣ Юрій Александровичъ названъ также по ошибкѣ воеводою Литовскимъ, вмѣсто «воевода *Кіевскій*». Литовскаго воеводства не существовало, да и выдавать подтверждательныя грамоты на право землевладѣнія въ Овруцкомъ повѣтѣ могъ только Кіевскій воевода, такъ какъ къ его воеводству принадлежалъ этотъ повѣтъ. Дѣло идетъ вѣроятно о князѣ Юрѣ Александровичѣ Гольшанскомъ, занимавшемъ Кіевское воеводство съ 1508 по 1511.

36.

Грамота Сигизмунда Августа, приказывающая дворянамъ: князю Матвею Четвертинскому, Василию Янковичу, Федору и Гаврилу Бокевичамъ и Ивану Гутору, явиться въ качествѣ третейскихъ судей въ означенный судебный срокъ для разбирательства тяжбы между Ковельскимъ старостою Богданомъ Семашкомъ и княземъ Федоромъ Острожецкимъ, о правѣ владѣнія урочищемъ Прогорьлицею. 1548 года, апрѣля 27.

Жигемонтъ Августъ, Божою милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій и иныхъ.

Дворанину пашому, князю Матвею Василевичу Четвертенскому, а державце Красносельскому и Галичанскому, Василю Енговичу, а дворанамъ нашимъ: Федору а Гаврилу Бокевичомъ, а Ивану Гутору Рогачовскому. Присылає до насъ староста Ковельскій, королевое еє милости, и наивышное великое княгини Бонь, пани матки нашеє, панъ Богдась Михайловичъ Семашко, жалючи на князя Федора Петровича Острожецкаго о томъ, пжъ которое имєньє, на имя Быстриці, онъ купилъ у боярь: кнегини Илиной, у Ждана Промченковича, а Остафія Янича, пжъ онъ тому имену єго, зъ имениа своего Березное, еривды и шкоды великое почипилъ и островъ єго власный, Быстрыцкій, которого зовуть Прогорѣлицю, устуєуетъ, и по колко разъ людей своєхъ мощно и квалтомъ усылаєтъ, и бчолы дерєтъ, и деревья бортного о колко сотъ порубати и попалити казати, и еще самъ, зъ канцлеромъ нашеє комисеи, взялъ, за которую єму рокъ положили отъ середы, уступивши въ постъ третей недели, за дваццать пєдѣль, который рокъ припаднєтъ по сємой суботе въ середу, хотячи зъ нимъ о тотъ островъ Прогорѣлицу право мѣти, и мѣпуючи быти єго своимъ, и онъ, хотячи зъ нимъ того року вживати и право мѣти, взялъ в насъ зъ руки своєи судами васъ; прото приказуємъ вамъ, абистє на тотъ рокъ зъ руки єго судами были, и восполокъ и зъ судами єго згодивши, тамъ выехали и о томъ островъ и о шкоды, въ немъ поделаныє, межи ними досмотрѣли, и справедловость на конецъ вчинили, подле обычая, права и статуту земского. И мы до князя Федора листъ нашъ писаты казали, абы онъ самъ и зъ судами своимъ на тотъ рокъ, который самъ зложилъ, тамъ виѣхалъ, и втомъ ся зъ нимъ разправилъ и у права былъ послушонъ во всѣмъ. Еєсли жъ бы вы, судьи, который зъ васъ, за некоторыми справами своимъ, на тотъ рокъ тамъ быти не могли, тогда онъ можєтъ на ваше мєстцє кого вишихъ судєй взяти, которые будутъ мѣти моцъ тые речи межи нихъ за тою комисеєю пашою справовати и кончити подле обычая, права и статуту земского, такъ яко и вы сами, отъ насъ взятые. Писанъ у Вилии, подъ лѣто Божєго нароженія 1548 г., мєсяца Априла 27 день, индикта 6. (М. П.) Валєріалъ.

Сообщено В. Антоновичемъ.

Приказъ Киевскаго воеводы, князя Фридриха Глебовича Пронскаго, землянамъ Служкѣ и Стужынкѣ о томъ, чтобы они не удерживали слѣдуемой съ ихъ земель медовой дани въ пользу Овручской церкви Св. Василя Великаго, такъ какъ воевода убѣдился изъ надписи на древнемъ сванглѣи, что право на эту дань дѣйствительно пожаловано церкви Св. Василя княземъ Василюмъ Владиміровичемъ. 1551 года, декабря 3 д.

Относительно медовой дани см. слѣдующіе акты, значащіеся подъ литерами b и c.

а) Року тисеча шестьсотъ деветдесять сегомо, месеца октябрьа двадцать второго дня.

На уряде кгородскомъ, въ замку его королевское милости Овручкомъ, передо мною, Данцилемъ Левѣковскимъ, наместникомъ, на тотъ часъ подстароства и реентомъ кгородскимъ Овруцкимъ п книгами нинешними кгородскими Овруцкими, *comparans personaliter przerwielebny w Bogu jego mość ociec Semion Komar, protopopa Owrucki, ten ekstrakt autentyczny z x'ąg jasnie wielmożnego jego mości pana Frydrycha Hlebowicza Pronskiego, wojewody Kijowskiego, dzierzawcy Czarnobylskiego, z wpisaniem w niem daniny, alias funduszu, od kniazia jego mości Wasila Włodymierowicza na cerkiew świętego Bazylego Wielkiego murowaną Owrucką wydany, dla zapisania do x'ąg niniejszych, grodzkich, Owruckich, ratione introcontentorum per oblatam* подаѣ, просяще mnie, *urzędu, aby ten ekstrakt do x'ąg niniejszych wpisany był, a tak ja, urząd, pomieniony ekstrakt ad acticandum przyniósł, czytałem y tak się w sobie, ruskim pismem zapisany, mō: Выписъ съ книгъ Фридриха Глебовича Пронскаго, воеводы Киевскаго, державцы Чорнобыльскаго. Лѣта Божяго Нарожения тисеча, петсоть петдесять первого, месеца декабря третего дня, индикта десятого а при томъ и на томъ праве былъ его милость папъ Богъданъ Семашко, маршалоу господарский. Жаловалъ мнѣ богомолецъ господарский Григорей, священникъ Светого Великаго Василя, муrowаного, протопопа въ Овручю, на земляпъ господарскихъ: папа Ждана Служку и Стужынкѣ и иншихъ, пѣтъ дей мнѣ и на церковь Божию Светого Василя, муrowаного, дани повинное не дають и да-*

вать не хочуть не ведати для чого зъ селъ и зъ острововъ наданныхъ приходячого меду пресного, и доводилъ того вписомъ евангелиемъ святымъ отъ славное памяти небожъчика Володимера наданное и одъ иншихъ также вписане на тую церковь; я видечи въ томъ евангелии уписы розные, на разныхъ мѣсахъ наданые и написаные, казалемъ слово одъ слова съ того евангелия выписать для меньшого вѣры, которое тими словы есть написано: «мы Василей Володымеровичъ, князь, придали есмо на церковь Светого Великого Василѣя мурованого, въ мѣсте Овручу, подъ селомъ Имухоедовскимъ, островъ Тростеницу, обрубный, и зъ оного идеть десять ведеръ меду, и давать мають у Полохачове зъ земли Петвиское чотыри ведеръ меду, а у Вербковичахъ—ведро меду, у Гажины—ведро меду, у Навьловичахъ—польведра меду, у Вуглохъ—ведеро меду, съ тыхъ селъ уси мають давати не задерживаючи настоятелемъ тое церкви на Покърову Святую въ осень не задерживаючи отдавать ему мають и иншимъ настоятелемъ, и заграблявать за тую дань волно а конечно отдавать мають, и иншихъ доводовъ есть не мало тамъ написано; я теды, выслухавши и видечи доводы слышные, старые, изъ тыхъ селъ дань повинна есть отдавать и я теды симъ моимъ листомъ напоминаю и росказую вамъ всѣмъ, написаннымъ въ томъ евангелию, абы тому богомолцу, на тую церковь, тые дани сполняли и отдавали, ижъ есть речъ повинная, абы мне о то на васъ болше не докучалъ, а где бы давать не хотѣли—грабить васъ кажемо конечно». Писанъ у Вилни; у того екстракту, при печати притисненой, подпись руки его милости, пана писара, тими словы: Янъ Дрочевъскый писарь. А такъ тотъ екстрактъ на поданемъ и прозбою выштыянованое особы подавающее, а за моимъ урядовымъ принятемъ, до книгъ нинешнихъ есть увесь уписанный.

*Книга городская Овручкая, записовая и поточная, 1697—1699 года,
№ 3219; листъ 60 на оборотъ.*

Примѣчаніе.—Изъ этого акта узнаемъ о существованіи у князя Владимира Ольгердовича еще одного сына Василя Владимірова (см. примѣчаніе къ акту № 6). Къ удѣлу Василя принадлежалъ г. Овручъ, что даетъ основаніе думать, что удѣлъ Василя былъ въ Полѣсьи.

b). Року тисеча шестьсотъ деветдесять сегого, мисяца октябрьа двадцат второго дня.

На уряде кгородском, в замку его королевское милости Овѣруцкомъ, передомною Даниелемъ Левѣковскимъ, наместником на тот часъ подстароства и ресентомъ кгородским, Овѣруцкимъ, и книгами пынешними кгородскими, Овѣруцкими, comparens personaliter, przewielebny w Bogu jegomość ociec Semion Komar protopopa Owrucki, ten zapis assecurationis, od urodzonego jego mości pana Michała Jelca, chorążycza Kijowskiego z podpisem ręki tegoż jego mości, także z podpisami rąk ich mościów panów przyaciół in rem et personam przewielebnego w Bogu jego mości ojca Semiona Komara, protopopy Owruckiego, ratione introcontentorum dany y służący, dla zapisania do xiąg ninieyszych, grodzkich, Owruckich per oblatam podał, prosząc maie, urzędu, aby do xiąg ninieyszych przyięty y wpisany był, a tak ja, urząd, ex munere officii mei, pomieniony zapis assecurationis ad acticandum przymuiąc, czytałem y temi jest ingrosowany słowy: „Ja, niżej podpisany, znam tym moim scriptem assecurationis wszem wobec y każdemu z osobna, komu o tym wiedzieć należy, teraz y na potym, zawždy, iż, mając akcją ze mną wielebny ociec Semion Komar, praesbiter cerkwi muirowaney świętego Bazylego, institutowaną o niezapłacenie dotąd bez lat cztery z dobr moich Pawłowicz po dwa belcy miodu bez lat cztery y terazniejszy rok, dawnemi prawami antecessorów moich dowiedzionych, które prawo approbando, do rozsądzienia nie przypuszczając prawem pospolitem, temuż jego mości y następcom teyże Bożej cerkwi nie, tylko te ośm belcy miodu za lat cztery, ale y co rok napotym idących po sobie, oddawać z successorami memi po dwa belcy miodu, na terminie poświętszey panny Pokrowy święta ruskiego, za nayıperszą rekwisitą tegoż hospodyna mianowaney cerkwie Bożej; oraz hospodyn mianowany, przy odebraniu, tych, belcy ośmiu nie, tylko od daty tey karty, (że wyraźnie sprzeciwiać się nie mam y, moie successorowie nie będą mieli onych, oddaniu), ale y z wszelkiego zaszłego processu kwitować ma, na co, dla tym lepszey wagi y pewności z uproszonymi przyaciół podpisuje; działo się w Owruczym, sub securitate iudiciorum castrensiurn Kijowiensium millesimo sexcentesimo octuagesimo octavo anno, miesiaca augusta dwudziestego piątego, dnia. A in casu contraventionis forum we wszelakim sądzie pазnaczam. У того запису ассекураціонисъ подписи рукъ тими словы: Michał Jelce; Chorażyc Kijowski; † przy krzyżyku własną, ręką, urodzonego jego mości pana Macieja Ciechanowskiego, użytego w tey sprawie.

przynciela, iako pisać nie umiającego, swym y jego mości mianowanego własną ręką moją podpisać: Stanisław Michał Żurakowski manu propria. А такъ тотъ записъ ассекураціонисъ, за подапомъ и прозбою вышнѣмъ янованое особы подаваючое, а за мопмъ урядовымъ прѣнятемъ, до книгъ нынѣшнихъ естъ увесъ уписанный.

Книга Овруцкая 1551 года, № 3219; листъ 63 на оборотъ.

с) Року тисеча шестьсотъ деведесать сегого, месяца октябрья двадцать второго дня.

На уряде кгородскомъ, в замку его королевское милости Овруцкомъ, передо мною Даниелемъ Левьковскимъ, наместником на тотъ часъ подстароства и реентом кгородскимъ, Овруцкимъ и книгами пынешними, кгородскими, Овруцкимъ, comparans personaliter przewilebny w Bogu jego mości ocieg Semien Komar, protopopa Owrucki, ten ekstrakt z xiąg grodzkich Owruckich autentycznie wydany, z opisaniem w niem posesiecy w ostrow, nazwany Trostianiec, cerkwi świętego Bazylego wielkiego mrowanęy, dla zapisania do xiąg niniejszych, grodzkich, Owruckich per oblatam podał, którego ekstraktu ruskim piśmem text takowy jest: выписъ с книгъ кгородскихъ замку Овруцкаго. Лѣта Божого нароженя тисеча шестьсотъ двадцатъ второго, месяца феврѣля тридцатого дня. На вряде его королевское милости кгородскомъ, замку Овруцкомъ, передо мною Мартиномъ Сермескимъ, подстаростым Овруцкимъ, ставши очевисто возный енерал воеводства Киевского, шляхетный Патеѣ Лоспнскій, ку записаню до книгъ нынѣшнихъ созналъ реляцію свою тымъ словы: »Я Патеѣ Лосняскій, возный енерал воеводства Киевского, Волинского и Браславьского, чиню явню и признаю на той моей реляціей посесый ку записаню до книгъ пынешнихъ замку Овруцкаго, иж року теперешнего, тисеча шестсотъ двадцатъ второго, месяца феврѣля двадцатъ осмого дня, маючы я, возный, при собе сторону людей добрыхъ, двоухъ шляхтычовъ, пана Семена Кринского а пана Федора Мошенского, з которою стороною шляхтою, при мне будучою, ездилем за декретем суду земского, Киевского, з роковъ земскихъ, Киевскихъ, светотресколскихъ, въ року пынешнимъ, тисеча шестьсотъ двадцатъ втором, месяца генваря пятнадцатого дня в Києве отправо-

ванных, межи отцем Никифоромъ Лавровичемъ, священникомъ Василев-
 скамъ церкви Оврудкое, а вельможнымъ его милостю, паномъ Але-
 ксандромъ Служкою, старостою Речицкимъ, выданнымъ, съ присужденемъ
 острова церковного, названого Тростеницы, черезъ трикратное
 вздане позваного, пана Служку, о забране дани з менованого острова
 Тростеницы меду в декрети положоного, а черезъ подданные Мухо-
 едовские триманого, з наказанемъ таксы за неодданемъ меду дани слышные
 палежачое, копъ двесте грошей литовскихъ, а за вины першого и вто-
 рого нестаного—шестъ копъ грошей литовскихъ, яко о томъ тотъ декретъ
 шыре в собе описуе, подлугъ которого декрету земского, Киевського,
 до села Мухоедова приехали, тамъ же заставыши урядника его милости
 пана Служычиного, Мухоедовського, пана Андрея Пахоту, и мужей
 пры немъ Мухоедовскихъ, отдавши ему тотъ декретъ суду земского,
 Киевського в руки дия прочитати и выразумени, реквизиравъ, если
 вы таксу, в декрете положоную, за неоданемъ дани медовое, такъже
 и за вины першого и второго нестаного, копъ шести грошей литов-
 скихъ платите, а за тимъ островъ церковный, менованный Тростеницу,
 в Обрубе будучий, декретомъ суду земского, Киевського присужонный,
 церкви Божой светому Василю мурованому уступуете; такъже его
 нагосагатеви теперешнему, вышей писаному, до посессией вечыстого
 ужываня, ведле правъ перныхъ, подаете? Который то панъ Андрей Пахота,
 урядникъ тамошный, з мужами и подданными Мухоедовскими, таксы
 наказанное и винъ правныхъ платитъ не хотелъ, толко мне возному и
 стороне шлахте, при мне на тотъ часъ будучой, повелили: же мы
 острова Тростеницы не боронимъ, и маемъ расказане одъ самого его
 милости, пана Александра Службы, старосты Речицкого, абысмо тому
 священнику не боронили и овъшемъ до посессии и держаня его усту-
 пумъ; якожъ я, возный, заховуючи ся во всемъ ведлугъ вряду своего
 возновьского, ехавъши тамъ до того острова Тростеницы, яко самъ
 в собе в положеню, в границахъ широкости уходитъ и в обрубе своемъ
 мает, моцю уряду моего тотъ островъ церкви Божое святого Василя—
 Тростеницу, зо всими на все, яко се самъ в собе маеть, такъ заходамы,
 полми оренными и не оренными, старыми и поворозробленными черте-
 жами, дубровами, зарослями, реками, болотами, потоками, з деревомъ
 бортымъ и не бортымъ, зо бчолами оселыми, в бортахъ будучими, и
 зо всими ихъ вшелякими велькими и малыми пожитками, яко тотъ
 островъ Тростенецкий з давныхъ часовъ в собе ся мель и теперъ мает,

ин генере пожитками, вышѣ-речоному священнику, отцу Никифору Лавъровичу Васылевъскому, попу Овѣруцкому, и по тѣмъ его настоятелемъ церкви Божой светого Васыля, подаѣ, завелъ и у вечыстую посесию его вечными часы интромиссировал; якожъ заразъ тотъ островъ Тростеницу до моды, влады, держаня и спокойного вечыстого уживаня своего взявъ и онымъ дыспоноватъ почал, которое интромиссии мнѣ возному и шляхте, при мне на тотъ часъ будущой, и тому свещейнику никто не боронилъ, а на се зъ жаднымъ правомъ никто не приповедалъ, а ни при книгахъ не отъзывалъ, и на томъ далъ тую мою реляцію, с печатю и с подписомъ руки моею власною, ку записаню до книгъ вѣровыхъ. Которое очевистое сознане возного до книгъ нынешнихъ естъ принято и записано, съ которого и сей выписъ съ книгъ подъ печатю вѣровою естъ выданъ. Писанъ у в Овручомъ, корикговалъ Думицкій; у того екстракту, при печати притисненой, подлинъ руки его милости, пана писара, тѣми словы: Григорій Добошинскій, писарь. А такъ тотъ екстрактъ, за поданемъ и прозбою вышѣмянванное особы подавающее, а за моимъ урядовымъ принятѣмъ, до книгъ нынешнихъ зъ початку ажъ до конца естъ увесъ уписаный.

Книга Овруцкая 1551 года, № 3219; листъ 62.

38.

Грамота Сигизмунда-Августа, князю Кіевскому, на право исключительной торговли горячими напитками, подъ условіемъ платы въ казну ежегодной пошлины—»капцизны« по 800 копъ грошей. 1558 года, мая 5.

Подтвержденіе той же грамоты королемъ Стефаномъ 1576, ноября 22.

Стефанъ, Божюю мылостію король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Жимоискій, Киевскій, Волинскій, Подляскій, Инфляндскій, панъ и княжа Семигродское.

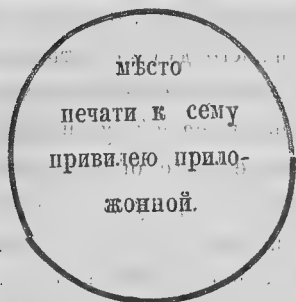
Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всеѣмъ в общецъ и каждому зособна, кому того вѣдати належитъ, ижъ оказывали передъ нами мещане места нашего, Киевского, листъ—аренду, наленѣйшого Жикги-

монта-Августа короля, продка нашего, на царгамни писанній, съ подписомъ властное руки его и печатью великого князства Литовского, которымъ листомъ своимъ все корчми места Киевского поступити, дати и арендовати имъ рачплъ, за певную суму пенязей: осмь сотъ копъ грошей Литовскихъ, которую суму пенязей в кождій годъ на две рати до скарбу королевского отдавати повинни, яко то все ширей и достаточней на томъ листе аренды продка нашего есть описано, которій слово отъ слова такъ се в себе маєтъ: »Жикмонтъ-Августъ, Божією милостію король Польскій и великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойгскій, Мазовецкій и иныхъ. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ: прпзидни тихъ часовъ до насъ, войтъ, бурмистри и радци места нашего Киевского, сами отъ себе и ото всехъ мещанъ тамошнихъ о томъ, штож надани и привилеевали имъ суть отъ предковъ нашихъ, славное памяти королей и великихъ князей ихъ милости, и отъ насъ, господара, все корчми у месте Киевскомъ ку пожитку ихъ мещкому, чого они за таковыми волностями отъ не-малого часу вживали; нижили нж мы, перво сего, тіе все корчми в месте Киевскомъ, з моци и владности ихъ випешип, дали и поступили были в справу воеводе Киевскому, подкоморому нашему, державци Кормяловскому, пану Григорію Александровичу Ходкевичу; ино до насъ, господара, утеклися и листы, привилія наши господарскіе, передъ нами оказивали, бючи намъ чоломъ, абисмо таковое шкоди и втисненя месту тамошнему и имъ, подданнымъ нашимъ, не чинили и зася то ку пожитку ихъ мещкому имъ привернули, обовязуючи се давати намъ за то до скарбу нашего суму пенязей—осмь сотъ копъ грошей каждого году, которыхъ листовъ ихъ, передъ нами черезъ нихъ на то покладанихъ, огледити велели есмо воеводе Виленскому, маршалку земскому, канцлеру великого князства Литовского, старосте Берестецкому, державци Борисовскому и Ишавленскому, пану Миколаю Радивилу; ино в томъ листе описано, що мещаномъ корчми держати, а капщизну давати на замекъ нашъ и, ачъколевекъ за тіе корчми више некоторые подданные наши большую суму пенязей намъ подвигали и дванадцать сотъ копъ грошей на годъ до скарбу нашего давати хотели, нижили ми, чинячи в томъ даску: нашу имъ, яко тодамъ украинимъ, и не хотячи наданіе листи и привилія наши господарскіе, черезъ нихъ передъ нами покладаніе, уближеня пѣкоторого в пожиткахъ ихъ мещцкихъ имъ чинити, на тоє суме пенязей, на осми сотъ ко-

пахъ грошей, всѣ корчми места Киевского имъ есмо поступили и дали; и вжо въ семъ году нынѣшномъ, пятьдесятъ осмомъ, на певній часть, тоестъ на день святого Семіона, месяца сентября первого дня, маєть панъ воевода Киевскій тіе вси корчми Киевскіе мешаномъ пустити и пхъ черезъ то к рокамъ своимъ не держати, а они, взявши тіе корчми на себе, будуть повинни одати половицу тосей суми поменепное, тоестъ чотириста копъ грошей отъ того часу и року, отъ дня святого Семеона, за полгода на громницю, то есть на Стретеніе Господне, а другую, чотириста копъ грошей, у годъ на той же день святого Семеона, который будетъ в году пришломъ, пятьдесятъ девятомъ, и также каждого году на две рати тіе пинези, осмъ сотъ копъ грошей, и на тіе роки за кщину корчмъ Киевскихъ отдавати они до скарбу нашего повинни будуть; а панъ воевода Киевскій теперешній и потомъ будущіи воеводове в тіе корчми ничимся вступовати и переказы нѣкоторое дѣлати имъ не мають; такъ тежъ панове воеводы и ротмистрове наши и тежъ десятники и товарищи ротъ ихъ и митрополія, бискупъ, архимандриты—люди сами, ани на пановъ своихъ, и всякій, перемишкывающій въ месте и монастыру Киевскомъ, корчомъ ку пожитку своему устанавляти, яко в месте за замкомъ, такъ и в замку, у кляшторе и в монастырехъ жадного шинку на продажу держати не мають кромъ ихъ, мешанъ Киевскихъ, або кому они позволяютъ; а хто бы хотелъ черезъ сей заказъ и уставу нашу корчми на себе встановляти и шинкъ ку пожитку своему мети, тогда они з дворяннимъ нашимъ который отъ насъ, господаря, будетъ на томъ приданъ, ти корчми забирати мають, в чомъ панъ воевода нынѣшній и потомъ будущіе воеводове мають помочь имъ чинити и половицу трупковъ и судовъ забраннихъ корчмныхъ мають на замокъ брати, а другую при нихъ zostавляти, а в томъ никто не маєть имъ спротивлятися под закладомъ нашимъ—стома рублями грошей на каждого такового, хто бы в томъ противность оказалъ; а если бы ротмистрове и десятники ротъ ихъ, о таковой заказъ и уставу нашу господарскую не дбаючи, хотели себе шинкъ устанавляти якимижъ колвекъ трупками, и тимъ бы в пожиткахъ нашихъ шкода намъ се дѣла, тогда то все, штобыхмо на томъ шкодовали, маєть таковому витрочено бити с пенезей, которіе бы за службу ихъ з скарбу нашего дали имъ бити мети; одножъ ротмистрамъ волю будетъ в замку дѣя себе трупковъ держати, а збудовати имъ броваръ свой подіе тогожъ местцегого бровара и яко меди

ситити, такъ и пива варити в томъ броваре и в котле своемъ, а в местцкйй броваръ, которйй мещане в мощи и владности своей держати будутъ, ничимъ не мають уступоватися, а мимо тие бровари местцкихъ и ротмистровскихъ, которіе сподле побудовани будутъ, не маєть никто иншихъ броваровъ мети и ихъ установляти, а тежъ медовъ и пивъ у нихъ варити для того, аби никоторіе шинки нигде, окромъ местнихъ корчомъ, не били установливанн за пенези; и на то дали есмо имъ сей нашъ листъ, до которого печать нашу приложити казали. Писанъ в Вилнѣ, лѣта Божого парожения тысяча пятсотъ пятьдесятъ осмого, мисця мая пятого дня Жикгмонтъ-Августъ король подписалъ. Остафей маршалокъ, писаръ». И били намъ челомъ предречоніе мещане места нашего Киевского, абихъмо тотъ листъ на аренду корчомъ Киевскихъ, имъ от продка нашего данній, подтвердили и умоцнили и на то имъ нашъ листъ дати велели; а такъ, прихилиючися подтверженю, всемъ вовець на коронаціи нашей учиненному, а прозбе ихъ ласкаве ся прихиливши, звача ели то были и сугъ в ужианю и слушше то вшло, а не естъ противно праву посюлитоу, з ласки нашей господарское, тотъ листъ, аренду, имъ отъ продка нашего на корчми Киевскіе данній, а в томъ листе нашомъ описани, и вси речи, артикули и обовязки, в немъ описанніе, подтверждами и умоцнями тимъ листомъ нашимъ, такъ, нжъ впродречоніе мещане места нашего Киевского, водіе листу аренды продка нашего, вси корчми в месте нашомъ Киевскомъ на себе держати мають, а с тихъ корчомъ, водіе тогожъ листу и аренды више описанное, за капщизну на каждій годъ по семи сотъ копъ грошей Литовскихъ на рати, в томъ листе аренды продка нашего описаніе, до скарбу нашего платити и отдавати будутъ повинни; а воевода Киевскій теперешній и на потомъ будущіе воеводове в тие корчми ничимъ ся вступовати и перекази никоторіе де ати имъ не мають, такъ тежъ воеводове, ротмистрове наши, и ихъ десятники, и товарици, и митрополи, и бискупы, и архимандричи люди, сама, ани на пановъ своихъ, кортомъ ку пожитку своему установляти и яко въ месте, такъ и въ замку, в кляшторіе и в монасырехъ жадного шинку на продажу держати не мають кромъ ихъ, мещанъ Киевскихъ, а бо кому они позволять; а хто бы хотель над тое право ихъ и постановенье продка нашего корчми на себе установляти и инкъ ку пожитку своему мети, тогди они в томъ заховатисе и поступовати мають противъ всимъ таковимъ водіе листу

продка нашего вписанного, въ чемъ воевода Киевскій теперешній и на потомъ будущіе воеводове мають имъ помочь чинити, такъ яко бы ся въ томъ шкода, скарбу, нашему деялару на сведѣцтво того всего, више писанного, тотъ листъ рукою наисю властною подписались и печать нашу коронную до него правѣсити рассказали есмо. Данъ в Торуню, на сейме ваиномъ коронномъ, днѣ двадцать второго мѣсяца ноябрю, року по нароженію Сына Божія тысяча пятьсотъ семьдесятъ шестого, а королевана нашего року перваго. У подлешного привилею подпись руки таковой: Стефанъ Король.

Іоакимъ Висецкій писарь.

Книга Киевской городской думы, № 3503, годъ 1542—1608; стр. 42.

39.

Жалованная грамота Сигизмунда Августа, Федору Каменецкому, на урочища въ Хмільникомъ повѣсть: Петровую Гору и Морозовку и на домъ въ мѣстечкѣ Хмільникѣ. Король освобождаетъ пожалованныя имѣнія отъ всякихъ податей и повинностей въ теченіи 20 лѣтъ, подъ условіемъ, чтобы новый владѣлецъ заселилъ ихъ въ продолженіи этого времени. 1558; іюль 1.

Feria sexta in crastino festi sacratissimi Corporis Christi Domin', anno millesimo septingentesimo decimo quarto

Въ пятницу послѣ праздника тѣла Христова (30 мая), 1714 года.

Ad officium et acta praesentia; castrensia, capitanealia, latyczoviensia, personaliter veniens generosus Josephus Cherszewski, obtulit officio praesenti et ad acticandum porrexit privilegium, per serenissimum Sigismundum Augustum, regem Poloniae, super bona villarum deserta: Piotrowa Łaka, Morozowka et domum Łukianowski, in oppido Chmielnicensi consistentem, in rem et personam generosi Fedoryj Kamieniecki benigniter prolatum et sigillo cancellariae regni eera rubra in appenso communipum; cujus tenor sequens continetur taliter. In nomine Domini Amen. Ad perpetuam rei memoriam, Sigismundus Augustus, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, nec non terrarum: Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Lancoviae, Cujaviae, Russiae, Prussiae, Mazoviae, Culmensis, Elbingensis, Pomeraniae, Samogithae quoque etc. dominus et haeres. Significamus tenore praesentium, quibus expedit, universis et singulis, praesentibus et futuris, harum notitiam habituris: quia cum magnificus Joannes de Mielecz, palatinus Podoliae, regni nostri marszałek, ac Grodcensis Chmielnicensisque capitaneus, sincere nobis dilectus, singularem fidem studiumque nobilis Fedoryj Kamieniecki commendasset, quod in praestandis tolerandisque castri nostri Chmielnicensis serviliis declaravit et

Явившись лично передъ урядомъ и актами нынѣшними, городскими, старостинскими, летичевскими, благородный Іосифъ Хершевскій, предъявилъ уряду и предложилъ внести въ актовныя книги грамоту, милостиво пожалованную свѣтлѣйшимъ королемъ польскимъ, Сигизмундомъ, благородному Федору Каменецкому на пустыя селница: Петровую Луку и Морозовку и на домъ, называемый Лувьяновскій, находящійся въ мѣстечкѣ Хмѣльницѣ, снабженную привѣшенною печатью королевской канцеляріи, оттиснутою на красномъ воскѣ. Содержаніе этой грамоты слѣдующее. Во имя Господа аминь. Дано для вѣчной сего дѣла памяти. Сигизмундъ Августъ, милостію Божіею король Польскій, великій князь Литовскій, а также государь и дѣдичъ земель: Краковской, Сандомирской, Сѣрадзкой, Ленчицкой (?), Куивской, Русской, Прусской, Мазовецкой, Хелминской, Эльблингской, Померанской, Жмудзкой и пр. Объявляемъ симъ всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, нынѣшнему и грядущимъ поколѣніямъ, всякому, кто о сей грамотѣ услышитъ. Такъ какъ сіятельный Іоаннъ изъ Мѣлеча, воевода подольской, маршалокъ нашего королевства, староста городецкій и хмѣльницкій, искренно на

hucusque, juxta exigentiam necessitatis, declarare non negligit, petitisque a nobis una cum certis consiliariis nostris, ut ipsius actionem habere, eundemque possessionibus alienis augere dignaremur; nos, petitionibus ejusmodi adducti, tum etiam intelligentes ex re nostra et reipublicae, regni castrique nostri Chmielnicensis futurum, ut terrae illae, depredationi hostili opportunae et in locis pluribus desolatae, atque latissime (vastatae), habitatoribus incolantur; de certa scientia et speciali gratia nostra atque assensu consiliariorum nostrorum, nobiscum hic existentium; nobili praefato et ipsius legitimis successoribus, pro tempore futuris, bona nostra, loci habitatoribus vacui, alias pustynia, Piotrowa Łąka dictam, in fluvio Snivothi, circa ostium fluvii Berezniczka, incidentis in Snivotham et duo luto, Morozowki huncupata, in districtu Chmielnicensi, preterea etiam domum Łukianowski, in oppido Chmielnicensi consistentem; cum omni jure, dominio et proprietate, fructibusque, proventus et generaliter eventionibus utilitatibusque universis, ad haec ipsa bona spectantibus, quae nunc sunt, aut in futurum humana industria quomodolibet excogetantur et specialiter, generalium in nullo derogat, damus perpetuo et irrevocabiliter donamus ea lege et conditio

ми уважаемый, одобрилъ: передъ нами примѣрную вѣрность благороднаго Федора Каменецкаго, которую онъ оказалъ въ отправленіи службы въ замкъ нашѣмъ Хмѣльницкомъ; и которую онъ безпрестанно завлекаетъ, смотря по надобности, и понинѣ; и просилъ насъ, совмѣстно съ нѣкоторыми совѣтниками нашими, чтобы мы, обративъ вниманіе на его заслуги, пожаловали ему въ ленъ (?) имѣнія; мы, внимая просьбѣ ихъ, и усматривая изъ обстоятельствъ нашихъ и речи-посполитой на сколько полезно будетъ королевству и замку нашему Хмельницкому, если тѣ области, подверженныя непріятельскимъ грабѣжамъ, въ значительной части разоренныя, и на большомъ пространствѣ опустѣвшія, будутъ заселяться; вслѣдствіе такого убѣжденія нашего и по особенной нашей милости, а также по согласію совѣтниковъ нашихъ, здѣсь при насъ находящихся, даемъ въ вѣчное и ненарушимое владѣніе, въ полное господство и собственность, вышеупомянутому Федору Каменецкому и его будущимъ законнымъ наслѣдникамъ населенныя имѣнія наши: муштырь, называемую Петрова Лука, при устьи рѣчки Березнячки въ рѣку Сниводу, и два болота, называемыя Морозовки, лежащія въ Хмельниц-

ne, ut idem nobilis Fedoryj Kamieniecki et ipsius successores in bonis praedictis, villam Petrova, Luke nuncupandam, emethonibus et aliis incolis quoad commodus poterit locare et habitabilem intra viginti annos a data praesentium computandos, efficere teneatur. Per nobilem Fedoryj praedictum et ipsius successores legitimos villam praescriptam, postquam eandem locaverint, cum domo bonisque praefatis attinentisque et pertinentiis universis, tenendam, habendam, usufruendam, pacificeque et quieto perpetuis temporibus possidendam, nec non dandam, donandam, aliena commutandam, ac in alios quosvis usus suos et suorum successorum beneplacito convertendam, citra tamen diminutionem iurium, nobis et castro nostro Chmielnicensi debitorum. Et, ut eadem villa citius locari et coalescere hominum frequentia possit, tam nobili praedicto, quam et incolis, in eisdem bonis locandis, libertatem, ad decursum viginti annorum duraturam, ab omnibus datis, contributionibus, oneribus et servitiis institutis jam et deinceps instituendis, impartimur; Na, ut ad tolerationem quorumvis onerum et dationum contributionumque, tam publice quam privatim institutarum instituendarumque, solutionem non prius sint astricti, quam viginti anni libertatis, litteris praesentibus

комъ повѣтъ, кромѣ того домъ Лукьяновскій, находящійся въ мѣстечкѣ Хмѣльницкѣ, со всѣми вообще доходами, приходами, плодами и произведеніями, какъ нынѣ получаемыми изъ этихъ имѣній, такъ и впредь могущими, получаться вслѣдствіе какого-бы то ни было человѣческаго труда или предприимчивости.... Жалуемъ-же ему эти имѣнія подъ тѣмъ условіемъ, чтобы благородный Федоръ Каменецкій и его наслѣдники обязаны были заселить въ вышеупомянутыхъ имѣніяхъ село, называемое Петрова Лука, кметями или иными жителями, смотря по возможности, въ теченіе 20-ти лѣтъ со времени выдачи настоящей грамоты. Благородный Федоръ и его законные наслѣдники, заселивши вышеупомянутое село, будутъ въ правѣ оное, равно какъ всѣ другія, вышеупомянутыя, къ нему прилежащія и принадлежащія имѣнія, держать, имѣть, оными пользоваться и владѣть покойно и невозмутимо въ вѣчныя времена, а также дать ихъ, подарить, обмѣнять или обратить въ любое другое, по своему или наслѣдниковъ своихъ усмотрѣнію, употребленіе, не сопряженное однако съ нарушеніемъ правъ нашихъ или замка нашего Хмѣльницкаго. Для того-же, чтобы это село мо-

concessae, plenarie expiraverint; quibus tandem e'apsis, ad jura, servitia, oneraque, more aliorum nobilium, in districtu Cmielnicensi bona haereditaria possidentium, toleranda, obligatos esse volumus horum testimonio litterarum, quibus sigillum nostrum est subappensum. Datum in Krasnis'aw, feria sexta in vigilia visitationis beatae virginis Mariae proxima, anno Domini millesimo quingentesimo quinquagesimo octavo, regni nostri vigesimo nono, praesentibus reverentissimis in Christo patribus, dominis: Jacobo Uchański, Wladislawigsi, Joanne Przerembski, Chelmensi, nominatis episcopis, nec non magnificis, venerabilibus et generosis: Joanne Mielecz, palatino Podoliae, regni nostri marszalco, ac Grodecensi Chmielnicensique; Stanislawo Tharnow, castellano Zawichostensi, ac Si-radiensi, Krzeczowiensi, Ostrzeszchowiensi; Joanne de Oczyschino, regni nostri cancellario, Cracoviensi generali, ac Oświeczimensi, Zatoriensi, Sandecensi—capitaneis; et succamerario Cracoviensi, Rafaele Vargawski, praeposito Philippo Pad-

гло скорѣе заселиться и усилить число своего народонаселенія, освобождаемъ на 20 лѣтъ впередъ какъ вышеупомянутаго владѣльца, такъ и жителей, которые въ ономъ селѣ водворятся, отъ всякихъ дапей, податей, повинностей и службъ, какъ существующихъ уже, такъ и отъ тѣхъ, которыя будутъ учреждены въ теченіи этого времени; такимъ образомъ они обязаны будутъ отбывать какую-либо повинность или уплачивать дань или подать, какъ установленную такъ и могущую быть установленною, какъ вообще, такъ и въ частности, не прежде какъ по совершенномъ истеченіи 20-ти лѣтъ свободы, пожалованной имъ сею грамотою; по прошествіи-же сихъ льготныхъ годовъ, мы желаемъ, чтобы они обязаны были къ несенію обязанностей, службъ и повинностей, паравнѣ съ другими дворянами, которые владѣютъ имѣніями въ Хмѣльницкомъ повѣтѣ; въ подтвержденіе чего, мы къ сей грамотѣ печатъ нашу привѣсить повелѣли. Дана въ Красноставѣ, въ пятницу, на канунѣ праздника Посѣщенія Богородицы (1 іюля), въ лѣто Господне 1558-е, царствованія-же нашего 29-е, въ присутствіи преподобныхъ отцевъ, господъ: Якова Уханскаго—Владиславскаго, Іоанна Пржерембскаго—Холмскаго, наре-

niewski, archidiacono ecclesiae cathedralis Cracoviensis; Stanisław Carnowski, gnesnensi canonico, ac curiae nostrae referendario, secretarius nostris; Nicolao Trzebuchowski, succamerario nostro, burgrabio arcis nostrae Cracoviensis, ac Brestensis, Leloviensis Rogosnensisque; Stanisław Mischowski, incisore nostro, ac Marienburgensi—capitaneis et aliis quam plurimis dignitariis, officialibus et aulicis nostris. Datum per manus praefati magnifici Joannis de Oczyeschino, regni nostri cancellarii, Cracoviensis generalis, ac Oświęcimensis, Zatoriensis, Sandecensis, Olsztynensisque capitanei, succamerarii Cracoviensis, sincere nobis dilecti. Joannes Ocieski, manu propria, cancellarius regni. Magnifici Joannis de Oczyeschino, regni Poloniae cancellarii, Cracoviensis generalis ac Oświęcimensis, Zathoriensis, Sandecensis, Olsztynensisque capitanei et succamerarii Cracoviensis locus sigilli, cera rubra in appenso insignati. Cancellariae regni. Thomas Pszonka. Post ingrossationem vero, idem gene-

ченныхъ епископовъ, а также сіятельныхъ, почитаемыхъ и благородныхъ: Іоанна изъ Мѣлча, воеводы подольскаго, маршалка нашего королевства, гродецкаго и хмѣльницкаго старосты, Станислава изъ Тарнова, кастеляна Завихостскаго, Сирадскаго, Кршешовскаго и Остшешовскаго старосты; Іоанна изъ Очишина (Оцѣскаго), канцлера королевства нашего, краковскаго городского, также освещимскаго, заторскаго и санецкаго старосты; подкоморія краковскаго, Михаила Варгавскаго; при секретаряхъ нашихъ: Филиппъ Падневскомъ, архидіаконъ Краковскаго собора, и Станиславъ Карнковскомъ, гезненскомъ каноникъ и рефендаріъ нашего двора; также въ присутствіи: Николая Тржебуховскаго, подкоморія нашего, бурграбія замка нашего Краковскаго и старосты Брестенскаго, Леловскаго и Рогозненскаго; Станислава Мышковскаго, крайчего нашего и старосты маріенбургскаго и многихъ другихъ сеновниковъ, урядниковъ и придворныхъ нашихъ. Выдана черезъ руки вышеупомянутаго сіятельнаго Іоанна изъ Оцѣшина, канцлера нашего королевства, краковскаго городского, освещимскаго, заторскаго, санецкаго и ольштинскаго старосты, подкоморія краковскаго,

rosus offerens originale ad se recepit et de recepto officium praesens quietavit. Lectum cum originali.

искренно нами уважаемого: Иоаннъ Оцѣскій, канцлеръ коронный, собственноручно. Мѣсто привѣшенпой, оттиснутой на красномъ воскѣ, печати сіятельнаго Иоанна изъ Оцѣшина, канцлера польскаго королевства, краковскаго, гродоваго, Осьвецимскаго, Заторскаго, Сандецкаго и Ольштинскаго старосты, подкоморія Краковскаго. Въ канцеляріи королевства. Тома Пшонка. Явивши въ акты сію привилегію, тотъ-же благородный предъявитель получилъ обратно подлинникъ оной, и, въ полученіи его, уряду нынѣшнему выдать квитанцію. Считано съ подлинникомъ.

Книга гродская, Летичевская, 1714-го года, № 5253; листъ 110 на оборотѣ.

40.

Грамота Сигизмунда-Августа, къ панамъ, урядникамъ, дворянамъ и магистратамъ земли Волынской, запрещающая имъ подчинять своему суду писарей, отправленныхъ для сбора королевскихъ пошлинъ мытникомъ великаго княжества литовскаго, евреемъ Менделемъ Изаковичемъ. 1560, ноября 28.

Лѣта Божіею нароженіа 1569 года, декабря 12 дня.

Пришедши на вѣдъ его королевское милости, в замокъ Луцкій, перед мене, Петра Хомяка, подстаростого Луцкого, писаря коморы Луцкое, Давыдъ Марковичъ, покладаль передомною на вѣде листъ его королевское милости, просячи, абы былъ вычитанъ и въ книги кгородские записанъ, который листъ такъ ся въ собе маеть: »Жигимонтъ

Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкый, Жомойтскый, Ифлянскый панъ и дедиць, всимъ вообщь и каждому з особна, такъ духовного, яко и светского стану и заволянъ людемъ, велможнымъ, врожоннымъ, шляхетнымъ княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, старостамъ, державцамъ, маршалкомъ, вдовамъ, вриадникамъ земскимъ и дворнымъ, землянамъ и дворянамъ нашимъ, войтамъ, бурмистрамъ, радцамъ и инымъ всимъ станомъ и вриадникомъ нашимъ господарскимъ и тежъ князьскимъ, панскимъ и шляхетскимъ, въ панствахъ нашихъ корунныхъ, въ земли Волинской, верне намъ милымъ—ласку нашу королевскую. Верные, намъ милые! Далъ намъ того справу Мендель Изаковичъ, жидъ, мытникъ нашъ великого князства Литовского, ижъ вы писаровъ и справецъ, на коморахъ и прикоморкахъ, тамъ отъ него уставленныхъ на мыте нашомъ, не ведати для которое причины, не маючи до нихъ ничего надъ постановене наше, до суду своего, которому намней ни в чомъ не подлегли, притягаєте и великие трудности имъ задаєте, а не будучи вы имъ въ речахъ мытныхъ, яко нашихъ властныхъ, водлугъ росказаня нашего помочни, еще сами о шкоды въ мыте тымъ ихъ приправуєте; а то дей (жадали) быхмо, абы вы того больше надъ ними вживати се не допустили, не мелъ бы на томъ скорбъ нашъ шкодовати мусиль, якожъ дей и теперь вжо, шкоду тую мы мети не хотячи, прибазуемъ вамъ, ажъбы есте тыхъ то справецъ и писаровъ менделевыхъ мытнинныхъ до жадного суду своего передъ себе не притягали, кгдажъ они не передъ кимъ инымъ въ каждой речи, хто бы што до нихъ мелъ, справоватися не суть повинни, тольбо передъ велможнымъ подскарбимъ нашимъ; и трудностей некоторыхъ имъ бы есте не задавали, а, заховываючи се ведле росказаня нашего, въ речахъ мытныхъ имъ помочными были и пожитковъ скорбу нашего постерегали, иначе тогъ чиниги не смеючи для ласки наше королевское конечно. Писанъ въ Книшине; дня двадцать осмого мѣсяца ноябрю, лета Божого нарожена тысяча пятьсотъ шестьдесятого, панованя нашего четьрьдесятого (sic). Подпись руки пана канцлировы на властное росказанье короля его милости». А такъ я тотъ листъ его королевское милости слово отъ слова съ початку ажъ до конца до книгъ вгородскихъ записати казаль.

Книга вродская, Луцкая, поточная, № 2043, стр. 571, на об.

Грамота Сигизмунда - Августа, подтверждающая уступку имѣній, лежащихъ въ Кіевскомъ и Звенигородскомъ повѣтахъ, Анною Гриньковою, зятю ея Ивану Жубрыку. 1562, мая 10.

Wypis z xiąg głównych trybunalskich wojewodswa Kijowskiego.

Przed nami, deputaty sądu głównego trybunału Lubelskiego, na rok terazniejszy, 1602, ze wszystkich województw Korony Polskiej obranyimi i wysadzonymi, gdy toczyła się sprawa za pozwem między urodzonym panem Fedorem Roznoszyńskim i małżonką jego jejmością panią Krystyną Żubrykówną—powodową, a wielmożnymi ich mościami: Xiążęciem Joachimem Koreckim, wojewodziei Wołyńskim a małżonką jego jejmością panią Anną Chodkiewiczówną, pozwaną stroną, a to o niewrócenie przez pozwanych powodom pewnych spraw listu i zapisu Hryńkowej Anny, Inoki (sic), na zapisanie pewnych sieliszcz panu Iwanowi Żubrykowi i żonie jego Bohdanie, drugiego listu króla jegomości Zygmunta na potwierdzenie tego zapisu danego, trzeciego listu króla jegomości Zygmunta Augusta potwierdzenia tego zapisu Hryńkowej Żubrykowi danego. I s kontrowersii obudwu w tej sprawie stron, sąd niniejszy, główny, trybunalski, gdy te prawa przywileje pozwany nakazał do aktykowania w xięgi oddać, tedy, stojący u sądu niniejszego pozwani, oddali te sprawy do ksiąg, które sąd niniejszy, główny, trybunalski, dla wpisywania do ksiąg przyjmuiący, przed sobą czytać kazał, które były czytane; list króla Zygmunta Augusta tak się w sobie ma: Zygmunt August z Bożej łaski król Polski, wielkie xiąże Litewskie, Buskie, Pruskie, Zmudzkie, Mazowieckie, Inflanskie i innych. Oznajmujem tym listem naszym niniejszym i na potem będącym, komu będzie potrzeba tego wiedzieć. Bił nam czołem ziemianin nasz Czerkaski, Wasil Iwanowicz Żubryk i pokładał przed nami list babki swojej Hryńkowej Inoki (sic) Anny, w którym stoi opisano, iż ona z dozwoleńiem wojewedy Kijowskiego, pana Andrzeja Jakubowicza Niemirowicza, zapisała na wieczność i od wszystkich blizkich swoich zięciowi swemu i ojcu jego, Iwanowi Żubrykowi, a córce swej, żonie jego Bohdanie, i matce jego i ich dzieciom, na potem będącym, i s częstką połowicą sieliszcz swych w powiecie Kijowskim: Buchławców, a Ostapkowców, a Lesunowców, a Nowostawków część swoje, która na nie od blizkich jej przyjść miała i te zapisała także wiecznie jemu i żonie jego dziewce swej, częstkę sieliszcz swego, ojezyznę w Zwinohorodczyźnie, nazwane Michlijewo, Orłowice, Ilinczyńce i błota Rdeńskie s pasiekami,

z rzekami, z rzeczkami, z lasami, z łowy zwierzynnemi i ptaszynnemi i bobrowemi gony i ze wszystkim, jako się ta część jej sieliszcz w powiecie Kijowskim i w Zwinohorodczyźnie same w sobie i w granicach swych mają, i biał nam czołem, abychmy na to jemu dali nasz list i te sieliszcza listem naszym potwierdzili jemu na wieczność, tedy my, tego zapisu babki jego oglądawszy, rozkazaliśmy słowo w słowo w ten nasz list wpisać, który się tak w sobie ma: Ja, Hryńkowa Inoka (sic) Anna, wyznawam sama na siebie tym listem moim każdemu dobremu, komu będzie potrzeba wiedzieć, albo czytający jego słysząc, iż stanowszy ja etc. etc. Z łaski naszej hospodarskiej, na czołembicie jego, tośmy uczynili; na to jemu ten nasz list dajemy i te sieliszcza potwierdzamy jemu tym naszym listem, ma on sam, i żona jego, i dzieci, i potom będących szczadki te sieliszcza pomienione w powiecie Kijowskim i Zwinohorodczyźnie, ze wszystkim, jako się w sobie mają, dzierżać i używać wiecznie, podług zapisania onej Hryńkowej listu, a na twierdzą tego ię, i pieczęć naszą przyłożyliśmy (kazali) k temu naszemu listowi. Pisan w Wilnie, lata Bożego narodzenia 1562, miesiąca maja 10 dnia. U tego listu podpis ręki własny J. K. M-ci temi słowy: Sigismundus Augustus Rex, i pieczęć zawiesista korona, tak też podpis ręki pisarskiej temi słowy: Ostapi Wołowicz, marszałek dworny, podskarbi ziemski, pisarz koronny—ten list do ksiąg głównych trybunałskich województwa Kijowskiego zapisać kazali i jest zapisano, s których i ten wypis jest wydan, Pisan w Lublinie.

Сообщено В. Антоновичем.

42.

Грамота короля Сигизмунда, предписывающая старостъ Черкасскому и Каневскому, князю Михайлу Вишневецкому, разобрать споръ, возникшій въслѣдствіе жалобы землянина Василя Ивановича Жубрика на Ждана Повитку. 1562, мая 11.

Zygmunt, Bożą miłością król Polski etc.

Staroście Czerkaskiemu i Kaniowskiemu, kniaziowi Michałowi Wiszniewickiemu. Przyjeżdżał do nas ziemianin nasz Czerkaski, Wasylj Iwanowicz Żubryk, żalujący o tem, że poddany nasz Czerkaski, Żdan Powitka, roku przeszłego, sześćdziesiąt wtórego, wstąpiwszy w post terazniejszy, przesł

pierwszej niedzeli i s pomocnikami swemi mocno gwałtem na rzece jego Rdenie gony hobrowe pogonił, ku niemałej krzywdzie i szkodzie jego i bił nam czołem, abyśmy sprawiedliwość w temu jemu z nim czynić kazali; a tak przykazujemy tobie, iżbyś, temu poddanemu naszemu, Żdanowi, przed sobą stać kazawszy, sprawiedliwość o to jemu z nim uczynił i sprawę, w czem on przeciwko jemu winien zostanie, tedy jemu płacić i za to dosyć uczynić kazał i przez to goń hobrowych gonić i w te rzeki wstępować się nie ośmielił, żeby on w tem sobie nie szkodował i nam powtórną żałobą swą nagabania o to nie czynił. Pisan w Wilnie, lato Bożego narodzenia 1562, miesiąca maja 11.

(L. S.)

Ostafey Wołowicz.

Сообщено В. Антоновичем.

43.

Грамота Сигизмунда-Августа, освобождающая мещанъ города Любеча отъ уплаты торговыхъ пошлинъ во всемъ великомъ княжестве Литовскомъ. 1562, августа 5.

Року 1670; февраля 15-го дня.

Пришедши на врядъ королевское милости, въ замокъ Луцкій, до мене, Петра Хомека, подстаростего Луцкого, мешчане господарские Любечские, найме — Гришко Грядковичъ, а Митко Мартиновичъ, покладали передомною на вряде копию зъ листу его королевское милости, подъ печатю его милости пана Павла Ивановича Сопиги, кашталяна Киевскаго, старосты Любечского, съ подписомъ властное руки господарское и тежъ съ подписомъ руки писаря его королевское милости, пана Остафья Воловича, на вольность имъ даное, и просили сами отъ себе, именемъ товаришовъ своихъ, всехъ мешчанъ Любечскихъ, абы была вычитана и въ книги вгородские вписана, которая копия такъ ся въ себе маеть: »Жигимонтъ Августъ, Божю милостю король Полский, а великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтський, Мазовецкий, Инфлянський и иныхъ, княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ, вдовамъ, бояромъ и дворяномъ нашимъ, войтомъ, бурмистромъ, радцамъ и всимъ врядникомъ и мытникомъ нашимъ господарскимъ и тежъ князьскимъ,

панскимъ и духовнымъ въ великомъ князѣствѣ Литовскомъ, а особливѣ дворяномъ нашимъ господарскимъ, на выбране поборовъ уставленнымъ: егда бояре и мещане замку нашего Любечского, съ которыми колвекъ товары, набираючи занижъ живности на потребу свою, сухимъ путемъ або воденнымъ поедутъ, приказуемъ вамъ, ижъ бы есте отъ тыхъ товаровъ ихъ и живностей, што на свою потребу до места тамошнего Любечского попровадятъ, мыта звѣлаго и побору новоустановленного на мытахъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, панскихъ и духовныхъ не брали, и везде доброволне, нигде ничимъ не гамуючи, ихъ пропускали, конечно абы то инакъ не было. Писанъ у Вилни, лета Божого нароженя тысяча пятъсотъ шестьдесятъ второго, месеца августа пятого дня. Подпись руки господарское и тежъ подпись писара его королевское милості Остаѣя Воловича». А такъ я, тую копию зъ листу господарского, слово отъ слова, с початку ажъ до конца, до книгъ вгородскихъ записати казати.

Книга Луцкая, городская, поточная, 1570 года, № 2044-й, стр. 86 на оборотъ.

44. *Судебная грамота*

Дать грамоты Сигизмунда-Августа, содержащія постановленіе о томъ, чтобы обвиненія евреевъ въ убійствъ христіанскихъ дѣтей подкуплялись непременно показаніями свидѣтелей (въ томъ числѣ 3 евреевъ) и чтобы дѣла, возникающія по поводу сихъ обвиненій, судились самимъ королемъ въ присутствіи сейма. Первая грамота издана, по поводу обвиненія въ убіеніи христіанскаго ребенка въ городѣ Нарви мытниками королевскими, евреями: Давидомъ и Ицкомъ Бородавкою, 1564 августа 9. Вторая грамота издана по поводу обвиненія въ томъ же преступленіи еврея Нахима въ городѣ Росишъ, 1566 мая 20.

Року 1567, февраля 24.

Приходилъ на врьдъ замку господарского, Володимерского, до мене, Михайла Павловича, подстаростего Володимирского, дворянина господарскій, панъ Янъ Нелскій, зъ листомъ его королевское милості господарское, съ подписью руки и печатю его королевское милості, sprawy пана Матыса Савицкого, писара и секретара его королевское

милости, до всихъ князей и пановъ, воеводъ, каптalianовъ, старость, кнегинь, паней, вдовъ, державецъ и всихъ вранниковъ земскихъ, поветовыхъ, земляновъ и дворянъ его королевское милости, войтовъ, бурмистровъ и радецъ, въ местахъ и селахъ его милости господарскихъ, князскихъ, панскихъ, духовныхъ и светскихъ по всему панству его милости господарскомъ, великомъ князстве Литовскомъ, писаннымъ листомъ его милости господарское, мнѣ оказывалъ и ку читаню давалъ; въ которомъ листе его королевская милость рачиль расказать, писать, ознаимуючи всимъ, што первой того у местехъ его милости господарскихъ: Нарви и Белску, была помова на жида, которые отъ справецъ поборовъ и мытъ его королевское милости: Давида Шеперлевича а Изака Бородавки, жидовъ Берестецкихъ, которые на прикоморкахъ коморы подляшское мытъ и поборовъ скарбу его милости господарское престоерегали, якобы мели тамъ дети хрестиянское зарезати, злосливый учинокъ надъ народомъ хрестиянскимъ пополняючи; ино, кгда ся тая речъ передъ его милость господара была приточила, тогда зъ доводовъ светого писма, же крви хрестиянское жидове николи не требуютъ, але причины звазненъ на нихъ покладаны зъ стороны нѣкоторыхъ подданныхъ его милости господарскихъ, абы могли жидовъ зъ мечь выкоренити, и зъ иныхъ нѣкоторыхъ явныхъ выводовъ жидовскихъ, передъ его милостью господаремъ на онъ часъ оказанныхъ, вчинити рачиль его королевская милость вырокомъ своимъ господарскимъ отъ того обвиненъ волными; а, обезпечаячи ихъ, абы черезъ то неслушными помовами о резане детей и о сакраментѣ не было пренагабана, дати рачиль ку мешканю ихъ свободному, водле привилей предковъ своихъ господарскихъ, королей и великихъ князей ихъ милости, знову привилей свой господарский, вызволяючи въ таковой речи о резане детей и о сакраментѣ, еслибы где въ панствахъ его милости господарскихъ мела тая помова объявитися на нихъ, отъ всякого квалту, насильства, и моци судовное, отъ всихъ воеводъ, старость и державецъ, будучи то на власный судъ свой господарский, на которомъ привили який доводъ на жида въ таковомъ обвинени маеть быты чиненъ, и иные артикулы достаточне суть описаны, который привилей мели они дати везде на врядахъ его милости господарскихъ, замковыхъ и местехъ до книгъ вписати и выволати везде по торгахъ и селахъ, абы, о томъ ведаючи, не важилси никто съ такими помовами дила втебати до его милости господара и до врядовъ его

милости господарскихъ, хибѣ ижьбы явными доводи, въ привилію его милости господарскомъ описанеми, могъ коли хто на жида довести. Алежъ, ижь себе того привилію его милости господарского нигде на врядахъ не вписали и обволати не дали, прото знову въ местечку Росонскомъ тивуна Виленского, пана Станислава Нарушевича, на слугу тогожъ Бродавки, справцы поборовъ и мытъ его милости господарскихъ, таковаяжъ помова о зарезане дитяти християнского выну-
 рилася была, которое справы з росказане его милости господарского подканцлерий великаго князства Литовского, маршалокъ дворный, староста Берестецкий и Могилевский, панъ Остафей Воловичъ, будучи въ Берести, яко тотъ, въ которого старостве тая речъ помовилася, судовне смотрелъ, где очевисто отъ Росонского врядника и мещанъ пана тивуновыхъ, жалоба на жида того учинку незбожného доходячи доводи, але голыми и отменными въ словехъ светками попирано, што все панъ подканцлерий на писме и устне его милости господару ознаймылъ, с котораго господаръ его милость достаточне выразумевши, же не мели правныхъ и слущныхъ, водле привилей жидовскихъ, до-
 водовъ Росошане, вчинити рачилъ жидовъ отъ такового обвиненія волными, на што и вырокъ его милости господарское имъ есть дать, ижь и первшого привилію его милости господарского, въ той речи имъ узыченого, нигде на врядахъ не оказали, и до книгъ не вписали и не выволано того по торгахъ, у ведомость всимъ посполите доносячи, зачимъ-бы не важился ни хто голыми повестми кидатися на жида, тогда ижь ся то въ Росошу за небалостю ихъ надъ ними показало, его королевская милость зъ ласки своей господарской, имъ, яко инымъ народомъ и иновѣрцамъ, въ панствахъ его милости господарскихъ волно перемешкивающимъ, поживення слущного вживати, также и жи-
 домъ, которые за привилеями предковъ его милости господарскихъ и самого господаря его милости, въ панствахъ его милости господарскихъ перемешкивають, ведле звывлости своей господарской, не хотечи нарушать права ихъ, яко привилей на белскую помову такъ и вырокъ на Росошанъ обвинене, которымъ его королевская милость о зарезане детей зъ неслущныхъ сведецтвъ рачилъ ихъ дозволити волными вчи-
 нити, допущаючи имъ везде до книгъ замковыхъ, и земскихъ, и мест-
 скихъ, по всему панству его милости господарскомъ великомъ княз-
 стве Литовскомъ, такъ въ местехъ и замцехъ его милости господар-
 скихъ, яко князскихъ и панскихъ, светскихъ и духовныхъ вписати и

обволати по торгамъ, всимъ у вѣдомость людемъ всякого стану до-
нести, якобы ся черезъ то позатамовали изъ такими непевными речми
до его милости господаря и до вѣровъ его милости господарскихъ
втекаты, ажъбы таковое обвинене слышне, доводы такими, яко въ
привилѣяхъ его милости господарскихъ суть описаны, передъ его ми-
лостью самымъ господаремъ, то есть: трома жиды а чотырма христинны,
людми добрыми и оселыми, досветчено и оказано и явне переведено
было; о чомъ ведаючи и ведле росказанни его милости господарского
заховываючыся, книгъ вѣровыхъ на вписане тихъ привилеевъ и ли-
стовъ его милости господарскихъ жидомъ не боропили, и обволати
веде по торгамъ допущали тотъ артикулъ зъ статуту правъ земскихъ,
абы таковы помовцы на бачности мели, ижъ хто на кого ведеть, а
не доведеть, тымъ самымъ маеть быти каранъ, а въ якихъ речахъ яко
ширей на листе его королевское милости описано есть, при которомъ
же оказываню и даваню того листу господарского мне ку читаню,
тотъ дворенинъ господарский подалъ мнѣ двѣ копѣи въ речн жидов-
ской, подъ печатью своею, до уписана до книгъ замковыхъ, поведаючи
быть, одну копѣю съ привилею его милости господарского справы
Белское, а другую копѣю зъ выроку его королевское милости на Росо-
шане, и тые копѣи на вѣре читаны были, и при вѣре зостали, ко-
торые такъ ся въ себе мають:

Жигимонтъ Августъ, Божю милостью король полскый, великий князь
Литовскый, Рускый, Прускый, Жомойтскый, Мазовецкый, Лифляндскый, и
иныхъ, ознаймуемъ всимъ симъ нашимъ листомъ нинешнимъ и на потомъ бу-
дучимъ, ижъ били намъ чоломъ подданные наши, жидове великого князства
Литовского, и жаловали передъ нами о томъ, што-жъ дей урядники наши
ихъ, неведлугъ правъ, которые мають наданные отъ предковъ нашихъ сла-
вное памяти и тежъ отъ пана отца нашего, судять и заховывають и,
званизвшись на нихъ, приправують о горла и о маестности ихъ; о чомъ
до насъ втеклися зъ великими жалобами своими, ижъ дей великие
кривды и шкоды и мордерства терпятъ противъ правамъ своимъ, ко-
торые мають наданные, и просили насъ, абыхъмо ихъ осмотрели,
абы-ся имъ такыя кривды большей надъ право не дедали, и къ тому
тежъ намъ били чоломъ, абыхъмо ихъ обваровали и взычили тогожъ
права, которого есмо взычили братіи ихъ, жидомъ корупнымъ, а
звлада о тые два артикулы, што ся тычетъ о мордоване детей
христіанскихъ и о сакраментѣ; и такъ ся намъ видели прозбы тыхъ

жидовъ великого князства Литовского быти слушныя, поневажъ и мы повинни кождога зъ подданихъ нашихъ, якогжъ колвекъ рожаю въ покою а справедливости заховати, абы ся надъ право никому не дѣяло и тожъ видели есмо права, имъ наданыя отъ предковъ нашихъ и отъ отца нашего славное памяти, и надто видели есмо панежа хрестіанскаго свидѣства, въ которомъ описуеъ, ижъ они тому невинни и того не потребують, тогда есмо призволили на то е жедане ихъ и даемъ имъ на вечныя часы то е, што ся стало теперъ въ Белску о мордоване дѣтати хрестіанскаго обвиненіе на никоторога жида; и где-бы южъ колвекъ въ князствѣ Литовскомъ который жидъ былъ обвиненъ о мордоване дѣтей хрестіанскихъ, або о сакраментѣ, тогда приказуемы своимъ врядникамъ, нашимъ княземъ, паномъ, старостомъ войтомъ, бурмистромъ и всимъ инымъ, такъ духовнымъ, яко и светскимъ, абы жаденъ такого жида въ той мери не судиль, але жебы былъ на поруку выданъ на два жида съ того-жъ места, або еслибы въ томъ месте жидовъ не было, тогда зъ другого места близкаго до рѣзсудеу нашего и то нигде инде не маемъ судити, одно на валномъ сойме, где будемъ зъ зуполною радою нашою сѣдети, а где-бы тотъ жидъ по себе такъ борзо поруки не далъ, тоды маеъ быти осажонъ до вязеня и то не до тяжкаго, але на месце почтиво е; а скоро бы по себе поруку далъ, тогда маеъ быти воденъ отъ везеня, а где бы тая речъ передъ насъ пришла, где мы будемо зуполною радою нашою на валномъ сойме сѣдѣти, тогда маемъ тымъ правомъ судити, то естъ, хто бы жида обвинилъ о замордоване дѣтей, або о сакраментѣ, тогда маеъ на него доводитьи чотырма хрестіане добре оселыми а не подозреными а трема жида, такожъ неподозреными, а где бы того не довелъ ведлугъ обвиненя таковыми светками, таковыи маеъ быти каранъ горломъ и маетностью; а если бы якие листы отъ насъ, або съ канцелярей наше вышли, тому то привилееви противны, тогда мы, господарь, симъ нашимъ листомъ тые листы касуемо, и тые привили въ целости зо всими артикулы зоставуемо, што маеъ вечно и непорушны трвати; а еслибъ который зъ врядниковъ нашихъ сему росказню нашому противитися мелъ, тогда мы приказуемо, подъ ласкою нашою и подъ зарукою десяти тысячма копами грошей, абы иначе того не чинили, а для лепшей сведомости печать нашу казали есмо завесити и руку есмо нашу подписали. Данъ у Парцеве, року Божого нароченя тысяча пятъсотъ шестдесятъ четвертого, месяца августа

девятого дня. Жигимонтъ Августъ король. Миколай Радивиѣ, воевода Виленскій.

Жигимонтъ Августъ, Божю милостю король Польскій, великий князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Лифляндскій и иныхъ, озаимуюемъ симъ листомъ нашимъ всемъ посполите, што тыхъ прошлыхъ часовъ дошла насъ жалоба отъ поданныхъ нашихъ, жидовъ Берестецкихъ, же мещане Росошские, тивуна Виленского, пана Станислава Нарушевича, звазывшиися, безвинне помовили одного жида, именемъ Нахима, служебника справцы поборовъ и мытъ нашихъ, Изаака Бродавки, который въ Росошу поборовъ и мытъ нашихъ, перестерегалъ на прикоморку Берестейскомъ, якобы дей онъ мель дитя хрестинское одное невесты, мещанки Росошское, окрутне замордовати, беручи себе Росошские мещане съ того прикладъ, што ся было передъ тымъ два годы въ месте нашомъ, Нарви, стало, и якую трудность о то, будучи обвинени также о зарезане десяти хрестинского черезъ слуги того-жъ Бродавки, вси жидови мели, где господарь, за выведенемъ слушнымъ, изъ крови детей хрестинскихъ жидове не поотребуютъ и въ законе ихъ зменки жадное о томъ нетъ, гдыжъ доводы слушными не было то на нихъ доведено съ такового обвинения и помовы, в Нарви на нихъ вчиненое, привилеемъ нашимъ господарскимъ на вечные часы есмо ихъ вызволили, хйба-бы таковой злый учинокъ слушне на жида, водле ихъ права, отъ продковъ нашихъ королей и великихъ князей ихъ милости наданого, трема жида а чотырма хрестияне, вери годными и оселыми, было переведено, тожъ злочинца жида и таковой мордере ма быти каранъ, на которомъ привилею нашомъ, жидомъ всемъ недавно даномъ, тые артикулы о резане детей и о сакраментъ суть достаточне выписаны, который передъ нами, господаремъ, покладали, где особливе на немъ и того доложено, же о таковыя-жъ завасненя помовы о дечи и о сакраментъ, где бы ся колька въ панетве нашомъ, великомъ князстве Литовскомъ, притрафило на жида, никто иный, одно ми сами, господарь, съ цаны радами нашими ихъ милостю того дела на сойме валномъ маемъ досмотревати и судити, нижи на сей часъ, не ждучи жидове въ той речи сойму пришлого ку справедливеню своему, яко на привилію нашомъ есть описано, але хотечи невинность свою сказати, добровольне вдавшися на прислухане тое справы подканцлерого нашего великого князства Литовского, маршалка дворного, старосты Берестейского,

и Могилевского, пана Остафья Воловича, яко того, въ которого старостве, въ местечку тивуна Виленского, пана Станислава Нарушевича, Росошскомъ, тая речъ теперь на нихъ о зарезане дитяти возобилася, а такъ панъ подканцлерый, будучи въ Берести, жалобы вриадника пана тивуна Виленского, Росошскаго, Онушка и мещанъ Росошскихъ, прислухавши того дела достаточне, а приехавши до насъ, господаря, на сеймъ Любельский, всю тую справу устне и на писме оказъ передъ нами вчинилъ, который весь нашъ листъ короткими словы выписаты росказалы. Найпервый оный жидъ Нахимъ, на которого помова о зарезане дитяти учинена была, выручонъ зъ везеня Росошского черезъ поручниковъ, жидовъ тамошнихъ же Росошскихъ—наймя: Ицка Крукта, Маноса Малого, Лазаря зятя Хеминова, а Песаха и Давида Хемичовъ, Мошка Зубка, Езифа Майка—Якушевичовъ, Ицка Долгошию, Майка Абрамовича, Якуша Малого и зяти его Абрама Шмаркя, а Ицка Кураковича, а потомъ, ижъ зъ боязни втектъ, про то панъ подканцлерый, за жалобю вриадника Росошского, яко въ речи кровавой, которая суду и врияду замковому належала, маючи мнимане около зарезаня того дитяти, хотечи ся цевностю справити, посылаъ до Росоша на доведане тое речи служебника своего Чернского, росказавши, доводне людей тамошнихъ опытывати и сведенства слухати, который, въ Росоше бывши, чого ся доведало и што передъ нимъ мужики и жонки светчили, яко тотъ Нахимъ, зъ Городыща едучи, дитя, которое шло за матерью въ поле, у возъ взявши, до дому своего везъ; ведже не въ одно слово и не згожалися, але розни; одны голову, другие руки дитяти видевши у возе у жида Нахима, повелили; яко то и коня жида оного следъ, коли зъ Городыща ехалъ, черезъ вриадника городышскаго. Онушка былъ вымеренъ, зналъ съ того беручи—ижъ дей трехъ подковъ у коня не было, одна четвертая зостала, для чого и конь тотъ былъ взять на вриадъ, а то болая, па чомъ всю речъ, цевности приводячи, садили, жебы светкове въ месте пана подканцлерого померенные Росошские мещане, мещанки и наймыти, для широкости оныхъ тутъ именъ не вписуючи, передъ Чернскимъ, служебникомъ и посланцомъ пана его милости, признавалъ и светчили, яко-бы тая ведомость вышла отъ девчины жидовское, дочки домашнее (sic) неякое Лиханки, которой можетъ быть семъ летъ, тая де, вышедши зъ дому своего за паймичкою до воды, хусты драга, а взявши у реки, шла сгредъ до бровару, где пиво варили, тамъ пять светковъ мужичанъ, а

две белыхъ головъ слышали отъ тоей девчины жидовское, передъ нами поведаячи, же Нахимъ жидъ, до ихъ дому дѣтя привезши, три дни въ печи светличной ховать, кормячи пирогами, торелкою и медомъ поячи, а потомъ дей тотъ Нахимъ зъ Рабеємъ, другимъ жидомъ, въ ночи тое дѣтя зарезали, а братъ ее, Ицка, за руки держаль, чого ся дей девчина злякнула, мнимаючи, жебы брата ее, Залка, режутъ, а по зарезаню лупили и, сердца выпявши, лизали, а такъ пана подканцлерого посланецъ Чернскій, досветчаючи правды, по одному тыхъ светковъ пыталъ, которые дей передъ нимъ въ одно слово не згожались: одны поведели:—слышали отъ девчины, же, сердце вынувши, спекли и зъели, а другие—только лизали, даючи того причину, же у броварѣ негораздъ дослышели у нее, што съ тымъ сердцемъ учинено, где оный Чернскій, доходячи речи пивнейное, тую девчину помененую передъ собою поставивши, яко посланца вѣровый, пыталъ, которымъ обычаемъ, — а хто тое дѣтя замордовать? она дей згола до жадное речи не зналася, же о томъ ничего не ведаеть. И то все тотъ Чернскій, чого ся выведалъ, на писме до пана своего принесъ, яко ся вышней написано, за чимъ вѣрникъ пана тивонувъ городицскій, Григорей Онушко, въ той речи кривой, которая суду замѣговому злѣща зъ слугами мытными належитъ, знову постановившись на вѣрѣ на томъ въ Берести передъ его милостю паномъ подканцлерымъ поручниковъ, которые по ономъ Нахиме ручили, подданую пана своего мещанку, матку оного замурдованого дитяти, жалобу чинилъ и выишь съ книгъ вѣровыхъ покладалъ, на которыхъ обожжено вижами того дитяти, яко есть замордовано и якие раны на немъ огледено, ино панъ подканцлерый, хотячи самъ обо всемъ взяти ведомость надъ опытыване служебника своего Чернскаго, и гды вси тые светки на вѣрѣ его милости были поставлены зъ Росоша, яко Чернскій имени на своемъ листѣ выписалъ, зываючи по одному ку собе, выведаѣе делалъ и слухалъ сведѣства ихъ, ино светки вси розно светчили передъ его милостю, придаючи и уменьшаючи словъ, и не потому, яко передъ Чернскимъ сознавали, также въ болшомъ сведѣствѣ, на чомъ речъ свою сажали Росошскій вѣрникъ съ подданными пана своего, слышавши светкове отъ девчины жидовское въ шести або въ семи лѣтахъ: одны поведали, же-бы сердце, вынувши, спекли и зъели, а другие—лизали и лупили тело, и на сведѣство, передъ Чернскимъ чиненое, дни, коли ся то стало, чого передъ нимъ не сознавали, кды-жъ на писме Чернскаго вызнание

каждого слова были описаны, передъ паномъ, подканцлерымъ, речъ свою змінили, про то жидове Берестейскіе зо всімъ зборомъ своимъ, а зважа именемъ:—Абрамъ Длугачъ, Мошея Липчинъ, Мендель Изаковичъ, Изаъ Бродавка, Рабей, Мордушъ, Лазаръ Песаховичъ, а Липманъ Шмерлевичъ оныхъ жидовъ Росонскихъ, найма: Ицка Крутка, Маноса Малого, Лазаря зятя Хеминого, а Песаха и Давида Хемичовъ Мошка Зубка, Езыфа Майка—Якушевичовъ, Ицка Долгонного, Майка Абрамовича, Якуша Малого, и зятя его Абрама Шмарка, и Ицка Кураковича, которые на свое рукоемство жида Нахима обвиненого были взяли, беручи тежъ ихъ на рукоемство свое, водле привіля нашого, имъ даного, взяли собе до насъ, господаря, то хотечи, зъ выроку нашого того умерити, што быхъ-мо розсудкомъ нашимъ господарскимъ въ той речи найти и застановити мели. Которое-жъ тоє справы пана подканцлерого на писме и устне передъ нами вчиненоє; а, памовивши ся зъ его милостю въ томъ достаточне, не могли есмо во всіхъ тыхъ свидетельствахъ обачити, чимъ-бы около того дитати замордованого мели мети зъ стороны пана тивуна Виленского подданныхъ слушний приступъ, за такими розными доводи и мененемъ речи не въ одно слово сознавающихъ, ку побонаню присягами або должимъ поступкомъ правнымъ на оныхъ жидовъ Росонскихъ, вгды-жъ еще къ тому отъ предковъ нашихъ, славное памяти королей и великихъ князей ихъ милости, а потомъ вже отъ насъ, господаря, по помове въ Нарви и въ Белску на жида о такое-жъ замордоване дитати, привіля наши суть имъ выданы, въ которыхъ меновите около того есть, написано, же ажбы чотырма хрестыянами а трема жида о такову речъ детей мордованя або о саграментъ было слушне переведено, прото, якъ суть жидове отъ всякое моцы воеводъ, старость, державецъ нашихъ и отъ суду ихъ въ таковыхъ двухъ речахъ привілями нашими вызволеные а нашому власному, господарскому, суду належать, тогды, водле оказаня явного тоє справы, которую панъ подканцлерый нашъ, въ Берестю будучи, всякую пилность вчинивши, и свидетельства, чимъ вридникъ и подданные пана тивуна Виленского, Росонские того замордованя дитати доходиш, прислухивать, доводи такіе и свидетельства голые, на сторону есмо отложивши, вырокомъ нашимъ господарскимъ оныхъ жидовъ Росонскихъ—Нахима и жидовеу Арабею и иныхъ, на которыхъ помова тая была взята и поручниковъ по нихъ, такъ жидовъ Берестейскихъ яко и Росонскихъ, которые въ листе пана подканцле-

рого имени суть описаны, волными есмо вчинили, вкладаючи еще меновите въ сей нашъ листъ такой варунокъ жидомъ панства нашего великого князства Литовского на семъ листе нашомъ водле первшого привилія нашего, перве сего имъ даного, ижъ о такую речъ и помову резаня детей и о сакраментъ никто иной, одно мы сами, господарь, съ паны радами нашими ихъ милостю, жидовъ судити маемо, где бы ся въ которыхъ поветехъ або местехъ и селехъ нашихъ господарскихъ, князскихъ, панскихъ, духовныхъ и светскихъ, въ панстве нашомъ великомъ князстве Литовскомъ помова явная и таємная зъ причинъ завасненныхъ на жида стала, а што ся тычетъ свидетельства о такую речъ, ино, ведле привилея давныхъ и нашего привилія по Белской справѣ, въ таковой же речи и отъ насъ даного, — инакъ не маеть быти на жида переведено, только трема жида а чотырма хрестыяны, людьми добрыми и оселями а неподозренными, а ижъ-бы такие помовы, непотребные въ ихъ законе, на жида уступали и гдыжъ въ панствахъ нашихъ розные народы, зъ ласки наше господарское доброволне мешкаючи, обыште свое мають, тогды и жидомъ, водле привилея родковъ нашихъ, зъ ласки господарское вшелякого обышты и того артикулу, въ статуте правъ земскихъ описаного, узычаемъ живати, ижъ, хто бы на кого у суду што вель и не довелъ, тымъ самъ маеть быти каранъ, и на то дали есмо всемъ жидомъ въ панстве нашомъ, великомъ князстве Литовскомъ, сей нашъ листъ, до которого на твердость тое речи и печать нашу притиснути есмо казали. Писанъ въ Люблине, лета Божого нароженя тысяча пять сотъ шестдесятъ шестого, месяца мая двадцатого дня. Жигимонтъ Августъ, король польский. Матысь Савицкий, писаръ и секретарь. И просили мене жидове места господарского, Володимерского, абыхъ я тые копѣи зъ привилея и выроку господарского въ книги замковые записати казаль и то на рынку у Володимери въ торгѣ обволати допустилъ; я, заховываючися въ томъ ведлугъ росказаня и листу его милости господарского, тые копѣи первопоменные съ привилея его милости господарского на Белскую помову, такъ тежъ зъ выроку на Росощанъ отъ дворянина его королевское милости, подъ печатью его мне данные, слово отъ слова въ книги замковые записати казаль и то на рынку у Володимери въ торгѣ обволати допустилъ.

Книга Владимирская городская, записовая и поточная, 1567 года, № 934, листъ 27-й.

Грамота старосты Овруцкого, князя Андрея Тимофеевича Капусты, жалующая землянину Исааку Онуфриевичу землю Ходотовищину, под условием отбывать земскую господарскую службу. 1565 г. августа 2.

Roku tysiąc siedmset dwudziestego czwartego, miesiąca decembra dwudziestego dnia.

Na urządzie grodzkim, w miescie jego królewskiej mości Owruclu, przedemną, Janem Walewskim Lewkowskim, namiesnikiem na ten czas podwoiewodztwa grodzkim generału wojewodztwa Kijowskiego y xiegami ninieyszeni, grodzkimi, Kijowskimi, comparens personaliter urodzony jego mość pan Bazyli Rapsztynski, skarbnik Derbski, oryginał listu, od niegdy wielmożnego jego mości pana Andrzeja Tymofeiowicza Kapusty, starosty Owruckiego, niegdy urodzonemu jego mości panu Onufreju Iwanowiczu, przy pieczęci przycisnionej, na ziemie Chodotowszczyzno danego y służącego, stylem ruskim pisany, zbutwiały et vertustate temporis przy końcach poszarpany, praevia manifestatione, quam primum zginiony ad manus devenit offerentis, facta, podał per oblatam y temi jest, z ruskiego na polskie wyłożony, inserowany słowy: Ja, Andrzej Tymofijewicz Kapusta, starosta Owrucki. Dali mnie sprawę poddani hospodarscy Owruccy na ziemianina hospodarskiego, Onofreja Iwanowicza, iakoby on ziemie Chodotowszczyzne, która się nazywa Kochanowszczyzną, w zastawiu bez żadney daniny trzymać miał, gdzie ja, za sprawą poddanych hospodarskich, tę ziemie wziąć chiał y ku zamku hospodarskiemu Owruckiemu przywrocić, niżeli syn Onofrijow Isak list bywszego starosty Owruckiego, pana Jesyfa Michajłowicza Chaleckiego, na te ziemie mnie pokazywał, w którym napisano jest, że oycu jego Onufreju y dzieciom tę ziemie na służbę hospodarską dał dowoli y prosił mnie Isak Onofrejewicz, abyśmy jego przy tej ziemi wyszpomienionej zachowali, a tak ia, wejrzawszy w list pana Chaleckiego y rozumiejąc to, iż jest lepsza służba hospodarskiej ziemi, aniżeli by miała pusto leżeć, a widząc to, iż on zawždy, nie omieszkiwając nigdy służby hospodarskiej, z tey ziemi tę ziemie Chodotowszczyzne, mianowano Kochanowszczyzne, w zastawiu według listu pana Chaleckiego, z siedliskiem, z niwami, y z sianożęciami, y z drzewem bartnym do rąk podającego y ze wszystkim, iako się ta ziemia z dawna w sobie ma, Isaku Onofrejewiczu na służbę hospodarską ziemską dał, do woli a łaski hospodarskiej; ma on tę ziemie na siebie trzymać y wżywać y służbę wespuł z inszemi ziemiany

Owruckiemі zawsze z niey służyć hospodarу jego miłości, a podatkow y powinności zamkowych żadnych niema z niey pełnić; y na to jemu dał ten mój list pod moją pieczęcią. Pisan w Możeykowie, roku Bożego tysiąc pięćset sześćdziesiąt piątego, miesiąca August, wtórego dnia. (Locus sigili) Który ze to list, za podaniem y prozbą wysz mianowanego jego mości podawaiącego, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo, iako się w sobie ma, do xiąg ninieyszych, grodzkich generału wojewodstwa Kijowskiego iest ingrossowanny.

Книга Киевская городская, 1724 года, листъ 163 наобор. № 38.

46.

Грамота Симзмунда-Августа, содержащая въ себѣ распоряженіе о томъ, чтобы купцы-евреи, понесшіе убытки отъ сборщиковъ королевскихъ пошлинъ, евреевъ: Исаака Вородавки и Менделя Исааковича, требовали-бы удовлетворенія немедленно, а не ожидали окончанія срока ихъ должности, такъ какъ выжиданіемъ и угрозами они приводятъ сборщиковъ въ смятеніе и причиняютъ убытки королевской казнѣ. 1567 года, мая 27.

Лѣта Божого нароженя 1567, месяца Іюля 26.

Приходили до мене, Михайла Павловича, подстаростего Володимірского, писари мытныя и поборовые коморы володимірское, жидове: Маиръ Изаляшевичъ и Майръ Докторовичъ за листомъ его королевское милости до всихъ подданныхъ его милости господарскихъ, жидов тых, которые перемешкиваютъ в замцех, дворех, местах и селех, его милости господарскихъ и тежъ князскихъ, панскихъ, духовныхъ и свецкихъ, везде по панству его милости господарскому, великому князству Литовскому, за данемъ sprawy его королевское милости отъ справецъ мытъ и поборовъ его милости господарскихъ: Изака Бродавки а Мензеля Изаковича, писаннымъ о росправу, еслибы ето до нихъ самыхъ або писаровъ ихъ въ справе мытной и поборовой мель якую кривду а, по выдержаню аренды ихъ, хотели того на нихъ поискивати, абы теперъ до выйтѣя аренды зъ ними въ той справе передъ господаремъ

его милости росправилися, для постереженія того, абы шкода въ пожиткахъ скарбу его милости господарскому не делалася, чего причина меновите на томъ листе его милости господарскомъ доложона и описана, и тотъ листъ его милости господарскій они на врьде передо мною показывали, который-же читанъ былъ увесь достаточне, почавши с початку ажъ до конца, итакъ] ся въ собе маеть: »Жигимонтъ Августъ, Божю милостью король Польскій, Белскій, князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Лифлянтскій и иныхъ, повсимъ подданнымъ нашимъ и жидамъ тымъ, которые перемешиваютъ въ замцехъ, въ дворехъ, въ местахъ и селахъ нашихъ господарскихъ и тежъ князскихъ, панскихъ, духовныхъ и свецкихъ, везде по панству нашему, великому князству Литовскому. Дали намъ того справу справды мытъ и поборовъ нашихъ: Изакъ Бродавка а Мендель Изаковичъ о томъ, ижъ дей вы слугомъ и писаромъ ихъ, на коморахъ и прикоморкахъ мытныхъ и поборовыхъ уставленнымъ, которые на васъ отъ товаровъ вашихъ, водле уфалы и постановена соймоваго, мытъ и поборъ звыкные берутъ и, за невыданемъ отъ васъ мыта и поборовъ, товары ваши въ промыте забираютъ, отповеди и пофалки чините, хотячи того на ихъ самыхъ и на тыхъ справцахъ нашихъ, по выдержаню аренды ихъ, поискивати и ото зъ ними право вести, меняче, якобы они неслушне и неведлугъ постановена соймоваго зъ вами поступовати мели, зачымъ-дей они на васъ мыта и поборовъ отъ товаровъ вашихъ и безпечне и сполне выбирати не могутъ, а затымъ ся скарбу нашему великая шкода дееть; а прото мы, господарь, постерегаючи того, якобы за тими споры и незгодами вашими, шкода въ пожиткахъ скарбу нашего не дѣялася для тогожъ, еслибы есте собе отъ нихъ въ той справе мытной кривду якую мели, а до выштя аренды ихъ откладали, тогда приказуемъ вамъ, ажбы есте теперь заразъ въ томъ зъ ними передъ нами, господаремъ, яко въ речи поборовой, расправилися, а заочне некоторыхъ пофалокъ имъ самимъ и справцамъ ихъ не чинили, а кгда вы есте, теперь зъ ними не росправившися, на иншій часъ откладали, тогда потомъ, кеды они тую справу мытную и поборовую зъ рукъ своихъ пустать, зъ нами в то некоторого права мети, ажа дныхъ презысковъ на нихъ доходити не будете мочи.—Писанъ у Петрикове, лѣта Божего нароженя тысяча пятьсотъ шесдесятъ сегомо, месяца Мая двадцать сегомо дня. Матысь Савицкій писарь«. И просили мене тые писари мытные и поборовые коморы Володимірское, первопомененные Маинове, абы я тотъ

листъ его королевское милости въ книги замковые вписати казаль, и то въ месте Володимірскомъ на рынку имъ дати обволати допустить. Я тотъ листъ его королевское милости слово отъ слова въ книги замковые казавши вписати, и на рынку въ месте Володимірскомъ имъ то дати обволать допустить.

Книга Владимирская городская, 1567 года, № 934, листъ 130.

47.

Грамота Сигизмунда-Августа къ жителямъ воеводства Волинскаго о томъ, чтобы они не препятствовали сбору пошлей съ рыбы, вывозимой за границу изъ прудовъ волинскихъ, подъ опасеніемъ конфискации рыбы въ пользу королевской казны. 1567 года, ноября 10

Лѣта Божого нароженя 1567, Месеца Декабря 9 дня.

Пришедши на врьдъ замку господарского, Володимірского, передъ мене, Михайла Привередовского, подстаростего Володимирского, справца Менделя Изаковича, поборовый, коморы Володимірское, Іюда Агроновичъ, показовалъ мне листъ его королевское милости, подъ печатью его милости господарскою а подписію руки его милости, господарское и писарское, пана Матыса Савицкого, до князей, пановъ, воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ, старостъ, державецъ, кнегинь, паней, вдовъ, наместниковъ, тивоновъ, земянновъ и дворянъ его милости господарскихъ, и всихъ тихъ, которые имена и оселости свои въ земли Волинской мають, писанный, ижъ дей, делаючи постановене и торгъ съ купцами заграничными, ставы въ именияхъ своихъ на Волюнню спускаючи и купцомъ заграничнымъ, рыбы соленые въ бочкахъ продаючи, подводами своими до Лвова, индей за границу, до коруны польское, з Волюнни не даючи и не поступаючи отъ того мыта и побору, выпроваживають, и таковыхъ купцовъ заграничныхъ, которые, мыта и побору заступуючи, и дорожше имъ рыбы продаючи, то, штобы мыта и побору отъ нихъ до скарбу его милости господарского прійти мело на себе берутъ, приказуючи, ижбы всихъ купцовъ, торговцовъ, съ которыми контракты таковые делаютъ, отъ мыта и побору не заступо-

вали, и не закрываючи ихъ, того себе не приващали, але справцамъ мытнымъ и поборовымъ отъ таковыхъ рыбъ солоныхъ, бочковыхъ, въ купцовъ заграничныхъ, и, хто-бы колвекъ зъ ставовъ ихъ за границу проводить хотель, брати не забороняли; яко ширей па томъ листе его королевское милости написано есть, и тотъ листъ его королевское милости читанъ былъ увесь достаточне, почавши съ початку ажъ до конца, который такъ ся въ себе маєтъ: »Жигимонтъ-Августъ, Божою милостю король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Лифлянский и иныхъ, княземъ, паномъ, воєводамъ, каштеляномъ, маршалкамъ, старостамъ, державцамъ, княгинямъ, паненямъ, вдовамъ, наместникомъ, тивуномъ, земяномъ и двораномъ нашимъ, и всимъ тымъ, которые имена и оселости свой въ земли Волинской мають, маемъ того ведомость, — иждей вы, делаючи постановене и торги съ купцами заграничными, ставы въ именахъ своихъ тамъ на Волюню спускаючи и купцомъ заграничнымъ рыбы солоные въ бочкахъ продаючи, подводами дей своими до Лвова и индей за границу, да коруны полское, отъ толь зъ Воляня не даючи и поступаячи и отъ того мыта и побору выпроваживаете, и таковыхъ купцовъ заграничныхъ нѣкоторые зъ васъ, отъ мыта и побору заступючи и дорожней имъ рыбы продаючи, то штобы мыта и побору отъ нихъ до скарбу нашего прийти мело, на себе берете, въ чомъ ся шкода скарбу нашему немалая отъ васъ деетъ, што намъ не-помалу отъ васъ дивно есть, и зъ ласкою нашою того отъ васъ приймовати не можемъ, ижъ вы таковыми участниками скарбу нашего за впоромъ и непослушенствомъ листовъ нашихъ господарскихъ, не поедно-кромъ о томъ до васъ писанныхъ, быти хочете; якожъ, не хотечи болшей шкоды скарбу нашего терпети, посылаемъ тамъ дворенина нашего, Мартина Кобылскаго, и приказуемъ вамъ, ажъ-бы есте всихъ купцовъ и торговцовъ, съ которыми контракты таковые делаете, отъ мыта и побору не заступовали и, не закрываючи ихъ, того себе не приващали, але справцамъ мытнымъ и поборовымъ отъ старосты Жомойтского, маршалка земского великаго князства Литовского, администратора и Гетмана въ землѣ Лифлянской, державцы Плотеского и Телшовского, пана Яна Еронимовича Ходкевича, а отъ подканцлерого великаго князства Литовского, маршалка дворного, старосты Берестейского а Кобрянского, пана Остафія Воловича, тамъ установленымъ, мыта и поборъ отъ таковыхъ рыбъ солоныхъ, бочковыхъ, въ купцовъ заграничныхъ, и хто бы колвекъ

зъ ставовъ вашихъ за границу впровадити хотеть, брати не забороняли, если-жъ-бы есте на сее расказанье наше, ничего не дбаючи, мыта и побору справцамъ поборовымъ волинскимъ, которые за границу проважаны будутъ, сами не давали и на купцовъ брати забороняли, мы рассказали тому дворенину нашему, абы онъ, посполъ зъ справцами поборовыми, волинскими, купцовъ и всѣхъ зъ таковыми рыбами, хто бы одно за границу кромъ побору и мыта провадити хотеть, у промыту на насъ, господара, забирати, вы бы о томъ ведаючи, тому дворенину нашему въ томъ противни не были и некоторое небезпечности ему учинити не смели, подъ закладомъ на насъ, господара, на каждого зъ васъ особу, петнасты копами грошей. Писанъ у Лебедеве, лѣта Божого нароженя тысяча патсоть шесдесять сегого, месеца ноября десятого дня. »Жикгмонтъ-Августъ, речъ е цетера, Матысь Савицкій, писарь«. И просилъ мене Юда Агроновичъ, абы тотъ листъ его королевское милости въ книги замковыя вписанъ былъ, я за прозбою его тотъ листъ его королевское милости слово отъ слова въ книги замковыя вписати казалъ.

Книга Владимірская городская, 1567 года, № 934, листъ 202.

Примѣчаніе.—Такая-же грамота была издана Сигизмундомъ-Августомъ и въ слѣдующемъ 1568 году, ноября 20. (См. книга городская Луцкая, поточная, 1568 года, № 2042, стр. 397).

48.

Грамота Сигизмунда-Августа къ мѣщанамъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 100 копъ грошей, не принимать въ дома свои проѣзжихъ купцовъ до тѣхъ поръ, пока товары ихъ не будутъ освидѣтельствованы сборщиками таможенныхъ пошлинъ. 1567 года, ноября 13.

Лѣта Божого нароженя 1567, мѣсяца Декабря 9 дня.

Пришедши на врадъ замку господарского, Володимірскаго, перед мене, Михайла Привередовского, подстаростего Володимірскаго, справца Менделя Изаковича, поборовый, коморы Володимірскаго, Юда Агроно-

вич, показовал мне лист его королевское милости, под печать его милости господарскою и подписю руки писара его милости господарского, пана Матыса Савицкого, до войтовъ, бурмистров, радец, и всихъ мѣщан мест его милости господарских и теж князских, панских, и духовных, в панстве его милости господарском, великом князстве Литовском, писанный, приказуючи: абы всихъ таковыхъ купцов, хто-бы кольвек съ товары своими до мест приездил, первой на поборох справцам мытным и поборовым оповедавши, тогдыж на господах в домех своих становили, яко ширей на том листе его милости господарскомъ описано есть; и тот лист его милости господарский читан был увесь достаточне, почавши с початку аж до конца, который так ся в собе мает:

»Жигимонт Август, Божюю милостю корол Полскій, великий князь Литовский, Руский, Прусский, Жомойтский, Мазовецкий, Ифлянтский и иныхъ. Войтом, бурмистром, радцам, и всим мѣщанам местъ нашихъ господарских и теж — князским, панским и духовным, в панстве напомъ у великом князстве Литовском. Дал нам того справу поборца и мытник наш Мендел Изакович: иж-дей вы гостей, купцов, чужеземцов, и тубылцов, которые с товары своими до местъ приезжаютъ, не оповедавши справцамъ поборовым и мытным на поборе, кром ведомости, ихъ в домех своих на господах ставите, и за тым-дей они, товары свои розвязываючи, съ возов выкладывают и втаиваютъ, — а в том си не малая шкода скарбу нашему в поборах деет. А так приказуем вам, ажбы есте всихъ таковыхъ купцов, хтобы кольвек с товары своими до мест приездил, первой на поборах справцам мытным и поборовым оповедавши, тогды-жъ на господах в домех своих становили; а того абы есте чинити не смели, под закладомъ на насъ господара, на каждого з васъ особу петма сты копами грошей. Писанъ у Лебедеви, лета Божого нароженя, тысеча пятсотъ шестьдесятъ сегого, месеца Ноябра третейонадцать дня. Матысь Савицкій писаръ». И просилъ мене Юда Агроновичъ, абы тотъ листъ его королевское милости в книги замковые вписанъ былъ; я, за прозбою его, тотъ листъ его королевское милости слово от слова в книги замковые вписати казалъ.

Книга Владимірская городская, 1567 года, № 934, листъ 201 на об.

Грамота Сигизмунда-Августа, къ жителямъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ судиться съ сборщиками таможенныхъ пошлинъ исключительно въ королевскомъ судѣ. 1567 г., ноября 13.

Лѣта Божого нарожена. 1558 года, месяца Іюня 8 дня.

Пришедши на врьдъ замку господарского, Володимерского, передъ мене, Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, жидове Володимерские, писары поборовые и мытные коморы Володимерское, Маир Изаевичъ, а Іюда Агроновичъ, отъ жида Берестейскаго Менделя Изаковича, справцы мытного и поборового, для выбираня мыта и побору уставленные, показали передомною листъ его кролевское милости, писанный до всихъ князей, пановъ, воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ, старостъ, державецъ, воегипъ, паней, вдовъ, наместниковъ, тивоновъ, землянъ, дворанъ, войтовъ, бурмистровъ, радецъ и всихъ врьдниковъ его милости господарскихъ и тежъ князскихъ, панскихъ и духовныхъ, въ панстве его кролевское милости, великомъ князстве Литовскомъ, и просили мене, абыхъ я тотъ листъ его милости господарский, до книгъ врьдovýchъ замку его милости господарского, Володимерского, уписать велеть; я того листу его кролевское милости оглядавши и достаточне его вычитавши за прозьбою его слово отъ слова въ книги замковые вписать велеть, которыйжъ листъ таеъ ся всобе маеть:

»Жигимонтъ-Августъ, Божю милостю король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкый, Лифлянтский и иныхъ. Княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталиномъ, маршалкамъ, старостамъ, державцамъ, воегипямъ, вдовамъ, наместникомъ, тивономъ, земляномъ и дворяномъ нашимъ господарскимъ и тежъ князскимъ, паскимъ и духовнымъ, въ панстве нашемъ, великомъ князстве Литовскомъ, што которые поборы въ панстве нашемъ, великомъ князстве Литовскомъ, арендовали есмо старосте Жомойтскому, маршалку земскому великого князства Литовскаго, администратору и Гетману въ земли Лифлянской, державцы Плотелскому и Телишовскому, пану Яну Яронимовичу Ходкевичу, а подканцлерому великого князства Литовского, маршалку дворному, старосте Берестейскому и Кобринскому, пану Остафію Воловичу, а ихъ милость тые вси поборы поручили въ моць и въ справу мытнику нашему, жида Берестейскому, Менделю

Изаковичу, яко сведомому, который далъ намъ справу, ижъ дей въ сами и вранники ваши справецъ его мытныхъ и поборовыхъ, которыхъ онъ по всихъ коморахъ и прикоморкахъ нашихъ для отбирания и перестерегания мыта и побору установить, и суду передъ себе притагаючи, такъ въ справахъ мытныхъ и поборовыхъ, яко и вьншихъ речахъ, даючи имъ леда якие причины, квалтомъ ихъ судите и трудности имъ, надъ обычаемъ давыимъ, и надъ постановене нашо господарское въ томъ делаете; а такъ, ижъ кождый мытникъ и поборца, albo арендаръ, хто бы одно колвекъ якимъ пожиткомъ скаргу нашего шафоваль, воде постановления нашего, не повиненъ ни передъ кимъ инымъ, толко передъ нами, господаремъ, або паномъ подскарбимъ земскимъ, або тежъ, кому быхмо мы злецыли, становитися и отказовати; про то всимъ верхоменнымъ вовецъ приказуемъ, ажъ бы есте всихъ справецъ и слугъ его поборовыхъ и мытныхъ, везде на коморахъ и прикоморкахъ от него уставленныхъ, што бы ся дотыкало речи поборовое и мытное, и тежъ и вьныхъ всихъ речахъ, кромъ права горячего и иного злочинства, сами не судили и вранникомъ своимъ судити не казали, и квалтомъ ихъ до того не примушали, трудностей ни которыхъ надъ росказанье и постановене нашо не чинечи, але если бы кому якая потреба до нихъ была, тогда нехай бы ихъ передъ нами, господаремъ, albo кому быхмо мы поручили, правомъ уживали, такъ же тежъ, естли бы они помочи отъ васъ потребовали, абы есте имъ во всемъ въ справахъ поборовыхъ и мытныхъ помочь зъ урядовъ своихъ давали и отъ всякихъ кривдъ, отколы бы ся имъ деяти мели, боронили. Писапы у Лебедеве, лета Божого нароженя тисеча пятсотъ шестьдесятъ семого, месеца ноября третегонадцать дня. Матысь Савицкый писарь».

Книга Владимирская городская, 1568 года, № 935, листъ 62, на об.

Грамота Симизмунда - Августа къ жителямъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ прекратить угрозы и оскорбления, наносимыя евреямъ, сборщикамъ таможенныхъ пошлинъ. 1567 г. ноября 13.

Лета Божого нароженя 1568, июня 8 дня.

Припедчи на врьдъ замку господарьского володимирскаго, передъ мене, Михайла Павловича, подстаростего володимирскаго, Жидове володимирские, писары поборовые и мытные коморы володимирское, Маиръ Изаевичъ, а Июда Агроновичъ, отъ жиды Берестейскаго Менделя Изаковича, справцы мытного и поборового, для выбираня мыта и побору уставленные, показали передо мною листь его Крелевское милости, писанный до всихъ князей, пановъ, воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ, старостъ, державецъ, кнегинь, паней, вдовъ, наместниковъ, тивоновъ, земянъ, дворанъ, войтовъ, бурмистровъ, радецъ и всихъ врьдниковъ его милости господарьскихъ, и тежъ князскихъ, панскихъ и духовныхъ, в панстве его крелевское милости, великомъ князствѣ Литовскомъ, и просили мене, абыхъ я тотъ листь его милости господарьский, до книгъ врьдовыхъ замку его милости господарьского володимирскаго вписаты велелъ; я того листу его крелевское милости огледавши и достаточнѣ его вычитавши, за прозбою ихъ, слово отъ слова, в книги замковые вписати велелъ, который жъ листь такъ ся в себе маеть:

»Жлкгимонтъ Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий, Лифлянтский, и иныхъ, княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ, вдовамъ, наместникомъ, тивономъ, земяномъ и двораномъ нашимъ, войтомъ, бумистромъ, радцамъ и всимъ врьдникомъ нашимъ господарьскимъ, и тежъ князскимъ, панскимъ и духовнымъ, в панстве нашемъ великомъ князстве Литовскомъ. Дать намъ справу поборца и мытннѣ нашъ Мендель Изаковичъ, ижъ дей вы, безвинне зваснившись на него и на справецъ его мытныхъ и поборовыхъ, от него на коморахъ для справъ поборовыхъ уставленныхъ, отповеди и пофалки имъ чините и на здоровье ихъ стоите, хотечи ихъ здоровья позбавить, для которыхъ они отповедей и пофалокъ вашихъ, такъ здоровья своего, яко мыта и побору на коморахъ и прикоморкахъ звыклыхъ, и тежъ за листы нашими новоуставленныхъ перестерегати не безпечность; а втомъ ся не малая шкода скарбу нашему отъ васъ дееть; а такъ мы, не хотечи, абы для того, скарбъ нашъ шкоды отъ васъ не приймавалъ, приказуемъ вамъ подъ закладомъ на насъ, господаря, на каждого з васъ особу тисечма копами грошей, жебы есте вжо черезъ то некоторыхъ отповедей и пофалокъ тымъ справцамъ нашимъ поборовымъ и мытнымъ и слугамъ ихъ сами не чинили, врьдникомъ, бояромъ, слугамъ и людямъ своимъ того чинити

не казали, и на здоровье ихъ ничимъ не стояли, словы неучтивыми, а ни рукою на нихъ не сгали и во всемъ бы ся есте ку нимъ спойне заховали, такъ яко бы они мыта и побору перестерегати отъ васъ безпечни были; ведже еслибы кому з васъ была до нихъ которая потреба, вы бы ся в томъ з ними правомъ обходили. Писанъ у Лебедеве, Лета Божего нарожения тысяча пятсотъ шестьдесятъ сегого, месяца ноября третегонадцать дня. Матысь Савицкий писарь».

Книга Владимірская городская, 1568 года, № 935, листъ 63.

51.

Грамота Сигизмунда-Августа, утверждающая привилегию, данную епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ, Маркомъ Журавлицкимъ, боярину Григорію Сестричану, по которой отдается ему за службу во владѣніе церковное село Точивки. 1568 года, января 22 дня.

Zygmónt trzeci etc.

Oznajmuiem tym Listem naszym кому то wiedzieć należy; pokładał przed nami. Żądał od nas dworzanin nasz urodzony Mikołaj Fronciewicz-Radzimiński, starosta Wasilisky, abyśmy z metrik Cancellarii naszej W. X. L. vidimusem wydać rozkazali sprawę w tym liście niżej opisaną, którą w ten nasz list, nazwany vidimus, słowo w słowo wpisać się kazali i tak się w sobie ma:

»Zygmunt-August, Bożą miłością król Polski, wielki książę Litewski, Ruski, Pruski, Żemoidsky, Mazowiecky, Inflancky, y innych. Oznajmuiem tym listem naszym niniejszym y na potym będącym: bił nam czołem боярзын епископства Луцкаго і Острогскаго, Грыгоры Сестрзан, y повѣдѣал przed nami, iż bywszy епископ Луцкы і Острожскы Josif, за службы его, które on w sprawach y w niemалых potrzebach cerkiewnych епископji Луцкей y Острожскей, imieniemко назване *Toczywieki*, z dworcem, z ludźmi, z stawy, z młyny, z lasy i ze wszystkimi grunty, płaty, dochody y pożytki iako się to imieniemко samo w sobie ma, w granicach y обычодziech swoich, ничего на себе не zostawując; a potem y terazniejszy епископ Луцкы Острожскы, Марко Жоравницкы, widząc его także być czło-

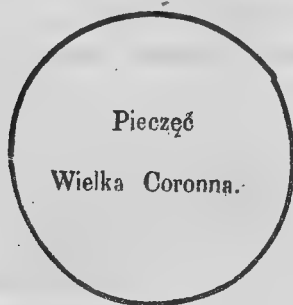
wieka godnego y potrzebnego w kazdych sprawach cerkiewnych, wedle daniny przodka swojego, episkopa Józefa, przy tem ymieniczku Toczywiekach iego zostawiwszy, na to iemu list swój dali, który list przed nami pokładał, białe czołem, abysmo my, gospodar, zwierzchności naszej hospodarskiej, iako podawca one iemu dali, na list iemu stwierdzili naszym listem na wieczność, który list ieśmo, oglądawszy, kazaliśmo słowo od słowa w ten nasz list wypisać y tak się w sobie ma:

»Miłością Bożą y przeczystey jego macierzy y Świętego apostoła ewangelista, Chrystozoma Joanna Bohosłowa, my, Marko, episkop Łucki y Ostrożsky, czynim iawnno tym naszym listem niniesznim y na potem będącym, komu będzie tego wiedzieć potrzeba okazywała, iż z łaski Bożej y hospodarskiej będąc nam obdarzonym miejscem tym stolicą Episkopii Łuckiej y Ostrożskiej ieszcze narzeczonym Episkopem, pokładał przed nami list, daninę przodka naszego episkopa Łuckiego y Ostrożskiego, nieboszczyka Józefa z podpisem własney ręki iego, bojarzyn nasz cerkiewny, Hrehory Siestrzan, któremu dał y opatrzenie udzielał za służby iego y nakłady, które on od niemalego czasu czynił, jeżdżąc do dworu hospodarskiego y dowodząc praw w krzywdach y doległościach cerkiewnych, przyjmując trudności y nakłady nie małe, w tem iemu nagrodę y opatrzenie czyniąc y rozumiejąc y naprzód iego być potrzebnym y godnym sługą Cerkwie Bożej, dał iemu imienie cerkiewne pod Ostrogiem, Toczywieki, które też izdawna bojarze dzierżywali i służbu Cerkwi Bożej z niego służyli, i bił nam czołem, abyśmo iego przy tym imieniu Toczywiekach, wedle daniny i listu przodka naszego, nieboszczyka Józefa, zostawili y z tego jego nie ruszyli; a tak my onęgo listu daniny przodka naszego oglądawszy y dostatecznie z niego wyrozumiawszy, wziawszy z tego wiadomość, iż on w posługach Cerkwi Bożej do dworu hospodarskiego trudności y nakłady nie małe przyjmował, a na więcej też y ia rozumiejąc jego być potrzebnym y pożytecznym sługą Cerkwie Bożej, ni w czym nie naruszając daniny przodka naszego nieboszczyka Józefa, a wiedząc, iż też z dawnych czas w toż imienie cerkiewne bojarze dzierżywali, na czołembicie iego toż imię przy tym imieniu Toczywiekach według daniny przodka naszego zostawili; a tak teraz, gdy nas prosił y bił nam czołem, abyśmo iemu na to imienie Toczywieki list nasz pod pieczęcią stolicy naszej episkopskiej dali y to iemu potwierdzili, gdzie będąc nam w tym mieście episkopskim, czas niemający, bacząc na ochotne y pilne służby iego oku sobie y Cerkwi Bożej, y za prozbą y czołembiciem iego, tożmy udzielał i tym listem naszym to imię iemu dalem i potwierdzamy, — ma on sam, żona, dzieci

y potomki iego, to imienie z ludźmi y ich robotami, y podaczkami, y z ziemiami naszymi, y z dąbrowami, z lesy, zaroslami, y z pasiekami, y sianożęmi, z stawy, które w siele Toczywiekach, y ze wszystkim, a wszystkim, tak iako się to imienie Toczywieki z dawnych czasów w sobie y granicach y obchodziech y pożytkach swoich ma, potem iako y pierwsze boiarze przód te imienie Toczywieki y używali jednego młyna na rzece Lubci, który Sestrzan dzierżał, ma na nas do imienia naszego Tuszczy dzierżan być. A on wolen będzie w tym imieniu Toczywiekach dwór sobie zbudować y wszystkie pożytki, według woli y zdania swego, iako chcąc ku swemu dobremu y pożytecznemu przywłaszczając y iego dzierżać wiecznie y używać, a z tego służbę bojarską, iako piersze boiarze szlachty cerkwi Bożej służą, y on ma nam y potomkom naszym ku cerkwi Bożej służyć; a my sami y potomni będący Episkopi Łuckie i Ostrożskie z ludzi iego żadnych płatów y wołoszczyn na siebie brać, y iego samego, żony, dzieci y potomki iego niektórymi przyczynami z tego imienia Toczywieków, y oni sami y niektóre krzywdy y przekazy iemu w tym imieniu czynić nie mają y natośmy dali temu boiarzynu naszemu Sestrzanu, żonie y potomkom iego, ten nasz list pod pieczęcią y s podpisem ręki mey. Pisan w Żorawnikach Roku pańskiego 1567, miesiąca Januaria 12 dnia.—I gdyż imienia kościelne, iako własność nasza hospodarska, w podaniu i szafowaniu naszym iest; my z zwierzchności naszej łaskawey na to pozwoliwszy, przy tym imieniu Toczywiekach, wedle daniny episkopów Łuckich, iego zostawili, y tym listem naszym zostawiam y utwierdzamy to na wieczne czasy ma Hrehory Sestrzan sam y iego żona, dzieci y potomkowie ich one imieniczko w episkopii Łuckiej i Ostrożskiej Toczywieki, z dworem, z ludźmi, stawy, z lesy i ze wszystkimi grunty, płaty, y dochody, y pożytki, y ze wszystkim, iako się imieniczko samo w sobie w szerokości gruntu, w granicach y obchodziech swoich ma, dzierżać y używać wiecznie y na wieki nieporuszo, będąc wolny w tym imieniu Toczywiekach przybawić, rozszerzać y wszelakie pożytki jakiegokolwiek imienie nazwane abo mianowane być mają, przynależać y przyczyniać, sprawując y zachowując się we wszystkim po temu według listu teraźniejszego episkopa Łuckiego Marka Żorawnickiego, na to imieniczko danego, y s tego imieniczka Toczywiek będzie powmien on y potomki iego o episkopii teraźniejszej Łuckiej y Ostrożskiej y potomni będącym episkopom Łuckim y Ostrożskim ku episkopii Łuckiej służyć y podarek y płata niłakiego z tego imieniczka on sam y potomki iego dawać mają. A na twierdost tego ten nasz list ręką naszą hospodarską podpisawszy y pieczęć naszą k niemu

przywiesić ieśmo kazali. Pisan w Wołożynie. Roku 1568, miesiąca Janu-
aria 22 dnia.

Podpis ręki Hospodarskiej. Michayło Haraburda, pisarz. — Którey sprawy
ten nasz list nazwany vidimus, po l pieczęcią naszą wielką W. X. L. dwo-
rzaninu naszemu urodzonemu Michałowi Fronckiewiczza Radzymińskiemu sta-
roście Wasiliskiemu wydan iest. Pisan w Wołożynie na Sejmie Walnym.
Roku panskiego 1605, miesiąca marca 2 dnia. U tego vidimusa pieczęć
hospodarska W. X. L., a podpis ręki—Lew Sapieha. Cancell. W. X. L.
Jan Duksza. A tak my k proźbie, jako słuszney, łaskawie się przichilaiąc,
listy wysze pomienione, iako się w sobie mają, kazawszy do xiąg Cancell-
arii naszej przyiać y wpisać; a na większą twardość do tego listu naszego
pieczęć koronną przycisnąć ieśmy kazali. Pisan w Warszawie, roku 1619,
miesiąca Marca 2 dnia. Panowania naszego polskiego 32, a świdzkiego
26 roku. S'aniśław Żółkiewskius Regni poloniae Cancellarii, Sprawa Jaśnie
wielmożnego J. M. pana S'aniśława Żółkiewskiego kanclerza i hetmana
naywyższego koronnego. Floryan Oleszko, woyski Włodzimirski, sekretarz y
pisarz jego królewskiej mości.

Сообщено В. Антоновичем.

52.

*Уступка протоіереємъ оуручкой церкви св. Василя Великаго, Гри-
горіємъ Василевскимъ, урочища Трыстеницкого въ потомственное вла-
дніе крестьянамъ села Мухомѣ, Даниловичамъ, подъ условіємъ отдачи
ежегодной дани въ пользу церкви по 10 ведеръ меду. 1568, марта 9.*

Року тисеча шестьсотъ деветдесять сегомо, месеца октябрья
двадцать второго дня.

На уряде кгородскомъ, в замку его королевское милости Овруцкомъ, передо мною, Даниелемъ Левъковскимъ, намесником на тот час подстароства и реентом кгородским Овруцкимъ и книгамы нынешними кгородскими Овруцкими со праренс personaliter przewielebny w Bogu jego mość ościec Semion Komar, protopopa Owrucki, ten zapis, od Jakowa, Hrynja, Kalenika y Kondrata Danilowiczow, poddanych Muchoiedowskich, przy pieczęciach dwóch przycisnionych, wielebniemu w Bogu jego mości oycu Hrehoremu Wasylewskiemu, protopopie Owruckiemu, ratione intro contentorum dany y służący, dla zapisania do xąg niniejszych grodzkich Owruckich per oblatam podał, prosząc mnie, urzędu, aby ten zapis do xąg niniejszych wpisany był, a tak ja, urząd, ex munere officii mei, pomieniony zapis ad acticandum przymuiąc, z początku aż do końca czytać przed sobą kazałem, którego iest russkim pisinem tenor takowy: «Я Яковъ весполъ з братиею моею: Грынемъ, а Каленыкомъ, а Кондратомъ Даныловычы, подданные ее милости панее Игановое Служьчине, Пани Богъданы, Мухоедовскіе, сознаваемы и явѣно чынымъ тымъ листомъ нашимъ, кому буде потреба того вѣдаты, такъ теперешнымъ, яко и на потомъ будучымъ, ижъ которая земля звечыстая, никому ничымъ непенная, храму святого Великого Васыля Овруцского, на имя Трыстеницкая, островъ Обрубный, ино мы братя вышеяченая всѣ сполечне били есмо чоломъ отцу Грыгорию Васылевскому, протопопе Овруцкому, абы его милость той островъ нам вес даль на даныны десеты ведрехъ меду пресного мѣры Овруцское на вѣчностъ; ино его милост то на наше чоломбытѣ вчыныи и той островъ вышеписанный намъ вес на даныны десеты ведрехъ меду мѣры Овруцское даль, маем его милости, отцу Грыгорию, або потомком его в каждый год с того острова вышемененого дани давати десет вѣдер меду пресного, доброго, мѣры Овруцское; а если быхмо его милости не мѣли той даны десеты вѣдеръ меду сполняти, або гранъ земли сказити, або иншее знамя в тот остров Церъковный вносити и якую кольвекъ шкоду земли вчынити, тогда повинни будемъ за то отцу Грыгорию, або потомку его, ведле права посполитого и статуу земского, всю шкоду платити, а вины се милости паней своей двадцат копъ грошей маемъ заплатити, а отцу Грыгорию, або потомку его, вины десетъ копъ грошей маемъ заплатити, а потомъ отецъ Грыгорей, або потомокъ его, воленъ будет тот островъ вышеяченый Святого Васыля; от нас отнявши, кому хотя дати, а его милост то шкодыти

не будет, а для лепного сведения и болшее твердости сего нашего листу о приложене печатей били есмо чоломъ ихъ милости: пану Богудалу Михайловичу Павши, писару земскому, бирчому господарскому повѣту Киевского, а пану Ивану Грыгоревичу Шыце Ставецкому; ихъ милостей за прозбою нашею то вчинили и печати свои приложити рачыли. Писанъ ув Овручомъ, под лето Божего нарожения тисеча пятьсотъ шестьдесятъ осмого, месяца марта девятого дня; у того запису печатей две притысненные. Который-же то запис за поданем и прозбою вышмянуваное особы подавающее, а за моим урядовымъ примятемъ, до книгъ нынешнихъ естъ уписанный.

Книга Овручская городская, 1697—1699 г. № 3219, листъ 61, на обор.

53.

Грамота Сигизмунда-Августа, освобождающая дворянина Ивана Борзобогатого - Красенского отъ ответственности за неисполнение военной повинности, такъ какъ онъ во время похода замѣтъ былъ господарскую службу, 1568, Апрель 25.

Року 1569, месяца ноября 23 дня.

Пришедши на врягъ его королевской милости, до мене, Яроша Паликевскаго, воротного замѣового, в тотъ часъ будущо на местцу пана Петра Хомака, подстаростего Луцкого, панъ Иванъ Борзобогатый Красенский, мостовничий Луцкий, покладалъ передо мною листъ его королевской милости, подъ печатю и с подписью властное руки его милости господарское, и тежъ с подписанемъ руки писара его королевское милости, пана Матиса Савицкого, писанный до его милости пана Василя Петровича Загоровского, а до пана Кирдея Мнишинского, и просидъ панъ Иванъ Борзобогатый, абы тотъ листъ его королевское милости вычитанъ и в книги кгородские былъ записанъ, который листъ тажъ ся в себе масть: »Жигимонтъ-Августъ, Божю милостю король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтекий, Мазовецкий, Ифлянский и иныхъ, городничому володимерскому, Василю Загоровскому, дворенину нашему Ивану Кирдею Мнишинскому, што есте

отправлены до поветовъ Луцкого и Кремянецкого на увязоване в ѣймена князские, панские, шляхетские и земянские, которыхъ, водле повинности своее шляхетское, уфалы сойму городенского, на сей часъ войны не служили; ино ижъ мостовничий Луцкий, дворенинъ нашъ Иванъ Борзобогатовичъ Красенский, который будучи презъ лето и зиму на послузе нашої, выправуючи розную спижу з Волини до обозу нашего и до Борисова, не быль спешонъ войны служити зъ именей, который онъ жоны своее Ганны и сестры ее Марьи Семашковне, тежъ сестры своее Ганны Боговитиновой в держаню и въ опеце маеть и чотыри дей кони ку службе з нихъ ставити повиненъ; для чого приказуемъ вамъ, ижъ бы есте именамъ тымъ, которыхъ онъ войну служити и чотыри кони ставити повиненъ быль, дали покой и увязованя жадного не чинили, бо онъ, будучи на таковой послузе нашої земской, не могъ и не повиненъ былъ войны служити и таковыхъ чотырохъ коней, с повинности свое шляхетское, ку службе военной ставити, и будете ли ся увязали, вы бы за се ему чинили, яко бы онъ в той мери безъ вины и причины шкоды не терпелъ. Писанъ у Кнышине, лета Божого нароженя тысяча пятьсотъ шестьдесятъ осмого, месяца априля двадцать пятого дня. Подпись руки его королевское милости, и тежъ писара его милости господарьского пана Матыса Савицкого. А такъ я, за прозбою пана Ивана Борзобогатого Красенского, тотъ листъ его королевское милости с початьку ажъ до конца в книги кгородские записати казалъ.

Книга кгородская, Луцкая, поточная, 1569 года, № 2043, стр. 561.

54.

Увязчий листъ, выданный Сигизмундомъ - Августомъ князю Богусу Федоровичу Корецкому, старосту Луцкому, Брацлавскому и Винницкому, въ имѣнія Серадскаго воеводы, Ольбрыхта Ласкаго и жены его, княжны Беаты Острожской. Король присудилъ ихъ имѣнія князю Корецкому за сумму 47,407 копъ грошей, которые Ласкіе должны были, вслѣдствіе королевскаго приговора, уплатить ему въ удовлетвореніе за 35 нѣздовъ и грабежей, произведенныхъ ими въ имѣніяхъ Корецкаго. 1568 года, іюля 10.

Лѣта Божого нароженя 1568, августа 2 дня.

Присылать на врьдъ его королевское милости замку Луцкого, до мене, Петра Хомяка, подстаростего Луцкого, вельможный панъ его милость, князь Богущъ Федоровичъ Корецкий, староста Луцкий, Браславский и Вѣницкий, з листомъ господарскимъ уязчимъ, которого его милость одержалъ з дворениномъ его милости господарськимъ, паномъ Иваномъ Семеновичомъ, съ канцлереи его королевское милости до вельможного пана его милости пана Олбрыхта Лаского, воеводы Сирадского, и до малжонки его милости панее Бияты съ Костелца, княгини Острозское, на сумму пенязей, на уяззане до права во ймемъ ихъ милости, черезъ вырокъ его королевское милости, князю старосте его милости, на сойме Виленскомъ, валномъ, указаную, данный, просячи, абы тотъ листъ его королевское милости на врьде былъ вычитанъ и в книги кгородские для певнейшого хованья унисанъ, который листъ господарский такса въ себе маеть:

»Жикгимонтъ-Августъ, Божю милостью король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий, Ифлянский и иныхъ. Воеводе Сирадскому, пану Олбрыхту Ласкому и малжонке его, паней Бияте съ Костелца княгинѣ Острозской, што нервей сего, въ року минушомъ, тисеча пятьсотъ шестьдесятъ шостомъ, будучи наймъ господару у Вилни, на сойме великомъ, валномъ
 съ панами радами нашими ихъ милостью, жаловалъ намъ староста Луцкий, Браславский и Вѣницкий, князь Богущъ Федоровичъ Корецкий, за чотырма мандаты нашими, водлугъ уфалы сойму великого, валного, Виленского, минулого, в року шестьдесятъ третьемъ съ канцелярей наше выданными, о томъ, штожъ дей, будучи ему за росказанемъ нашимъ господарскимъ въ року прошломъ шестьдесятъ четвертомъ, службе нашей и земской военной часть немалый, дошла до его тая ведомость отъ врьдниковъ его з Волыня, ихъ дей вы, невѣдомо для которое причины в ономъ року, шестьдесятъ четвертомъ, месяца сентебря девятого дня, наславши mocno квалтомъ на власные именья и кгрунты его, то есть на Криловъ и на Черницу, боярина своего Острозского, Федора Вербовецкого, з многими слугами, бояры и подданными своими Острозскими, Клепачовскими, и к тому дей есте росказали дать помочь отъ врьдниковое Березьдовское, Сокоровое, всѣхъ Березьдовцовъ, которыхъ дей было околко сотъ чоловековъ, з бронями, з гаковницами, з ручницами, з сагайдаки, з луки, з рогатинами и з ыншимъ оружемъ, и в оные часть тотъ Вербовецкий с тыми верху

писанными помочниками своими, по трикротъ наежаючи на тые имена его верхуписаные, первый дей разъ в томъ року минуломъ, шестдесять четвертомъ, месяца сентебра девятого дня, в субботу, на властные дей кгрунты и на имена его, то есть на Крыловъ и на Черницу,—збожя, въ оныхъ поляхъ стоячыє, колко тысячъ копъ жита и ярины его властного и подданныхъ его . . . одно побрали, другое попалили; а потомъ де, того, месяца сентебра третего и четвертого дня, тотъ же дей бояринъ вашъ, Вербовецкій, з многими слугами, бояры и подданными вашими Острозскими и Берездовскими, наехавши мощно, кгвалтомъ—на власные кгрунты тыхъ вышепомененныхъ—Крылова и Черницы, и к тому дей иныхъ сель его: на Киликиевское, Богдановское и на Печибодское, перешедчи чрезъ границу военную, которую дей онъ от ыменей вашихъ Клепачовъ и Снытокъ и Плоское, волости Острозское, почавши отъ границы Русьвское пановъ Чапличовъ, черезъ певный дей знакъ кграни, ажъ до руды Полское, которая выдасть в рѣчку Жеревъ, подданныхъ дей его тыхъ верхуписанныхъ сель о колко тысячъ возъ сѣна одно побрали, а иное попалили,—а подданныхъ дей его познаходивши, самихъ побили и поранили; кони, з возы, з сокиры, з нихъ сермяги, шапки, кожухи, поясы с калитами и з мошнами, въ которыхъ дей в тотчасъ пенязи были, побрали; а потомъ дей тогожъ року прошлого, шестдесять четвертого, месяца ноября первоонадцать дня, наславши дей вы врядника своего Берездовскаго, Томаша Подоского, з многими слугами, бояры и подданными своими Берездовскими и Полонскими, в зброяхъ, з бронями, яко на одного неприятеля, мощно, кгвалтомъ на властный кгрунтъ его Корецкій . . . в селехъ Правотине, рудныковъ дей жида Ратненского, Жилимъновыхъ, о колко десять чоловековъ побили и поранили; з самыхъ сукни, сермяги, кожухи, поясы с калитами и с пенязми готовыми, и иные многие речи, што при нихъ были, и сокиры . . . а многие речи на тотъ часъ въ нихъ были . . .

... тогожъ мѣсяца ноября шестогонадцать дня, наславши того-ж врядника своего Берездовскаго, Подоского, з многими слугами, бояры и подданными своими Острозскими и Берездовскими мощно, кгвалтомъ, также на властный дей кгрунтъ—селцо Горбиковский, Жолубовский, Правотинский, Горицкий и Бабинский, перешедчи дей черезъ границу звечистую, почовши отъ Гаврикова ставу, на реце Царели, отъ шляху великаго Киевского, ажъ до реки

Сетчи; который делит вгрунтъ его отъ именей вашихъ Броздовскихъ и Хлыпатскихъ, сена дей властные бояръ и подданныхъ его тыхъ вышеймененныхъ сель, презъ колко тисечъ возовъ—одно побрали, а другое огнемъ попалили; людей, которыхъ дей на онъ часъ при тыхъ селахъ находили, позбивали и помордовали; кони, з возы, и зъ самыхъ сермиги, кожухи, поясы с калитами, и пенязми готовыми и иншие многие речи, што козвекъ на тотъ часъ при собѣ мѣли, то все побрали; и ктому дей вы, на томъ мало маючи, наставши врядника своего Берездовского, Томаша Подоского, а боярина вашего Острозского, Ивана Сокуру, з вышними многими, слугами, бояры и подданными вашими, волости Острозское и Берездовское, которые дей вжо в року минуломъ, шестдесять пятомъ, месяца февраля девятого дня, наехавши мощно, вгва томъ, на именье его Печыбоды, подданныхъ его шести человекъ на йма: Опанаса отамана, Гурина, Устина, Ивана, Игнатца а Хурса побили и поранили и праве за вмерлыхъ полишили, а чотырохъ человекъ на йма: Дмитра, Тимофея, Ивана а Моисея поймали и з собою повели и всю маетность ихъ, што в нихъ в домахъ было, то все побрали; а отътоль дей едучи, на дубровѣ чотыри стоги жита, в которыхъ было по шестдесять копѣ, огнемъ спалили; и въ тотъ же дей часъ в селѣ его, Киликиевскомъ, шестнадцатеры бчолы з дерева бартного подрали, а дѣрева попалили,—и в тотъ же дей часъ, поткавши чотырохъ подданныхъ его Киликиевскихъ, найма: Мирона, Дѣниса а Олизара, которые ехали до волости Жеславское збожя куповати, а четвертый дей чоловікъ, на ймя Трохимъ, ехалъ з женою и съ дѣтатемъ своимъ до волости до Жеславское, посполь с тыми-жъ людьми до приятней своихъ; тыхъ, дей они, перенемши на добровольной дорозе, якъ самыхъ, такъ и тую невѣсту, которая з ними ехала, побили и помордовали, и зо всего, што козвекъ при нихъ было, поотбирали, и праве за вмерлыхъ полишили, олижъ де ихъ другие люде, едучы по нихъ дорогою, нашли ихъ мало не померлыхъ, а тое де дѣтя того подданого его Трохима на смерть замордовано; и к тому дей еще, на томъ мало маючи, въ тотъ же дей часъ, тотъ же врядникъ Берездовский, Подоский, перенемши на добровольной дорозе подданныхъ его Корецкихъ, на йма: Марка, Андрея а Лукьяна зъ ихъ товаришми, едучихъ с Коломыи зъ солю двадцать чотыри возы с коньми, з возы и зо всимъ тымъ, што козвекъ при нихъ было, побрали, а самыхъ збивши, змордовавши, и зо всего, што при нихъ было, отобравши, такъ-же за мерлыхъ полишили, и многие,

а незносные кривды в тотъ часъ тымъ подданнымъ его поделали. За другимъ мандатомъ жаловалъ князь староста о томъ, што-жь дей вы, подъ часомъ заказана на службу нашу господарскую и земскую военную, року прошлаго шестьдесятъ пятого, месяца мая десятого дня, наславши бояръ своихъ Острозскихъ: Федора Вербовецкого а Ивана Сокора, з иншими многими слугами, бояры и подданными своими мощно, кгвалтомъ на имене его Крыловъ, на властный кгрунтъ его, на поляхъ плуговъ двадцать семъ, з возы и железами побрали, другие плуги порубали, а подданные его, которые на тотъ часъ при тыхъ плугахъ были, о колко десять человекъ побили и поранили, кони з возы, с хому-тами, з самыхъ сермяги, шапки, поясы с калитами и с пенязми готовыми, к тому сокиры и иншие многие речи, што колвекъ на тотъ часъ при нихъ было, то дей все побрали; а потомъ дей тогожь месяца мая семогонадцать дня тыхъ же бояръ своихъ острозскихъ Хведора Вербовецкого а Ивана Сокора з иншими слугами, вридиками, бояры и подданными вашими Острозскими и Берездовскими, наславши дей вы, мощно, кгвалтомъ, на властивый кгрунтъ имени его Русивлского, на поли воловъ три плуга, одны с плугами и з железами побрали, а иншие плуги порубали, а подданныхъ дей его тамошнихъ, Русивлскихъ, которые при тыхъ плугахъ были, иныхъ многихъ находячы на поляхъ, побили и поранили, и што дей колвекъ на тотъ часъ при нихъ было — кони з возы, сокиры, а зъ самыхъ сермяги, шапки, поясы с калитами и с пенязми готовыми такъжь побрали. Надъ то дей того-жь месяца мая двадцать девятого дня, наславши вридниковъ своихъ — Острозского Франца Круша а Берездовского Томаша Подоского а Юрья Зарубу, и к тому з иншими многими вридиками, слугами, бояры и подданными вашими Острозскими и Берездовскими, обычаемъ военнымъ, а праве неприятельскимъ, маючи з собою колко сотъ человекъ, зъ сагайдаками, з ручницами, з рогатинами и з иншими многими а розьмаитыми бронями, мощно, кгвалтомъ, на именья его Корецкие, то есть на Зусивлю, на Осташовку, на Саножинъ, и на Криловъ, бояръ и подданныхъ его тыхъ вышемененыхъ сель жонъ и детей ихъ побили и поранили, а в домехъ ихъ ворота и въ клете двери повывивали, всю маетьность ихъ, то есть: сукни, сермяги, кожухи, шапки, сорочки, полотна, пенязи готовые, маса старые, масла, сыры и иншие многие речи з домовъ ихъ, также и на поляхъ кони, волы, коровы, овцы, козы, свиньи и всякое быдо с чередами оныхъ, впередречоныхъ сель подданныхъ его побрали,

имъ многие а незъносные дей кривды и шкоды на тотъ часъ тымъ подданымъ его починили; а потомъ дей тогожь месеца мая тридцать первого дня, наславши дей въ врядника своего Берездовского, Томаша Подоского, а бояръ Острозскихъ—Хведора Вербовецкого а Ивана Сокуру з многими слугами, бояры и поддаными своими ве збрюяхъ, яко на одного неприятеля, мощно, квалтомъ, на вѣстивые имена его волости Корецкое, на Селичовъ, на Горицю и на Чернокалы, людей подданныхъ его тыхъ вышемененныхъ сель его жонъ и детей ихъ побили и поранили, а в домехъ ихъ, в некоторыхъ—ворота и в клетей двери поодбивавши, маетность ихъ, то есть: сукни, сермяги, кожухи, пенязи готовые, сорочки, полотна и иншие многие речы, а на поли кони и быдло с чередами, в Чернокалахъ, побрали и многие дей кривды и шкоды тымъ подданымъ его на тотъ часъ, в побранью маетности, поделали; к тому дей тогожь року прошлого шестдесять пятого месеца июля другого дня, такъ-же дей, наславши въ бояръ своихъ Острозскихъ,—Хведора Вербовецкого, а Ивана Сокура з ыншими бояры и поддаными своими Берездовскими, мощно, квалтомъ, на властный кгрунтъ его волости Корецкое—Крыловский, Киликиевский и Русивлский, людей подданныхъ его тыхъ верхумененныхъ сель на поляхъ и на дубровахъ находячы, одныхъ людей и жонъ ихъ побили и поранили, а другихъ многихъ, поймавши и позъбивавши, зъ собою увезенъе повели, а маетности ихъ: кони з возы, зъ самыхъ сермяги, шапки, сорочки, сокиры, поясы с калитами и с пенязми готовыми побрали. Еще дей тогожь месеца июля пятого дня, наславши дей въ врядника своего Берездовского, Томаша Подоского, а бояръ Острозскихъ, тогожь Федора Вербовецкого и Ивана Сокура, з ыншими многими слугами, бояры и поддаными своими Острозскими и Берездовскими, мощно, квалтомъ, по другой разъ, натъежъ именъя его властные Корецкие—на Селичово, на Куты и на Горицу, людей и подданныхъ его, жонъ и детей, побили и поранили, а другихъ пятнадцати чловековъ, поймавши и позъбивавши, у везенъе зъ собою повели, а въ домехъ ихъ ворота и въ клетехъ двери поотбивавши, а на поли кони и быдло с чередами, в тыхъ вышемененныхъ селехъ его Селичове а в Горицы, заняли, а особливе дей кони служебниковъ его, которые дей в тыхъ жо селехъ его—в Селичове и в Кутахъ, на властномъ кгрунтъе его пасены были, всихъ сто двадцать и пять коней, тыежъ дей врядники, слуги, бояре и подданные ваши взяли, и то все, посюль с конми и с чередами, которые в подданныхъ его в тыхъ

же селехъ побрали. И к тому жъ оными жъ дей конми служебниковъ его, также и быдломъ подданныхъ его, которые тотъ вранникъ и бояре ваши заняли, проводячи ихъ до замку вашего, Берездова, збожтя о колко сотъ копь, на поляхъ лежачого, на властномъ кгрунте его жита и ярицъ потоптали. Потомъ дей тогожъ месяца июля сегого дня, в субботу, вранникъ вашъ Берездовский, Томашъ Подоский, а бояре ваши Острозские: Федоръ Вербовецкий а Иванъ Сокоръ, з многими помочниками своими, перенявши мещанъ его Корецкихъ сорокъ человекъ, которые с Коломыи зъ солью ехали, на добровольной дорозе близко замку вапного Берездовского, тыхъ всихъ людей сорока человекъ побили и поранили, возы с конми, и з солью, и зо всема речами, што у возехъ было, а з нихъ сукни, сермаги, гроши готовые нобрали, а самыхъ, повезавши, до замку вапного Берездовского приведши, у в окрутное везенъе посадили; а того жъ дей дня отаманъ вашъ Сусмецкий, на ймя Юрко, с помочниками своими, такъ жо перенявши пахоля его, на ймя Остафья Мокренского, на добровольной дорозе в селе Сусмецкомъ, который дей ехалъ в потребахъ его самого зъ староствъ его, з Браслава и з Веницы, безъвинтъне збили и, поймавши, до вранника вапного Берездовского, до Подоского, привели, и такъ же у в окрутное везенъе осадили, и гроши, што при немъ были, до него посланные, коня, зъ седломъ, и иншыи многие речы въ него побрали; потомъ дей тогожъ месяца июля осмого дня, наславши дей есте вранниковъ своихъ: Острозского, Франца Круша, а Берездовского, Томаша Подоского, а бояръ Острозскихъ: Федора Вербовецкого а Ивана Сокура, з ыншими многими слугами, бояры и подданными своими Острозскими и Берездовскими, на домъ служебника его, Бориса Совы, на Селичовъ, самого дей того служебника его, Бориса Сову, збили, зранили и змордовали, слугъ и челядь его такъ жо дей побили и поранили, и шкоды дей немалыи оному служебнику его в побраню маетности его поделали; за тымъ дей на завтрѣ, в понеделокъ, тогожъ месяца июля девятого дня, наславши дей вы справцу своего, Юря Зарубу, и тыхъ же вранниковъ своихъ: Острозского, Франца Круша, а Берездовского, Томаша Подоского, и оныхъ бояръ своихъ Острозскихъ: Федора Вербовецкого а Ивана Сокура, и иныхъ многихъ слугъ, бояръ и подданныхъ своихъ Острозскихъ и Берездовскихъ о колко сотъ коней, мощно, квалтомъ, на йменъе его Куты, служебниковъ его, которые дей въ ономъ селе его *му-жали* для постерегания правды, подданныхъ его, одныхъ тамжо побили

и поранили, а которые дей, видячи, ижъ ся не могутъ имъ в томъ селѣ оборонить, и обороняю рукою до другого имениа его, до Печибодѣ, входили, они дей, и за тыми гонячи, на тое другое имениа его, на Печибодѣ, также мощно, квалтомъ, з немалымъ войскомъ и якъ оныхъ слугъ, которые дей, передъ ними входячи, до того имениа его пришли, также бояръ и подданныхъ его, мешкающихъ въ томъ селе Печибодехъ, самихъ побили и поранили, ажъ дей некоторые з нихъ ледве водою отыли, а иншие повтекали, а маестность дей, як оныхъ служебниковъ его, которые на тотъ часъ при нихъ были, и которыхъ, в ономъ селе его, в Кутахъ, входечи передъ ними, в селе, такъ тежъ бояръ и подданныхъ Печибодскихъ маестности, з домовъ ихъ, а на поле быдло, побрани и многие а пезъносные кривды тымъ слугамъ и подданнымъ его поделаи; и к тому дей тежъ бояре ваши: Хведоръ Вербовецкий а Иванъ Сокоръ, тогожъ месяца июля двадцать шестого дня, в понеделокъ, вночы, собравшиися з многими слугами и помочниками своими, и тежъ с подданными вашими Острозскими, подехавши, мощно, квалтомъ, подъ место его Корецкое, двохъ неволниковъ его Татаръ, пойманцовъ, на ймя: Ахмата а Шабана, а швачку малжонки его, татарку, на ймя Татану, и з нею челяди Московское пятеро, которые при тойже швацѣ для науки оставлены были, выпроводили и на возехъ своихъ до замку Острозского отвезли, которая дей швачка Татьяна, маючи ключи отъ воегини малжонки его до всякого схованья, не мало речей, то есть: шатъ, перел, клейнотовъ, грошей, покрала и зъ собою побрала; якожъ дей князь Корецкий до приятеля вашего, который отъ васъ тамъ у в Остроге на тотъ часъ былъ, до пана Юря Зарубы, о то жалуючы и права просячи, посылалъ, онъ дей, якъ права дать, такъ и тыхъ неволниковъ его выдать не хотелъ. За третимъ мандатомъ жаловалъ князь староста о томъ, штожъ дей, вжо выехавши ему на службу нашу господарьскую и земьскую военную з имениа его до Ракова, в року минуломъ шестдесятъ пятомъ, и будучи ему вжо в дорозе, дошла его ведомость одъ вриадниковъ его з Воляня, ижъ дей вы, неведомо для которое причины, наславши бояръ своихъ Острозскихъ: Хведора Вербовецкого а Ивана Сокора, з многими подданными вашими Острозскими и Берездовскими, мощно, квалтомъ, на властный кгрунтъ имениа его Крыловского, вночѣ, сена кошеного в копахъ, подданныхъ его Крыловскихъ: Степана Тишевича, Данила Протасовича а Грица Рожка, сто двадцать два возы спалили, а потомъ дей въ томъ же року

шестдесятъ пятѣмъ; мѣсяца августа третѣго дня, такъ же в небытности его, наславши дей есте тыхъ жо бояръ вашихъ Острозскихъ: Хведора Вербовецкаго, а Ивана Соко́ра, с поддаными вашими Острозскими, по вторе мощно, къвалѣмъ, на властный кгрунтъ того жъ имени его Крылова, сеножати его дворные на триста и на тридцать возъ покосили и сено побрати казали; ктому дей, в томъ же року и тогожъ мѣсяца августа девятого дня, в четвергъ, наславши дей есте тыхъ жо бояръ вашихъ Федора Вербовецкаго а Ивана Соко́ра третій разъ мощно, къвалѣмъ, на властный кгрунтъ имениа его Черницкое, на сеножати подданого его Черницкаго Хведора Воробья и трехъ сыновъ его: Ивана, Дмитра а Якова, збили, изранили и четверо коней взяли, а з самыхъ сѣриаги, шапки, поясы с калитами и с пенязми готовыми побрали и многие кривды и шкѣды ему самому и подданнымъ его; в пошошенью сѣнъ, в побраню маестностей ихъ, подѣлали; за четвертымъ мандатомъ жаловатъ князь староста о томъ, штожъ дей вжо по тыхъ всихъ першихъ кривдахъ и квалтехъ, бѣгахъ, грабежахъ и наежчкахъ ему отъ васъ самыхъ, вридниковъ и слугъ, бояръ вашихъ поделанныхъ, вышей в семъ листе нашо́мъ описанныхъ, будучи дей ему у Вилни при насъ, господари, на сойме валномъ, всимъ землямъ нынешнего панства нашего великого князства Литовского зложеномъ, в року прошломъ шестдесятъ пятѣмъ, мѣсяца ноября первого дня, наславши дей есте бояръ своихъ Острозскихъ: Федора Вербовецкаго а Ивана Соко́ра з иишими многими слугами, бояры и поддаными вашими, а помощниками ихъ, къвалѣмъ на имениа его Каликиевъ, которые дей, наславши на тое имениа его, подданныхъ Каликиевскихъ нашедчы на гребли Каликиевской, нобили и поранили и чотырохъ чоловековъ, на имя: Зѣнца, Ивашка, Василя, а Вориса, поймавши и позбивавши, зъ собою повели, а кони, быдла остатовъ, што вжо небожята люде, после першихъ квалтехъ были здобыли, то все побрали, а потомъ дей у тымъ дне, тогожъ мѣсяца ноября десятого дня, наславши дей есте другого боярина своего Острозского, Федора Колоденьского, такъ же з многими слугами, бояры и поддаными вашими, мощно, къвалѣмъ на имениа его Русивъ, на домъ боярина его, Ивана Лозицкого, — самого того боярина Лозицкого збили, змордовали, а сына его Грицка изранили и шкѣды не малые в тотъ часъ, в побраню остатку маестности, ему самому и подданнымъ его поделали; которыхъ жо дей кривдъ и шкѣдъ зо всими тыми квалтовными посылками вашими отъ тыхъ всихъ

верху писанных бояръ, слугъ и людей вашихъ в ѡйменяхъ, селехъ и на кгрунтехъ его первопомененныхъ, ему самому, слугамъ, боярамъ и подданнымъ его поделанныхъ, князь староста реестръ меновите написанный передъ нами, оказовалъ. И на онъ часъ, по вычитаню мандату, поведать князь Корецкий, же за тыми мандаты принять бытъ роѣ вашъ передъ нами, ку росправе з нимъ стати за трема мандаты мѣсяца декабріа сегомонадцать дня, в году минуломъ шестдесятъ пятомъ, а за четвертымъ тогожъ мѣсяца декабріа двадцать четвертого дня; на которые то обадва роки князь староста передъ нами оповѣданье и пилность ку праву чинилъ, и по рокахъ, черезъ немалый часъ будучи, онъ zde у Вилни, насоймѣ, при насъ, господари, частокротне прозьбами своими о учиненье ему з вами в тыхъ речахъ справедливости усилуваъ; нижили передъ инъшими болшими и важнейшими справами написанными и земскими, не будучи дей намъ доспешнымъ тое речи ваши слухати и судовне отпраовати, за прикладаньемъ и помынаньемъ по колко кротъ роковъ, стягнулася тая справа ваша ажъ до дня мѣсяца генваря осмого, в году минуломъ, шестдесятъ шостомъ, гдежъ, будучи намъ на суде с паны радами нашими ихъ милостю, по вчиненю жалобы черезъ князя Корецкого за оними мандатами, верху описанными, отъ твоей милости пане Лаский служебъникъ твой, Якубъ Кресинский, менячися бытъ умоцованнымъ твоимъ, sprawy противъ князя Корецкого домоваяся, абы князь староста первой того довелъ, если тебе тыми мандаты позваъ, а князь Корецкий не хотель того мовента его у права приймовати, абы первой Кресинский моцъ отъ обудвухъ васъ в той речи показалъ. Кресинский положилъ листь умоцованный одного твоей милости, пане воеводу, с печатю и с подписью руки твоее властное, который бытъ вычитанъ передъ нами и слово отъ слова такъ ся в собе метъ: я, Лаский Олбрыхтъ, воевода Сирацкий, визнаваю тымъ моимъ листомъ, ижъ што воевода Кневский, маршалокъ Волинское земли, староста Володимерский, князь Костентинъ Костентиновичъ Острозский, позваъ мене и малжонку мою паню Беату с Костелца Княжну Острозскую мандатомъ его крелевское милости о насланье кгвалтовное подчасомъ военнымъ на имене Славенское и о шеоды в томъ имену поделанные, которое собе на мандате от неякого Павла Итцолды быти менилъ; особливе тежъ, што староста Луцкий, Бряславский и Вѣницкий, князь Богущъ Хведоровичъ Корецкий позваъ мене и малжонку мою мандаты двѣма о кгвалтовные наезды, бои, грабежи и о попаценъя сѣна,

которые собѣ отъ земянъ моихъ Острозскихъ: Федора Вербовецкого, а Ивана Сокора быти менилъ; яко тая вся справа ширей и достаточней на тыхъ мандатехъ есть доложона, где ся, отъезжаючи на пыльные а важные потребы его королевское милости и корунтныне, имѣ за тыми мандаты на року собѣ назначеномъ стати и в отказе быти не могу, про то в томъ отъеханю своемъ, давши зуполную моцъ служебнику моему, Явубу Кресинскому, на томъ року, за тыми мандаты припаломъ, на збыте тыхъ мандатовъ причинами слушными и у права передъ его королевскою милостю а ихъ милостю паны радами, которого тымъ мандатомъ в томъ, яко и во всехъ справахъ моихъ, передъ его королевскою милостю припалыхъ, на томъ соймѣ теперешнемъ и по розъехантю соймовомъ модно чиню, вирючи и змоцаючи ему вси поступки правные тые зыски и страты во всехъ потребахъ моихъ справовати. И на то есмь ему далъ сей мой листъ подъ моею печатю и с подписомъ властное руки моее. Писанъ у Вилни, лета Божого нарочена тисеча пятьсотъ шестьдесятъ пятого, месяца декабря пятогонадцать дня. Князь, староста Луцкій, выслушавши того листу умоцованого и заховавши впередъ всѣ причины правные к тому листу умоцованому мовити, на онъ часъ тую толко одну причину, розумеючи ее быти головнейшою, поведиль, ижъ в томъ листе порученомъ твоемъ, пане Лаский, не дана дей была Кресинскому моцъ ку отказу и розправе з нимъ судовной о самые речи, о што онъ васъ позвалъ, але дей толко дана ему моцъ ку збиваню мандатовъ, зыскъ и страту в томъ поручаючи, к тому повѣдиль князь староста, ижъ онъ тыми мандаты позвалъ твою милость, пане Лаский, и малжонку твою, пани Беату с Костелца, княгиню Острозскую, а моцъ тая была дана толко от самого тебе, пане воеводо, и не до правного мовенья, одно до збиванья мандатовъ, и докладаль того, же дей тые именья не таяъ много суть твое, пане Лаский, хотяжъ в держаню ихъ есте-сь, яко твоя, пани воеводиная; и с тыхъ дей причинъ онъ Крестинского за модного ку мовеню правному в той справѣ приёмовати не могъ, и домовлялся, абы Кресинскій моцъ отъ самое твоей милости, пани Лаская, если бы мѣлъ, оказалъ. Кресинскій повѣдиль, ижъ ему моцъ отъ тебе не есть потребно покладати, а жебы досыть мело ему быти ку праву моцы самого твоей милости, пане воеводо, тыми причинами то выводячи, ижъ ты, пане Лаский, на мандатехъ в головахъ чрезъ князя старосту описанъ и обжалованъ естесь, и к тому, будучи малжонкомъ, головою старшого, яко самую малжонку

свою, такъ и именья ея въ моцѣ, опеке и обороне своей маєшь, и яко бысъ ты мѣлъ быти о именьяхъ ея самъ одинъ, кромѣ ея порученія чинити, и вѣрага мовити; князь староста поведилъ: ачѣмъ-либѣ онъ на мандатахъ вѣ головѣхъ самого тебе, пане воеводо, яко старшого, а малжонка княгини Острозское описалъ, а не тые именья, с которыхъ ся ему тые квалты, кривды в забирають кгрунтовъ и инъшихъ шкодахъ стали; суть самое тебе, пани Лаская, и для того потребовалъ видети моцѣ самое твоее милости. Кресинский, попереючи перное повести своее, ижѣ водно тобѣ, пане Лаский, самому, яко головѣ, именья малжонки своее правомъ чинити, догладать и того, же дей ты, пани Лаская, ему, малжонку своему, вси именья свои записала и в моцѣ поступила. Князь Корецкий поведилъ, ижѣ онъ о тыхъ записахъ ни чого не ведаеть; Кресинский припушалъ то памети нашої господарской, яко бы ся то з ведомство нашою дѣяти мало быти, же пани Лаская, будучи въ Петриковѣ, на Соймѣ, пану Ласкому, малжонку своему, вси именья свои записала, где-жѣ за тымъ пытати есѣмо казали Кресинского, естлибы то на писме мѣлъ, ку праву оказалъ, же ты, пани Лаская, малжонку своему именья свои записала, — не показалъ и ничимъ того ведле права не довелъ; гдежѣ мы, обмовившися о томъ с пани радами нашими ихъ милостю, нашли то, абы Кресинский моцѣ отъ самое тебе, пани Лаская, указалъ; нижили Кресинский и моцѣ жадное не поюжилъ, а такъ мы, господарь, на онъ часть того мовенья ихъ з обоу сторони достаточнѣ выслушавши а оглядавши, ктому листовъ вызнанныхъ дворянъ нашихъ: Григоря Кацевича а Миколая Войдена, черезъ князя Корецкого передъ нами покладанныхъ, съ печатью и с подписомъ рукъ ихъ властныхъ, которые дворяне наши тебе, пане Лаский, тыми мандаты нашими отъ князя Корецкого позывали, гдежѣ сознание оныхъ дворянъ нашихъ на тыхъ листехъ ихъ посведчило и оказало то, же ты, пане Лаский, очевисто черезъ нихъ тыми мандаты естѣсь позванъ, а на листѣ одного з нихъ, Воденевомъ, и того доложено, же ся твоя милость обедалъ передъ нами стати и во всемъ ся князю старостѣ уоправедливити, а около року, за тыми мандаты зложеного, згодилося сознание ихъ с повестю князя старостиною, верхучишеною, и повторѣ; обмовивши мы около того з ихъ милостю пани радами нашими, а видечи то, кдыжѣ князь староста Луцкий позвавъ быль тыми мандаты нашими обѣхъ васъ сполне, зъвланда о квалты, утиски, и кривды поделанные з именей самое твоей милости, пани воеводина, и

в забранію кgrundовъ его и починенію инѣшихъ шкодъ, а служебниѣ милости твоей, пане воеводо, передреченый Якубъ Кресинскій, толко отъ одного твоей милости моцъ положилъ и то одно ку збыванію мандатовъ а не ку судовной справе отъ самое тебе, пани воеводиная, моцъ жадной не показалъ ани тебѣ того ничимъ ся з стороны твоей, пане Лаский, подпиралъ; жебы малжонка твоя мела тобѣ именя свои записати тутъ, у суду нашего, за пытаньемъ нашимъ не довелъ и тыхъ записовъ не показалъ, а за мандатомъ, ижъ рокъ кождый есть певный, яко завитый, кгдажъ таковыя мандаты уфалены были на сойме валномъ для прудкое справедливости людское; с тыхъ причинъ знавши есмы то вырокомъ нашимъ, же князь староста Луцкий за тыми чотырма мандаты нашими в онъ часъ року противъ васъ обудвухъ устатъ и за таковымъ непослушенствомъ и нестанемъ вашимъ ку праву, захорываючи мы князи старосту Луцкого в томъ водлугъ обычаю права посполитого, статуту земского, сказали есмы вырокомъ нашимъ господарскимъ кgrundы тые, в мандатехъ и вышей в семъ нашимъ листе меновальне, описаные, князю старосте Луцкому в держане до права, а за кватиты головщину, навязки и шкоды, при тыхъ квалтовныхъ наездахъ поделаные, сказали есмы на васъ, также до права суму пенязей водде реестру, черезъ князя Корецкого положеного, который, з розказаня нашего, для певности тое речи впередъ, запечатанъ есть печатю нашою господарскою и рукою писара нашего подписанъ, казавши тое все с канцлерей нашою ошачовати, подіе статуту з навезкою некоторые шацункомъ, в статуте описаномъ, а чого в статуте не описано, то водде новести поданныхъ его, яко ихъ што коштовало, водлугъ которого реестру учинило таковую суму пенязей: за тридцать пять квалтовъ—за каждый квалтъ водлугъ статуту по дванадцати рублевъ грошей, чинить семсотъ копъ грошей, а за одну головщину чловека тяглого а навязки слугъ, бояръ, шляхтичовъ, слугъ путныхъ, отамановъ, рикуней, будниковъ, бортниковъ, невестъ, людей тяглыхъ, кладучи каждую навязку водлугъ статута, чинить тысячу сто пятнадцать копъ грошей, за каждый при тыхъ квалтовныхъ наездахъ и боехъ, поделаные, чинить двадцать две тысячи семьсотъ девяностъ шесть копъ грошей и пенязей девяти, а навязки шкодамъ, водлугъ статуту такъ же много кладучи, чинить шкоды з навезкою сорокъ пять тысячъ пять сотъ девятдесятъ две копы и одинъ грошъ, пенязей осмъ; того всего за квалты, навязки, головщину, за шкоды, и навязку шкодамъ, головою

сумою—чинить сорокъ семь тысячъ, чотыреста семь копѣ, одинъ грошъ, и пенязей осмѣ. И за тую суму сказали есмо князю старостѣ Луцкому увязанье до права в люди именей властныхъ самое твое милости, пани Лаская, с которыхъ собѣ князь староста тые ктвалты, кривды и шкоды менить быти починные, водлуть статуту, за каждую десять копѣ грошей в службу людей, то есть два дыми людей Волынскихъ; а где бы в тыхъ именьяхъ твоихъ, с которыхъ ся князю Корецкому ктвалты и шкоды стали, такъ много людей не было, штобы тую суму, за шкоды ввязаную, вынесло, тогда и з иншихъ именей вашихъ, люди по тому жъ ведле статуту; штобы за тую суму, вышей описаную стояло, яко и ввязати есмо в то князя старосту послали были заразомъ з оного-жъ сойму виленского дворенина нашего; нижи борздо а по томъ выроку нашомъ з некоторыхъ певныхъ причинъ, а для лепшого вашего, рассказали есмо листъ нашъ писати до князя старосты луцкого, и с подысомъ властное руки наше к нему послали, уживаючи и ожедаючи его милости в томъ, абы онъ того увязанья позанекалъ и задержался с тымъ до сойму Берестейского прошлого в ономъ жо году, шестьдесятъ шостомъ, маючи вою то промежду васъ на ономъ соймѣ Берестейскомъ, постановити и померковати, гдежъ князь Корецкий, на писане наше, а чинячи досить воли и жадливости нашей господарской, оного увязанья позанекалъ и не уживать его противъ васъ, подле выроку сказаня и листу нашего увязного, одножъ, про небытность нашу господарскую на ономъ соймѣ Берестейскомъ, в той речѣ, на которое ся застановене промежду васъ нестало, а князь Корецкий, будучи от насъ ужитъ, абы ся с тымъ увязаньемъ не сквалпиль, терпѣливымъ в томъ былъ, не увязывался во пмена ваши ажъ и до сихъ местъ; лечь ижъ твоя милость, паве воеводу Сирацкый, вѣдаючи о такомъ выроку нашомъ, противъ себе вделаномъ, такъ яко и о томъ, же есмо тое увезанье, яко верху поменено, для вашего лепшого и спокойнейшого, уживши в томъ князя Корецкого, жаданемъ нашимъ задержали, а будучи потомъ колкокротъ у насъ, господаря, не хотечи ся въ томъ чути, и жадного застановенья въ тыхъ речахъ съ княземъ Корецкимъ вчинити, а князь Корецкий, будучи зде при насъ, господари, на теперешнемъ сойме Городенскомъ, просиль насъ, абыхмо ему в томъ далей того надъ право посполитое выровъ нашъ шкоды приимовати не узычали, але яко того увязанья водле оного выроку нашего, верху припоминаного, ему призволили и дворенина нашего увязчимъ ему на

то придали; а такъ мы, заховываючи князя старосту гедле оногo вы-
року нашого, на сойме Виленскомъ вчиненогo, и водлугъ листу на-
шого увязчого, на онъ же часъ ему в той речи до васъ даного, по-
слали до васъ дворенина нашого Ивана Семеновича и рассказали ему
князя старосту, яко в кгрунты на вышнее выроку нашого и в семь
нашомъ листе вышей меновите описанне, князю Корецкому до права
прислужоны, и за суму пенязей, и за головщину, квалты, навезки и
шкоды на васъ сказаную сорокъ семь тысячъ чотыриста семь копъ,
оденъ грошъ, пенязей осмъ, в люди именей самое твоеи милости пани
воеводиная, и тежъ хотя будешъ ли твоя милость, пане Лаский, ко-
торое право записи до тыхъ именей мѣти, с которыхъ онъ тые квалты,
кривды и шкоды менить быти почыненые, водлугъ статуту, за кождукъ
десять копъ грошей в службу людей, то есть в два дымы людей во-
лынскихъ, а гдебы в тыхъ именахъ вашихъ, с которыхъ ся Князю
Корецкому квалты и шкоды стали, такъ много людей не было, што
бы тую суму за шкоды сказаную вынесю, тогда у в ышнихъ именахъ
вашихъ люди, по тому жъ ведле статуту, што бы за тую суму, вышей
описаную, стояла, до права увязати и в держане ему подати; про то
приказуемъ вамъ, абы есте, о томъ вѣдаючи, тому дворенину нашему
в томъ противни не были, яко увязованы в кгрунты, верху описаные,
князю Корецкому в держанье до права сказане, и в суме пенязей, за
шкоды сказаной, перво помененой, в люди именей вашихъ сами черезъ
врядниковъ, слугъ и подданныхъ своихъ не борошили, такъ и по ввязанью
нычимся у в оные кгрунты, вышей выображоные, и тежъ в люди че-
резъ того дворенина нашого ему поданые, до права не вступовали, и з
моцы его не выймовали, подъ закладомъ нашимъ сорока тысячами ко-
пами грошей, а о безпечность здоровья того дворенина нашого абы ся
ему, будучи на той справе, никоторая не безпечность здоровья его
от васъ самыхъ, врядниковъ, слугъ, бояръ и подданныхъ вашихъ не
деяла, покладемъ на васъ особливый закладъ нашъ две тысячи копъ
грошей. Писанъ у Городни, лета Божого нароженья тысяча пятсотъ
шесдесятъ осмогo, месяца июля десятого дня.

Книга Луцкая городская поточная 1567 года, № 2042, листъ 241.

Дать грамоты Сигизмунда-Августа, извѣщающія объ отдачѣ на откупъ, на годъ, таможенныхъ пошлинъ великаго княжества литовскаго жмудскому старостѣ Яну Еронимовичу Ходкевичу, подканцлеру литовскому Остафью Воловичу, и еврею Менделю Исаковичу. 1568 года, сентября 5 и 8.

Лѣта Божьего нароженія 1567, ноября 2-го дня, въ неделю.

Пришедши на врьдъ замку господарского, Володимірскаго, передъ мене, Михайла Привередовскаго, подстаростеа Володимірскаго, дворянинъ господарскій, панъ Павелъ Оранскій, то оповедилъ и тѣми словы до книгъ вызнать, ижъ, и что первой сего и при старосте Жомойтскомъ, маршалку земскомъ великаго княжества Литовскаго, справцы и гетману его королевское милости землі Лифланское, державцы Пютелскому и Телшовскому, пану Яну Еронимовичу Ходкевичу, а при подканцлеромъ его королевское милости великаго княжества литовскаго, маршалку дворному, старосте Берестейскомъ и Кобринскомъ, пану Остафью Воловичу, Исакъ Бродавка и дети небожчика Давида Шмерлевича: Шмерль и Лазарь, поборы у великомъ князствѣ литовскомъ и на Волыни отъ его королевское милости, на орандѣ до певного часу, до дня всихъ святыхъ, въ року теперешнемъ, шедесятъ семомъ, которое свято дня вчорашнего въ субботу минуло, держали; а такъ его королевская милость знову тѣмъ вси поборы, на приный годъ, шестдѣсятъ осмий, также пану старосте Жомойтскому и пану подканцлерому, а при ихъ милостяхъ жиду берестейскому, Менделю Исаковичу и товаришомъ его арендовать, и мне, слуге своему господарскому, черезъ листъ свой господарскій розказати рачить, абыхъ я печать, скриньки, ключи, и всю справу поборовую на коморахъ и прикоморахъ поборовыхъ, на тѣмъ свято всихъ святыхъ, отъ Исака Бродавки и детей небожчика Давида Шмерлевича-Шмерли и Лазара, слугъ и справецъ ихъ, взявши, слугамъ и справцамъ пана старосты Жомойтскаго и пана подканцлерого и Менделю Исаковичу съ товариши его слугамъ и справцамъ ихъ жидовскимъ, въ моцъ и справу подаль; ино я, водле листу и розказанія его милости господарскаго, на коморе тутешней Володимірской, печать, скриньку, ключи и всю справу поборовую у справцы

Изака Бродавки и детей небожника Давыда Шмерлевича—Шмерли а Лазара, въ Маира Аврамовича взявши, справцы поборовому его милости пана подканцлерого, пану Михайлу Василевичу Дубницкому на имя его милости пана старосты Жомойтского и пана его, а справцамъ Менделевымъ: жиду Володимірскому, Маиру Изаевичу, а жиду Любомскому, Юде Агроновичу, въ мочь подати, туди которомъ оповеданію и визнаю своемъ выписъ съ книгъ врьдовыхъ замку господарского Берестейского записанъ въ книги листу его королевское милости въ той справе поборовой до Изака Бродавки а детей небожника Давыда Шмерлевича—Шмерли и Лазара писаного, и Менделю даного, и на врьде замку Берестецкого отъ оногo Мендeи показаного, и к тому особливе листъ его королевское милости съ подписанемъ руки и печатю его милости господарского, справы писара его милости господарского, пана Матыса Савицкого до кнзей, пановъ, воеводъ, каштановъ, старостъ и всихъ воецъ обывателей земли Вошынское, въ той же справе поборовой писанный, передо мною на врьде показоваль и просилъ мене, абы тое оповедане и визнае его взяти печати, скринки, ключовъ и всее справы поборовое коморы Володимірское отъ справцы Изака Бродавки и детей небожника Давыда Шмерлевича—Шмерли и Лазара въ Маира Аврамовича, и подане справцы поборовому пана подканцлерого, его милости пану Михайлу Дубницкому, на имя пана старосты его милости Жомойтского и пана его, а справцамъ Менделевымъ: жиду Володимірскому, Маиру Изаевичу, а жиду Любомскому, Юде Агроновичу, и выписъ с книгъ замку Берестейского, листъ его королевское милости перво помененый, въ книги замку Володимірского записано было; а того выпису съ книгъ замку Берестецкого и листу его королевское милости въ справе поборовой писаныхъ, оглядевши и вычитавши, яко тое оповедане и визнае его, такъ тотъ выписъ съ книгъ замку Берестецкого и листъ его королевское милости слово отъ слова въ книги замковые записати казаль, которые такъ ся въ робе мають:

«Выписъ съ книгъ врьдовыхъ замку господарского Берестецкого. Лѣта Божого нароженя тысяча пятаеотъ шестдесать сегомо, месяца октебра пятигонадцать дни, въ середу. Пришедши облычне до врьду господарского замку Берестецкого, передъ мене Дмитрего Сапегі, подстаростего Берестейского, жидъ Берестецкій, Мендель Исаковичъ, передо мною на врьде листъ его королевское милости, съ подписанемъ власное руки его милости господарское и съ подписанемъ руки пи-

сара его милости господарского, пана Матыса Савицкого, писанный справцамъ мыть и поборовъ господаря, короля его милости, въ великомъ князстве Литовскомъ, Изаку Бродавке а детемъ небожчика Давыда Шмерлевича—Шмерли а Лазару, о который листъ просить Мендель, абымъ его до книгъ врьдовыхъ замку господарского Берестейского вписати велеть, которого листу короля его милости я, подстароста, отгедавши, зъ прозбою Менделевую, велеть есми тотъ листъ его до книгъ врьдовыхъ уписать, который слово отъ слова такъ ся въ себе маеть:

»Жикгимонтъ-Августъ, Божюю милостю король Польскій, великий князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Инфлянскій и иныхъ. Справцамъ мыть и поборовъ нашихъ у великомъ князстве Литовскомъ: Изаку Бродавке а детемъ небожчика Давыда Шмерлевича—Шмерлу и Лазару. Ознаймуемъ вамъ, што на сей часть маете и держите тые поборы при старосте Жомойтскомъ, маршалку земскому великого князства Литовского справцы и гетману нашему земли Инфлянское, державцы Плотескому и Телшовскому, пану Еронимовичу Ходкевича, а при подканцлеромъ нашемъ великого князства Литовского, маршалку дворномъ, старосте Берестейскомъ и Кобрыньскомъ, пану Остафию Волювичу, отъ насъ господара на аренде до певного часу, которой аренде вашей рокъ выйти маеть на день свята всихъ святыхъ в року теперешнемъ, шестьдесятъ семомъ, близко пришлого; а такъ мы, господарь, знову тии вси поборы на пришлый годъ, шестьдесятъ осмый, также пану старосте Жомойтскому и пану подканцлерому, а при ихъ милости подданому нашему, жиду Берестейскому, Менделю Исаковичу, яко сведомому и беглому у справахъ поборовыхъ, и товариномъ его, которыхъ онъ къ себе приметъ, арендовали, почавши от того свята всихъ святыхъ в року теперешнемъ, шестьдесятъ семомъ, пришлого, коли ваша аренда выходить, ажъ до другого такового свята всихъ святыхъ, которое в року шестьдесятъ осмомъ быти маеть, для чого до коморъ мытныхъ и поборовыхъ головныхъ, то есть, до Виленское, до Жомойтское, до Ковелское, до Волынскихъ, Подляшскихъ, Городенское, и до всихъ прикоморковъ, к тымъ коморамъ приналежащихъ, послали есмо дворенина нашего Павла Оранского, которому рассказали есмо, аж бы онъ печать, скринки, ключи и всю справу поборовую на тыхъ всихъ коморахъ и прикоморкахъ, на тое свято близко пришлое всихъ святыхъ, от васъ самыхъ, отъ слугъ и справецъ вашихъ взявши, слугамъ и справцамъ пана старосты Жомойтского, и пана подканцлерого,

и Менделю Исаковичу с товариши его, и слугамъ и справцамъ ихъ жидовскимъ в моцъ и справу подалъ, вы бы о томъ ведали, а противенъ и непослушенства никоторого противъ сему росказаню нашому господарскому чинити не смеючи, на часъ помененый всихъ святыхъ, на сконченю тое аренды своее, печать, сырники, ключи и вси справы поборовые, которые на сей часъ в заведеню своемъ маєте, слугамъ пана старосты Жомонтского, и пана подканцлерого, и Менделю Исаковичу с товариши его, слугамъ и справцамъ ихъ, передъ тымъ дворениномъ нашимъ в моцъ и справу на тыхъ коморахъ головныхъ и на всихъ прикоморкахъ, к нимъ приналежащихъ, подали, а черезъ то, сами, в тую справу поборовую не вступуючися, имъ в ней переказы некоторые не чинили конечно, абы то инакъ не было. Писанъ у Книшине, лета Божего нарочена тисеча пятьсотъ шестьдесятъ сегого, месяца сентебрю осмого дни. Которыйжъ листъ его королевское милости Мендель, давши до Книгъ в радывыхъ замку господарского Берестейского записати, и выписъ с Книгъ взялъ себе под мою печать. Писанъ у Берестей. Василей Григоревичъ».

«Жигимонтъ - Августъ, Божъ милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомонтский, Мазовецкий, Инфлянтский и иныхъ. Княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ и княгинямъ, панямъ, старостамъ, державцамъ, вдовамъ, земянамъ и дворянамъ нашимъ, войтомъ, бурмистромъ, радцамъ и всимъ мещаномъ и купцомъ, местъ и селъ нашихъ господарскихъ и князскихъ, панскихъ, духовныхъ, светскихъ, во всей земли волинской лежащихъ. Ознаймуемъ вамъ, пжъ под теперешнимъ тягненемъ особою нашею господарскою обозомъ до войскъ нашихъ, на оборону панства нашего, великого князства Литовского, противко неприятелю нашему, великому князю Московскому, взяли есмо в скорбъ нашъ на заплату людемъ служебнымъ и на выправу двору и обозу нашего певную суму пенязей у старосты Жомонтского, маршалка земского великого князства Литовского, справцы и гетмана нашего земли Лифлянского, державцы Плотельского и Тепловского, пана Яна Еронимовича Ходкевича, а у подканцлерого нашего великого князства Литовского, маршалка дворного, старосты Берестецкого и Кобрынского, пана Остафия Воловича, у подданого нашего, жида Берестейского, Менделя Исаковича, и у товаришовъ его, которого ихъ милость ку себе, яко сведомого справы поборовое, припустили; якоже ще на раты розложоны маютъ въ скорбъ нашъ немалое сумы пе-

незей дати, а иж-бы были певни заплаты своей, панъ староста жомойтский и панъ подканцлерый, а при их милости Мендель жидъ, тогда завели есмо имъ арендою поборы великого князства Литовского, якъ давные, яко и на сойме Берестейскомъ прошломъ уфаленные, отъ товаровъ всякихъ, которые съ панства нашего, великого князства Литовского, за границу, и въ за-границя до панства нашего проважены бывають, на цалый годъ, почавши отъ дня всихъ святыхъ, пришлого свята, въ року теперешнемъ, шестдесять семомъ, ажъ до того року всихъ святыхъ въ року пришломъ, шестдесять осмомъ, яко то на аренде нашей есть описано, о чомъ бы есте ведали, и на коморахъ мытныхъ и поборовыхъ головныхъ и всихъ прикоморкахъ, къ нимъ прислухающихъ, въ земли Волынской лежащихъ, у воеводствахъ, староствахъ, державахъ и тивонствахъ своихъ, где колѣекъ, передъ тымъ и сего году, коморы и прикоморки, сторожатыхъ поборовъ нашихъ бывала и знову, уставлена, такъ въ местехъ нашихъ господарскихъ, яко и въ вавшихъ: князскихъ, панскихъ, духовныхъ и свецкихъ, слугамъ пана старосты жомойтского, и пана подканцлерого, и Менделю Изаковичу съ товариши его, слугамъ и справдамъ ихъ и жидовскимъ, которые за сямъ листомъ нашимъ до коморъ головныхъ и прикоморковъ ихъ, въ земли волынской лежащихъ, приедуть, отъ всякого товару съ кунцовъ нашихъ господарскихъ и своихъ: князскихъ, панскихъ, духовныхъ и светскихъ, изъ за гравича переежчихъ, поборовъ, поршихъ и на Берестейскомъ сойме прошломъ уфаленныхъ, выбирать съ коморъ и прикоморковъ, где здавна мытные суть, и еще, где бы ихъ для устрєженя прекрадающихъ съ товары причинити потреба, допустили и помочь зъ урадовъ нашихъ и зъ вынцевъ своихъ, на промыгу, хто бы свавольне, або по-таемне, проехать, укривися, о погребу, яко въ речи нашей господарской и земской, давали, спротивени, чякого зъ себе не показуючи и инымъ динити не допускаючи, конечно. Писанъ у Книшине, глыя Бужого, парожена тысяча пятсотъ шестдесять семого, месяца сентебрыя пятого дня. Подписъ руки его милости господарское. Матей Савицый писарь.

*Книга Владимірская городская, записовая и нотичная, 1567 года;
№ 934, листъ 183.*

Грамота Сигизмунда-Августа, князю Андрею Михайловичу Курбскому; по томъ, что назначается новый судебный срокъ, по дѣлу его съ Судомирскою каштеляншею, Анною Мацевскою, впредь до выздоровленія ея поврѣннаго, Магнушевскаго; кромѣ того, грамота предписываетъ Курбскому возвратитъ Мацевской 200 овецъ, похищенныхъ въ ея имѣніи. 1568 года, сентября 17.

Лѣта Божіея нароженіа 1568, мѣсяца октебра третого дня.

Пришедши на вѣрѣ замку господарьскаго володимерскаго, до мене, Якимъ Василевича, будучи мене на тотъ часъ на мѣстѣ пана Михайла Павловича, подстаростега володимерскаго, градникъ каштеляновое Судомирское, паней Станиславовой Мацевское, паней Анны изъ Стоянецъ Мацевской, панъ янъ Нєкгошевскій, показати листъ его королевское милости, в справе паней своее, еи милости паней Мацевское, до князя Андрея Михайловича Курбского писанный, о одоуженіе року для фороби пана Войтеха Магнушевскаго, на оставене зачтій и розницъ межи ихъ милостями, чрезъ пана Мигнушевскаго, до выздоровенія его, до светого Мартына, свята рымскаго, близко припѣго, о двѣсти овецъ, которые дѣи у подданныхъ еи милости, паней моеи, взяты, абы князь Курбскій подданнымъ еи милости вернуть вѣщъ, яко ширей на томъ листе его королевское милости описано есть, и вѣститъ мене, абы готъ листъ его королевской милости в книги замковыя заведенъ и вписанъ бытъ, а что того листу королевское милости обѣдавший и достаточне его вычитавши, слово отъ слова в книги замковыя вписати казати, который такъ еи въ себе маеть:

«Жыггимонтъ Августъ, Божію милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомонтскій, Мазовецкій, Инфлянтскій и иныхъ. Старосте Кревскому, князю Андрею Михайловичу Курбскому. Присылаю до насъ каштеляновая Судомирская, пани Ганна изъ Стоянецъ, оповѣдаючи, ижъ што умоцованый пріятель еи, Войтехъ Магнушевскій, именемъ еи постановитъ с тобою, на томъ прошломъ соймѣ в Городнѣ, передъ паномъ Виѣнскимъ, гетманомъ навѣщшимъ великаго князства Литовскаго, старостою Городенскимъ, державцою Могилевскимъ, паномъ Грегоремъ Александровичомъ Ходкевича, а пе-

редъ секретаромъ нашимъ, войтомъ Виленскимъ, державцею Стоклишскимъ, докторомъ Августыномъ Ротундомъ, и иными приятелы, приехавши до тебе, до Ковля, о вси заштѣхъ и розницы, которые ся межъ твоими и ея поддаными, в боехъ, грабежахъ, и в бортехъ, и иныхъ речахъ и шкодахъ дествъ, мелъ с тобою, водле намови, у Городне ученое, конечное застановене приятельскимъ способомъ уделати на певный рокъ, тамъ же в Городне зложоный, на который дей она кды того приятеля своего, Макгнушевского, для хоробы его ку той справе мети не могла, тогды, чинечи досыть тому постановеню своему, служебника своего, Яна Некгошевского, до тебе присылала; нижи дей ты иного никого ку той справе припустити не хотел, одного того самого Макгнушевского, с которымъ ся тое постановене стало, на которого дей Макгнушевского, бытность власнымъ еси листомъ своимъ, до нее писанымъ, отзывалъ; а теперъ-де ея о то ку праву потаеаши; надто, безвинно, у подданныхъ ея двесте овецъ взяти казати; и просила насъ пани Судомирская, абыхмо о томъ до тебе листъ нашъ писати, а тую речъ тебе зъ нею, водле постановена Макгнушевского съ тобою, кончити велели, и кустановеню, дабо послаю Макгнушевского на тую справу по той хоробе его, для дешного, способнейшого выздоровена его, часу ему узычили, и тые овцы, у подданныхъ ея побраные, вернути ей велели; ино, кды жъ она того приятеля своего, Макгнушевского, не для чего иного, — одно для хоробы его, на онъ часъ до тебе послати не могла, также и теперъ, для неспособного здорovia его, пани послати, и онъ самъ ехати не можетъ, твоя бы милость съ тою справою на застановене тыхъ заштей и розниць межъ нею и тобою, черезъ Макгнушевского, до выздоровена его, до светого Мартина, теперъ, близко пришлого, римского свята, въ семь року, шестдесятъ осмомъ, подождать; а подданнымъ своимъ ку ея подданнымъ до того часу спокойне заховати и тые двесте овецъ, еси будутъ у подданныхъ ея взяти, им вернути велеть. Писанъ у Варшаве, лѣта Божого нарочена тысяча пятсотъ шестдесятъ осмого, месяца сентебра семонадцать дня. Базилиушъ Древинский, цисарь».

*Книга Владимірская городская, записовая и поточная, 1568 года,
№ 935, листъ 137 на обор.*

Грамота Сигизмунда-Августа, къ сборщикамъ податей: князю Дмитрію Козекъ и Ивану Гулевичу, предписывающая имъ принять подати изъ имѣній князя Андрея Михайловича Курбскаго, безъ взысканія штрафа за несвоевременную уплату оной. 1568 года, октября 5.

Лѣта Божіея роженія 1568, месеца ноябра двадцать второго дня.

Постановившіся обличне на враде замку господарского, Володимерского, передо мною, Павломъ Григоровичомъ Оранскимъ, на тотъ часъ будучимъ подстаростимъ володимерскимъ, а передо мною Иваномъ Петровичомъ Калусовскимъ, судіею княжскимъ володимерскимъ, князь Дмитрей Анѣдреевичъ Козека, а панъ Иванъ Михайловичъ Гулевичъ, поборцы повету Володимерского, на року за позвы кгородскими припаломъ, жаловали, водле позванія своего, на князя Андрея Михайловича Курбского, старосту Кревского, тими словы: што-жъ который платъ подымный его королевская милость съ паны радами ихъ милости князи, паны, владовниками земскими и дворными, и послами поветовыми, ии всеми станы, сойму належачими, на сойме великомъ валномъ Городенскомъ, въ року теерь-идучомъ, шестъдесять осмомъ, съ подданныхъ своихъ господарскихъ, и тежь княжскихъ, панскихъ и землянскихъ, духовныхъ и светскихъ, уфалити и постановити, и роки отданію того податку зложити рачиль, на которые еслибы хто не отдалъ, тогда совито заплатити повинень, яко ширей и достаточней меновите на рецесе и листе его королевское милости описано есть, почому хто отъ чого и на которые роки до бирчихъ поветовыхъ отдавати маеть, и въ неотданію яко ся бирчие заховати и поступовати въ томъ мають, то таеъ рокъ первый, на который половину того податку каждый отдати былъ повинень, вже давно минулъ, а князь-де Курбский, не ведети для которе причины, половицы того податку, на сойме уфаленого, первое и на рокъ первый намъ, яко бирчимъ поветовымъ, зъ быменей своихъ, въ повете володимерскомъ лежачихъ, не отдалъ. Мы, заховываючися въ томъ, ведле поставенія и рецесу сойму городенского, позвольт кгородскимъ о неотданіе того податку половицы первое, на рокъ

зложонный, его позвали и тотъ позовъ на праве передъ нами положили, который имъ читанъ былъ. По вычитанью позову, служебникъ князя Андрея Михайловича Курпского, Миколай Богуневский, тутъ же стоячи, очевидно за истомъ мопованнымъ князя его милости пана своего, который передъ нами показаль, на то поведиль: панъ мой, князь Андрей его милость Михайловичъ Курпский, не безъ причины, але въ причинную то, есть за небыгностю его милости самого у Ковѣ, и ктому иж-дей вранникъ его милость Ковелский, пригодне есть пострелен, для того-дей на роѣ назначонный отдавю тыхъ пенезей, отдати пооменикано, а ведже-дей после того року, но два вротъ, тые пенензи плату подымную до васъ, панове поборцы, князь его милость панъ мой посыаль, ваца-дей милость пенензей безъ совитости брани не хотели, и показаль выпись съ книгъ замку Володимірского оповеданя на вранде, суръ его милости князя Курпского пана своего Грышки Клецковсого а Шимона Меженсого, иж-дей князь Козека тыхъ пенензей безъ совитости брани не хотель и вызнаня возного, повету Володимірского, Хаца Чувата, иж-дей при немъ тые слуги князя Курпского зъ ыменей князя своего его милости пана своего Ковелскихъ гроши подымные князю Козеце отдавали, а онъ дей тыхъ грошей подымныхъ въ нихъ взяти не хотель и не взялъ, поведаячи, ижъ вже роки отдавю того податку проминули, прото дей безъ совитости брани не буду, але-дей нехай князь вацъ прише зъ совитостью, тогды-дей я озму, а въ посланца пана Михаила Малипского на завтрее-дей после того въ середу, таковый же платъ подымный при мне, возномъ, взять; потомъ служебникъ князя Курпского, Миколай Богуневский, поведиль, вгдыкъ дей, ваша милость, панове поборцы, того податку отъ князя его милости пана моего безъ совитости взяти не хотели, князь его милость панъ мой, о то посыаль до его королевское милости, а такъ его королевская милость листъ свой господарский до вашей милости писати казати рачиль, розказуючи, абы ваша милость тотъ податокъ съ причинъ перво-помененныхъ, и въ листе его милости господарскомъ описанныхъ, звлаца, ижъ имене Ковелское есть властность его милости господарская, безъ совитости взяли и тотъ листъ его королевское милости отворонный, съ подисомъ руки его милости господарское, до поборцовъ повету Володимірского, — князя Дмитрия Козеки, до пана Ивана Гулевича, передъ нами показаль, писанный тыми словами:

»Жикгимонтъ-Августъ, Божю милостю король Польскій, великий

князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкый, Лифлянский и иныхъ. Поборцамъ повету Володимерского на выбиране податку земского, на сойме недавно минуломъ Городенскомъ уставленнымъ, князю Дмитру Козеце а Ивану Гулевичу. Писалъ и присылалъ до насъ староста Кревский, князь Андрей Михайловичъ Курпский, о томъ, ижъ-дей, за небытностю его самого у Ковѣ, и къ тому-жъ, ижъ владникъ его Ковелский пригодне есть постреленъ, для того-дей пенези серебицныы зъ именей Ковелскихъ, водле уфаны сойму Городенского выбранные, на рокъ, отданю тыхъ пенезей назначоный, до васъ отдати поомешвано; а вы-дей теперь безъ совигости тыхъ пенезей приняти отъ него не хочете; и просилъ насъ, абыхмо листъ нашъ о томъ ему до васъ дати велели; а такъ, кдыжъ тые пенези серебицныы не за недбалостю его, але за тыми причинами поменеными на рокъ назначоный не отданы, зважа, ижъ имене Ковелское есть власность наша господарская, для того приказуемъ вамъ, ажьбы есте тые пенези серебицныы, зъ именей Ковелскихъ выбранные, у князя Курпского безъ совитости взяли и трудности некоторые въ томъ ему не чинили конечно. Писанъ у Варшаве, лета Божого нароженя тысяча пятсотъ шестдесятъ осмого, месеца октября пятого дня. Тутъ подишь руки господарское, а потомъ писарское, пана Михайла Гарабурды. Панове поборцы: князь Дмитрей Козека а панъ Иванъ Гулевичъ мовили, што ты, Богушевский, поведаешъ, жебы панъ твой, князь Курпский, тые пенези, плату подымную, двакротъ до васъ посылать; ино, съ пенезми оденъ разъ, а не два, а другой первый разъ безъ пенезей, толко доведываючися, где бы до насъ съ тыми пенезми послати мель, присылалъ; и то не передъ рокомъ, а ни на рокъ назначоный, але после року, што на властныхъ листехъ князя, его милости, пана твоего, до насъ писаныхъ, покажемо; яже и тые листы князя Курпского, до нитъ писаные, два передъ нами показали; поведаючи, ижъ за неотдане на рокъ назначоный безъ совитости брати не хотели, и мовили, же-дей то и самъ признаваешъ и на выписе вradoвомъ, такъ тежъ и на листе его королевское милости поменено, а што-дей на выписе вradoвомъ вызнано возного написано, яко быхъ я, Дмитръ Козека, на завтрее, после того, яко князя Курпского: слуги съ тыми пенезми подымными до мене приежчали, въ посланца пана Михайла Малинского таковой-же платъ подымный взяти мель, ино-дей того не было, и ачъколько-дей тотъ податокъ не на што иного, одно на оборону речи посполитое, на людъ служебный

уфалентъ, и на таковыхъ, хто бы на рокъ, отданю того податку назначоный, не отдалъ, тотъ обовязоу учинентъ, абы совито заплатилъ, яко и князь Курпский за неотдаче того податку на рокъ назначоный, водле уфалы соймовое въ совитость упалъ; а те ижъ его королевская милость листъ свой господарский до насъ писати казати рачилъ, росказуючи, абыхъмо, съ причинъ, въ листе его милости господарскомъ помененыхъ, у князя Курпского тые пенези безъ совитости взяли. Мы, чинечи досыть воли и росказаню его милости господарскому, тые пенези, плату подымного, еси же еси ихъ принесъ отъ пана твоего, князя Курпского, безъ совитости озмемъ. А такъ тотъ листъ его королевское милости при себе оставимъ и часу чиненя личбы имъ ся въ томъ боронити будемъ. Служебникъ князя Курпского, Миколай Богушевский, противу тому поведилъ; же тыхъ пенезей, плату подымного, отъ пана своего до васъ, панове моборцы, не принесъ, бо яже есте перво безъ совитости брати не хотели, тогда князь его милость, панъ мой, писалъ до его королевское милости и до пана гетмана его милости, даючи о томъ ведати, и за тымъ его королевская милость тотъ листъ свой господарский до васъ писати казати рачилъ; абы тые пенези безъ совитости взяли, а панъ гетманъ его милость до князя его милости, пана моего, листъ свой писати рачилъ, абы князь его милость, панъ мой, тые пенези и реестры выбираня того податку до его милости послалъ, хочечи казатъ личбы прослухати и тые пенези взять, а его милость своимъ квитомъ съ того квитовал и за писаньемъ листу его милости пана гетмана, яко тые пенези подымные первое раты, такъ тежъ и другое раты, зо всихъ именей Ковелскихъ, казавши выбрать, до его милости пана гетмана послалъ, и показалъ цедулу подъ печатью князя Курпского, пана своего, по полски писаную, поведаячи, ижъ-дей тую цедулу панъ мой, князь Курпский, зъ листу его милости пана гетмана, до его милости писаного, тотъ одень артикулъ, абы тые пенези и реестра до его милости послалъ, выписати казатъ, и для ведомости до васъ послалъ, которая цедула написана есть тыми словы: въ томъ же листе своемъ, ускаржатисе передо мною ваша милость на поборцовъ поветовыхъ рачишъ, которые, розгневавшись на вашу милость, пенезей, на оборону поставленныхъ зъ ыменей прилеглыхъ, ани приймають, ани личбы вашей милости слухать хотять, и просишъ мене ваша милость о науку, штобы зъ тымъ ваша милость чинити мелъ, а такъ, милостивый пане, поневажъ ихъ милость, тамътые панове, противко

вашей милости такъ зубато поступаютъ, тебѣ ваша милость за обе рате съ тамѣтыхъ именей своихъ пенези казавши выбрать и реестра справить, рачиль тые пенези весположъ и реестра до мене прислати, а оказавши, личбы прослухать, а водлугъ ней пенези одбирать буду, зъ того вашу милость квитиовать, што ваша милость стане за квити поборцовъ тамѣтыхъ. Данъ зъ Брестовець первогонадцать октебра. Панове поборцы поведели: мы того не ведаемъ, если же князь Курпский тые пенези до пана гетмана его милости послать, або не послать, бгды-жъ листу его милости о то до себе не маемъ и квиту не видимъ, прото мусимъ ся зъ братею своею, зъ шляхтою того повету Володимерского въ томъ намовить, звлаща ку ведомости князя воеводы его милости Волынского и иншихъ ихъ милости пановъ, передъ которыми есмо личбу чинить повинни, и паномъ посломъ, на сеймъ до его королевское милости отправенымъ, донести, и до его королевское милости послать, даючи о томъ ведать и просечи о науку, што съ тымъ чинить; а што ся дотычетъ листу его королевское милости, до пановъ поборцовъ писаного, ино ижъ промежку обудву сторонъ, то есть пановъ поборцовъ и служебника князя Андрея Курпского, Миколая Богушевского, споръ стать; панове поборцы хотели тотъ листъ его королевское милости при собе оставить, а служебникъ его милости князя Курпского, Миколай Богушевский, хотелъ, абы ему зася былъ верненъ, и для того обедве стороне, на то зволнвши, тотъ листъ его милости господарский до справы skuteczne тих речи при враде оставили, и просили зъ обудву сторонъ, абы тая справа въ книги замковые была записана. Мы то все достаточне для памяти въ книги замковые записать казали.

Книга Владимирская городская, 1568 года, № 935; листъ 151.

58.

Грамота Сигизмунда-Августа, извѣщающая объ отдачѣ на годъ въ откупъ таможенныхъ пошминъ евреямъ: Менделю Изаковичу и Липману Шмерлевичу, и приимающая всѣхъ жителей великого княжества литовскаго оказывать откупщикамъ возможную помощь при сборѣ пошминъ и не способствовать тайному провозу товаровъ. 1568 года, октября 20.

Року 1568, декабря 5 дня.

Пришедши на врьдъ его королевское милости, въ замокъ Луцкій, до мене Яроша Палишевского, воротного замку Луцкого, въ тотъ часъ будущо на месцу Петра Хомека, подстаростего Луцкого, писаря коморы Луцкое побору и мыта его королевское милости, Давыдь-Марковичъ а Мойзышъ Юсковичъ, показовали мни листъ его королевское милости подъ печатю и съ подписомъ власное рѣки его милости господарское, просечи, абы былъ вычитанъ и въ книги продскіе уписанъ, который листъ, такъ ся въ себе маеть:

«Жигимонтъ-Августъ, Божію милостю король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Лифляндскій и иныхъ. Княземъ, паномъ, духовнымъ и светскимъ, воеводамъ, каштеляномъ, княгинямъ, панеямъ, маршалкамъ, врьдникамъ нашимъ земскимъ, и дворнымъ старостамъ, державцамъ, тивуномъ ихъ, и наместникомъ земляномъ и дворяномъ, нашимъ, и тебѣ войтомъ, бурмистромъ, райцамъ, мешаномъ местъ нашихъ: Луцкого, Кремянецкого, и Володимирского и иныхъ местъ и селъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, панскихъ, духовныхъ и светскихъ, въ земли Волинской лежачихъ, а особливе людемъ купецкимъ такъ хрестіаномъ яко и жидомъ, и иного стану людемъ, и всимъ тымъ, которые козвекъ именья и оселости свои земские и местские мають въ земли Волинской, што которые поборы отъ всякихъ товаровъ по всему панству нашему, великому князству Литовскому, такъ давней и повьторе другій поборъ на соймехъ валныхъ на потребу речи посполитой, а меновите на оборону земель Флянске, уфаленные, арендованные суть отъ насъ господаря, старосте Жомойтскому, маршалку земскому великого князства Литовского, державци Плотескому и Телшовскому, пану Яну Ерониму Ходкевичу и подканцлерому нашему великого князства Литовского, маршалку дворному, старосте Берестейскому и Кобринскому, пану Остафью Воловичу, якобы за дозренемъ ихъ милости и чиннымъ ни то, не отдавши побору на коморахъ пограничныхъ, нотаемъ не съ товары не могъ проезжати за граници панствъ нашихъ водле позволенья староствъ на сойме, каждый въ гасъ, пановъ и вышешюмененыхъ въ замцехъ, дворехъ, местехъ и селехъ, въ нашихъ господарскихъ и въ своихъ коморъ сторожу держати допустели; ни жли панъ староста Жомойтскій и панъ подканцлерый, будучи быти забавли справамъ нашими господарскими и земскими, а ведаючи на то людей беглыхъ и сведомыхъ справъ поборовыхъ подданныхъ нашихъ, жидовъ Берестейскихъ: Менъ-

дела Исаковича а Липмана Шмерлевича за ведомостю и позволенемъ
 нашимъ господарскимъ, поручали имъ теми поборами отъ себе справо-
 вати, которыми ажь по сей часъ и платечи въ скорбь
 нашу все сполна на раты, за плате розложенные, а въ ар-де нашей
 описанье, которые въ томъ укривжонные сираве поборовой намъ ознай-
 муютъ, же многие зъ насъ въ замцехъ, въ местехъ, и въ селехъ на-
 шихъ господарскихъ, такъже и во всехъ коморахъ при границахъ на
 озбирантѣ побору отъ товаровъ и сторожи нромыты стеречи не до-
 пустили, за чимъ великая шкода потребе земской дѣется такъ, ижъ
 зъ скорбу нашей на тое место великая сума выдана на людъ слу-
 жебный, а зособна вытрученѣ за тое не допущене, коморъ места хо-
 чутъ водле аренды нашей; а ижъ вжо въ аренде пана старосты Жо-
 монтского и пана подканцлерого на тые поборы день всехъ святыхъ,
 въ року нынешнемъ, шестѣдсѣть осмомъ, выходить, про то мы, хотечи
 пожитковъ и шкоды земское постеречи, абы никто укрыватися не
 сметь занеханьемъ некимъ тогожъ по колко годовъ, коморъ и при-
 коморковъ на выbrane поборовъ и сторожи на то при границахъ
 панства нашего, великого князства Литовского, не поступлено, за чимъ
 себе такой пожитокъ отъ людей купецкихъ потаемене проежчающихъ съ
 товары за границу множила и скорбви нашему, ко-
 торый себе великий поносить школу
 ободва давнешний и на сойме
 Берестецкомъ прошлому ухваленый, отъ товаровъ всякихъ купецкихъ,
 которые сухимъ и воднымъ путемъ за границу и зъ за граница про-
 вадить ку вернымъ рукамъ поручили есмо отъ насъ тымъжо
 подданнымъ нашимъ, жидомъ Берестейскимъ, Менделю Исаковичу а Лип-
 ману Шмерлевичу, по выштыку пана старосты Жомонтского и пана
 подканцлерого аренды, на той рокъ приимый, тысяча пысотъ шесде-
 сѣть девятый, и, маючи тежъ отъ нихъ упевнене, то есмо а передъ-же
 на тотъ рокъ, шесдсѣть девятый, колконадцать тысячей конъ грошей,
 да въ скорбь нашу на отправу посла татарского и на заплату людямъ
 служебнымъ на замки наши украинные и на нине земские погреби и
 тому и, тыхъ причинъ, абыхмо ведали отъ нихъ и правне дозвысковати
 могли шкоды земские скорбу нашего, по которыхъ месцахъ коморъ
 на сторожу купцовъ, потаемене проежчающихъ, а то поступили, тдыжъ
 они причиненю личбы за то немалую суму за рокъ теперешний, шесде-
 сѣть осмый, вытрученемъ чинити хочутъ, того они и теперь правомъ

нашимъ господарскимъ, яко въ речи земской, пошрати будуть поени, маючи на то доводы слушныи; а такъ мы тые поборы вышенпоменныи на коморахъ и прикоморахъ во всемъ панстве нашемъ, великомъ князстве Литовскомъ, подати имъ, послали дворенина нашего вы бы о томъ ведали о тые поборы поменныи або старыи и новыи, на потребу речи посполитой, на соймахъ уфаленныи, отъ всихъ купцовъ на коморахъ и прикоморахъ звычыхъ, где передъ за аренды пана старосты Жомойтского и пана подканцлерого сторожа бываюа, поборъ выбирати допустили съ коморъ и прикоморковъ въсюды въ местехъ и селехъ нашихъ господарскихъ и тежъ у своихъ, подле уфалъ соймовыхъ, на выбирани и перестереганыи тыхъ поборовъ, поступовалии и нынче есте не забороняли, и кождый отъ себе помочь вшылакую у промыте купцовъ своеволныхъ, которые, не хотечи поборовъ своихъ коморы и прикоморки поборовые потаежныи або упорныи, сухимъ и воденымъ путемъ проежчачи, Менделю и Липману и справцамъ ихъ давали помочь, и за вжды, яко въ речи нашей и земской, отъ всихъ кривдъ боронили, а сами въ справы ихъ поборовые уступоватыся, и имъ въ нихъ шкоды и перешкоды некоторые чинити, и ихъ кривдити и утыскати ничымъ не смели, але-ся ку тымъ поборцамъ нашимъ и справцамъ ихъ во всемъ спокойнои а пристойнои заховали конечно. Писанъ у Варшаве, лета Божого нарѣжени, тысяча пятсотъ шестдесять осмого, месяца октября двадцатого дня. Подписъ руки господарское — Жыггимонтъ-Августъ, кроль; Подписъ руки писарское — Матей Савицкий, писарь». А такъ я тотъ листъ его королевское милости слово отъ слова, з конца ажъ до конца, до книгъ вгородскихъ записати казати.

Книга городская Луцкая, 1568 года, № 2042; листъ 398 на об.

59.

Грамота Силизмунда-Августа, старосты луцкого, брацлавскому и винницкому, князю Богусшу Федоровичу Корецкому, предписывающая ему выдать бѣлыхъ крестьянъ и вознаградить убытки, причиненные Владимірскому подкоморію, Александру Семашку. 1569 года, февраля 1.

Жыггимонтъ-Августъ, Божю милостию король Польскій, великій

князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий, Лифлянский и иных. Старосте Луцкому, Браславскому и Вѣницкому, князю Богушу Федоровичу Корецкому. Жаловаль памѣ подкоморий Володимирский, панъ Александро Семашко, о томъ, штожь дей людей его не мало, отчишовъ именія его Голышевского, зъ жонами, зъ дѣтми и зо всіми статками и маестностями своими отъ него втекши, до имения твоего зашли; а ты дей, не толко за напоминаніемъ его тыхъ подданныхъ его ему не выдаешъ и справедливости зъ нихъ не чинишъ, але дей ще тымъ людямъ его, которые за тебе зашли, земли и грунты того имения, Голышевского, черезъ границы забирати и в иныхъ поточныхъ речахъ многіе кривды, зваща въ бон и грабежахъ, ему и людямъ его, Голышевскимъ, чинити кажешъ; въ чомъ онъ кривду и шкodu себе меіуючи быти, а тыхъ людей своихъ позыскати хочеш, билъ намъ чоломъ, абыхмо листъ и дворянина нашего о томъ ему до тебе дати, и крруповъ его властныхъ забирати и некоторыхъ кривдъ делати не допустили. А такъ мы придаемъ ему на то дворянина нашего жебы зъ тымъ листомъ и дворяниномъ нашімъ людей своихъ въ именияхъ твоихъ знашолъ; а будутъ ли ся знати властными подданными ихъ,—приказуемъ тебе, ажъ бы жесь тыхъ людей его, зо всіми статками и маестностями ихъ, съ чимъ буде до тебе зашли, передъ тымъ дворяниномъ нашімъ, пичимъ не чикуючи (sic.), выдать. А пакъ ли бы ся людьми его быти не знали, ты бы ему зъ ними справедливость не отволочную, водле обычаю права посполитого и статуту земского, при томъ же дворянине нашемъ вчинилъ, а особливе жебы сесь грунтовъ и землю его властныхъ забирати и некоторыхъ кривдъ людямъ его делати не велелъ, же бы онъ въ томъ собѣ нешкodoвалъ и намъ не жаловалъ. Писанъ у Люблине, лета Божого нароженя 1569 года, месеца февраля 1 дня. (18.) Михайло Гарабурда.

Сообщено В. Антоновичемъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Е *).

1.

Грамота Сигизмунда I, подтверждающая дарственную запись на мызу во пользу церкви Св. Николая во Вильню, выданную подскарбіемъ земскимъ Богуславомъ Пилькевичемъ. 1523 года, июля 7.

Roku tysiąc siedmset osmdziesiąt, czwartego, miesiąca septembra, trzeciego dnia.

Przed urzędem i aktami niniejszemi Kijowskiemi i przedemną Grzegorzem Kaleńskim, archywiście przysięgłym ziemskim, stawiając osobiście urodzony jegomości pan Michał Pilkiewicz, ten ekstrakt z ksiąg urzędowych Słuckich autentycznie wydany, z wpisaniem w nim prawa wraz z zatwierdzeniem od najjaśniejszego Zygmunta, króla polskiego, na folwark pana Bogusława Pilkiewicza, pod Wilnem sytuowany, cerkwi 8-go Mikołaja, ratione intra-contentorum łaskawie danego i służącego, podpisem ręki wielmożnych podstarosty i pisarza, urzędników tamějších przy pieczęci zatwierdzony, na papierze ordynaryjnym, w roku tysięcznym, sześćsetnym trzydziestym pierwszym wydany, z przyszytym arkuszem papieru sielowanego ceny grosza srebrnego je łnego, do akt ziemskich Kijowskich w oblatę podał, w te słowa:

Widymus z xiąg spraw urzędowych zamku księstwa Słuckiego, roku tysiąc sześćset trzydziestego pierwszego, miesiąca Iunii dwónastego dnia. Na urządzie zamkowym, od jaśnie oświeconego księcia jegomości pana miłościwego ustanowionemi, przed nami: Mikołajem Witrolinem, podstarościm Słuckim, Andrzejem Pużakiewiczem, pisarzem, na miejscu sądowem będą-

*) Настоящие акты открыты въ актовыхъ книгахъ центрального архива уже во время печатанія грамотъ великихъ князей Литовскихъ, и потому они помѣщаются въ приложеніи. Всего этихъ актовъ оказалось пять и по содержанию своему—одинъ, подъ № 1, относится къ исторіи церкви, подъ № 2—къ исторіи дворянства, а три, подъ №№ 3, 4 и 5, къ поземельному владѣнію въ южной Руси.

cemi, stanąwszy oczewisto, pan Jan Kasperowicz Pilkiewicz opowiadał, pokładał i dowiódł, podał list swój na rzecz, w nim niżej wyrażoną, prosząc, aby ten list ze wszystką rzeczą był do xiąg przyjęty i wpisany; który, w księgi wpisując słowo do słowa, tak się w sobie ma:

»Zygmunt, z Bożoje miłości korol Polski, wetykyj kniaź Łytowski, Ruski, kniaza Pruskoje, Żmudzkoje i innych. Przsedszy pered nas podskarbyj zemskyj, marszałok i pysar nasz, derżawca Kamianeckyj, pan Bohusław Pilkiewicz, i powedył pered namy: sztoż dał na cerkow Bożiju Swiatoho Mykoły Perenesenja, w Wylni, folwark swoj pod Wynom, koto-ryj kupył u namisnyka Mohylewskoho, kniazia Wasyla Iwanowycza Sołomi-rećkoho, kupłu jeho, szto on kupył w kupca naszoho, Charytona Chadezu-cza, zo wsim, kak sia w sobie majet, i był nam czołom, iż byśmo to folwarok potwierdyły cerkwi Bożoi naszym Łystom na wieczność, yno my, na ustnoje zeznanyje jeho, z Łaski naszoje hospodarskoje, na czołombytyje jeho to uczynyły, tot folwark potwierżajem cerkwy Bożoj tym naszym Łystom wecznie i neporusznie; majut swiaszczenyky, kotoryi w toj cerkwi Bożoje budut służył, tot folwark derżaty ku cerkwi Bożoje zo wsim, kak sia w sobie majet, według ustaho jeho zoznanija, a na twerdost' toho i i peczat' naszu kazaly jeśmo pryłożył k semu naszemu Łystu. Pysan w Wylni, w lito semoje, tysiacza trydciatoho perwszoho hodu, miesiacia julia dnia siomoho, indykta... U tego listu królewskiej mości, pana miłościwego, przy pieczęci wielkiego xięztwa Litewskiego, podpis ręki temi słowy: Ropot Waszkowycz, marszałok i pisar (L. S.). Która to ten list jego królewskiej mości, pana naszego miłościwego, za podpisem oczewistem pana Jana Kasperowicza Pilkiewicza, do akt, do xiąg urzędowych zamku księztwa Słuckiego jest przyjęty i wpisany. Z których i ten widimus, w roku tysiąc siedemset piętastym, miesiąca decembra dwudziestego dnia, za podstarostwa jegomości pana Andrzeja Sierzputowskiego, miecznego Mozyrskiego, a pi-sarza, mnie, Maximiliana Achemtowskiego, jegomościom panom Szymonowi i Theodorowi Pilkiewiczóm, ziemianom, pod pieczęcią urzędową, wydan. Pisan w Słucku, ut supra. U tego ekstraktu z xiąg urzędowych xięztwa Słuckiego, w oblatę wniesionego, korekta i lekta przy pieczęci urzędowej w te słowa: Andrzej Sierzputowski, mieczny Mozyrski, podstarości xięztwa Słuckiego (L. S.). Zgodny z xięgami«. Która to ekstrakt, w oblatę wniesiony, słowo w słowo, ak się w sobie ma, do xiąg niniejszych ziemskich, Kijowskich, jest zapisany.

Книга Киевская, земская, записовая, № 141, 1777—1784 г., листы 1117.

Грамота, пожалованная Сигизмундомъ I Николаю Буркату на дворянское званіе, съ присоединеніемъ его къ гербу »Лебедь«. 1531 года, февраля 10.

Roku tysiąc siedmset ósmdziesiąt piątego, miesiąca octobris pierwszego dnia.

Przed aktami niniejszemi ziemskimi Kijowskiemi y przedemną, Aloizym-Kaietanem Borowickim, namiesnikiem przysięgłym ziemskim Kijowskim, osobiscie stawający urodzony jego mość pan Jan Łukawiecki, ten przywilej od nayjaśniejszego króla polskiego Żygmonta na szlachectwo urodzonemu jego mości panu Mikołajowi Burkatowi konferowany, podpisami rąk nayjaśniejszego króla polskiego y jaśnie wielmożnych senatorow, przy pieczęci koronnej, na wosku z lakiem czerwonym wycisnionej, przy tymże na sznurku iedwabnym zawieszzonej, zatwierdzony, na pergaminie napisany, z przyszytym arkuszem papieru stępowanego ceny grosza srebnego, do akt ziemskich Kijowskich w oblate podał, w te słowa:

Sigismundus, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Litvaniae, nec non terrarum Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Łanciciae, Cujaviae, Russiae totiusque Prusiae ac Masoviae, Culmensis, Elbingensis, Pomeraniae et caetera dominus et haeres. Memoriae commendamus sempiternae, universis et singulis tenore praesentium significantes, quod cum nemo est, qui nesciat, ut homines, quae meliora honestioraque sunt, mirifice appetunt et sequuntur, et sicut in coelo alii aliis sunt praestantiores superioresque, ita et in hoc mundo, hi, qui virtute, innocentia, fide, integritate et humanitate praestant, maioris ponderis et aestimationis apud omnes habentur; cum autem reges et principes post Deum in orbe terrarum primum et praecipuum locum inter mortales obtinent, data est eis omnium consensu potestas, ut rerum humanarum sint moderatores et, pro singulorum hominum virtutibus, alios prae aliis proemiis condecorent et augeant; sane cum accepimus fideli narratione magnifici Nicolai de Schydłowicz, castellani Sandomiriensis, regni nostri Thesaurarii, Radomiensis, Osvecimiensis, Zatoriensis, Crepicensis, Olstinensis et Grodecensis capitanei, ex linea materna de familia Cignorum oriundi, et generosorum Joannis Łabucz, dapiferi curiae nostrae, Pauli de Volia, tribuni Radomicensis et subdapiferi Sandomiriensis, nec non Joannis Krajowski, dapiferi

Sermiensis, et Dominae Bonae, reginae Poloniae, conjugis nostrae charissimae, et Petri Krzezonowski, fratrum et patruorum de familia et gente Cignorum, ut egregius Nicolaus Burkath de Brzezynka, factor in Czerniachow, est homo ejus modi morum, virtutis, prudentiae, fortitudinis, constantiae, facultatum et in rebus gerendis dexteritatis, ut meritum illum, et ipsius liberos masculos et femellas, ex lumbis ipsius legitime descendentes, pro fratribus clenodialibus domus, gentis et familiae Cignorum habere cuperent; prout jam ex nunc eundem Nicolaum, cum ipsius legitima posteritate, in domum et familiam gentemque Cignorum coram nobis adoptarunt, asciverunt et susceperunt; supplicarunt igitur nobis dicti magnificus et generosi Nicolaus de Schydłowicz, Joannes Łabucz, Paulus de Volia, Joannes Krajowski et Petrus Krzezonowski, fratres clenodiales, ut hujus modi adoptionem et adscriptionem dicti Nicolai et ejus legitimae posteritatis in familia, domum et gentem Cignorum admittere approbare et confirmare, eundemque Nicolaum, cum ipsius legitima posteritate, nobilem creare dignaremur; nos, scientes adoptiones hujusmodi, ex vetustioribus moribus et sacris legibus constitutas, et regiae auctoritati, a qua omnis pendet proceditque nobilitas, pertinere et proprium esse; eos scilicet, qui vel rebus strenue gestis, vel more, fidei ac virtutum ornamento pollent, honore debito prosecui et ad nobilitatis ordinem evehere et attollere supra nominatum Nicolaum, ipsiusque posteritatem sexus utriusque, juxta adoptionem superius factam, ex certa scientia et speciali gratia, auctoritate nostra regia, quae ad hoc maxima est, nobilem creamus, facimus eumque cum sua posteritate legitima familiae Cignorum adnuamus et connectimus perpetueque conglutinamus, ac eundem liberosque, et nascendos ipsius omnibus et singulis, ubicunque gentium et terrarum extiterint, nobilibus status utriusque spiritualibus et secularibus de nobili stirpe et claro genere ab eorum avis, proavis, atavis, per lineam rectam ex utroque parente procreatis, assimilamus et adaequamus; quorum insigne et commune proclamamus: est cignus alba in campo rubro cum plantis pedum nigris et rostro etiam nigro; supra galeam torneatilem cignus ipsa alba cum fasciis rubris et albis coloribus depictis, inferius demisse (sic.), prout id manu et arte pictoris lucidius est depictum; decernentes et praesenti edicto statuentes, ut praedictus Nicolaus cum legitima posteritate praesenti et futura hoc insigni, tanquam proprio et naturali, in sigillis, anulis, catenis, signis, tentoriis, sentis, vexillis, velis, clipeis, ornamentis, ludis et actibus solennibus, seriis et reliquis ornamentis uti, potiri, et gaudere, depictaque et exculpta publice

ac privatim portare et ferre possit et debeat, perpetuo et in aevum admittamus; praeterea et dignum esse censemus praefatum Nicolaum et ipsius liberos ac liberorum posteros ad omnes et singulos magistratus, dignitates, honores et officia spiritualia et secularia, deponens ex nunc omnem plebei generis humilitatem, quocumque nomine per eos contrariam, quo juri communi nobilium contrariae esse solet. Si quis aut praemissis omnibus ausu quovis contraire et hanc paginam nostram infringere voluerit, noverit, se gravissimam redignationem regiam et paenam, in statutis et legibus regni contentam, incursum. Volumus enim et decernimus hoc privilegium ad omnem probationem nobilitatis ipsi Nicolao et suis legitimis successoribus omnino sufficere. In ejus rei testimonium sigillum nostrum est apensum. Actum et datum Cracoviae, in conventu generali, feria secunda post dominicam septuagesimae proximam, anno domini millesimo quingentesimo, trigésimo secundo, regni vero nostri—vigésimo sexto; praesentibus Reverendissimo et reverendis in Christo patribus, dominis: Mathia de Drzewicza, archiepiscopo Gnesnensi, ac regni nostri primate; Petro de Themieze, Kracoviensi, regni nostri vicecancellario; Joanne Carukowski, Wladislaviensi; Joanne de Latalicze, Poznaniensi; Andrea Gricio, Plocensi; Joanne Chojemski, Premislensi; Petro de Gamratis, Camenecensi,—episcopis; nec non magnificis, generosis et venerabilibus; Christophoro de Schydłowicz, castellano et capitaneo Cracoviensi, ac regni Poloniae cancellario, Stanislawo de Coszelecz, Poznaniensi et capitaneo Marienburgensi; Otto de Chodecz, Sandomiriensi; Nicolao de Coszelecz, Calisiensi; Joanne comite de Tharnow, Russiae et exercituum regni nostri, ac Sandomiriensi capitaneo; Georgio de Bayzen, Marienburgensi,—palatinis; Lucae de Gorka, Poznaniensi; praefato Nicolao de Schydłowicz, Sandomiriensi; Petro Cmita de Visnicze, Voycensi; Laurencio Myskowski, Bitomiensi; Joanne de Vieczynca, Plocensi,—castellanis; Nicolao Zamoszczki, praeposito Tarnowiensi, cantore Sandomiriensi et canonico Cracoviae; Stanislawo de Olesniki, praeposito Skarbiniriensi et canonico Cracoviensi; Paulo Czusowski, praeposito omnium Sanctorum et canonico Cracoviae, secretariis nostris—et aliisque plurimis dignitariis, officialibus ac aulicis nostris, ad praemissa testibus, fide dignis, sincere et fideliter dilectis. Datum per manus praefati magnifici Christophori de Szydłowicz, castellani et capitanei Cracoviensis, ac regni nostri cancellarii etc. sincere nobis dilecti. U tego przywileju, w oblate wniesionego, podpisy rąk tak najjasniejszego Zygmonta, króla polskiego, jako y jaśnie wielmożnych senatorow, przy pieczęci, w te słowa: Sigismundus rex Cristoforus de S., castelan

etc. Cracoviensis W. R. P. com. Ejusdem magnifici Christophori de Schyd-
łowicz castellani et capitanei Cracoviensis ac regni Poloniae supremi cancel-
larii locus sigilli». Który to przywilej, słowo w słowo, jak się w sobie ma,
do xiąg niniejszych, ziemskich, Kijowskich, iest zapisany.

*Книга Киевская, земская, записовая, 1785—1789 г., № 142, листъ
247 на оборотъ.*

3.

*Декретъ Сигизмунда I, состоявшійся вслѣдствіе жалобы житомирскихъ
мѣщанъ на дворянина Луку Лозовицкаго о томъ, что онъ присвоилъ
принадлежащія имъ земли, находящіяся возлѣ рѣчки Гуйвы. Сигизмундъ,
на основаніи грамоты Александра, данной дѣду Лозовицкаго, утвер-
ждаетъ право владѣнія Луки Лозовицкаго на эти земли. 1537
года, февраля 11 дня.*

Roku. tysiąc siedmset siedmdziesiąt siódmego miesiąca septembriś
siedmnastego dnia.

W. roku. sądowe ziemskie Kijowskie, od dnia dwudziestego trzeciego
augusti, roku. wyż na akcie wyrażonego, w Żytomierzu przypadłe i sądownie
odprawować się zaczęte, przede mną Michałem Trypolskim, sędzią ziemskim,
kommissarzem. sądów pograniecznych wojewodstwa Kijowskiego, i księgami
niniéjszemi Kijowskiemi. Comparens personaliter urodzony jegomość pan
Piotr Mianowski ten dekret najjaśniejszego Zygmunta króla polskiego, między
Semenem Minczukiem, wojtem Żytomierskim i innemi z jednej, a Łukaszem
Łozowickim z drugiej strony, ratione intro contentorum ferowany, na parga-
minie ruskim charakterem pisany, podpisem tegoż najjaśniejszego pana, przy
pieczęci jasnie wielmożnego marszałku, stwierdzony, ad acta praesentia ter-
restria Kijowiensia per oblatam podał, tenoris sequentis: Zygmunt, Bożoju
myłostyju korol Polski, wetykyj kniaź Łytowski, Ruski, kniaźa Pruskoje, Żo-
mojdzki i inych. Smotrzyły jeśno toho dila, szto żałowały nam poddany
naszy, Semen Menczuk, wójt Żytomerski, sam od sebe i od usich meszczan
naszych Żytomerskich, na dworany na naszoho Łukasza Łozowyćkohe, sztoż
zabrał on rudy i sełyszcza naszymy Żytomerskyj, hde ony uchody swoi me-

wały, około rzeczki Hujwy, poczawszy od meży sełyszcza Halczynskoho, od rudki Neteczy, zaniał rudku Molawku i rudku Rujnuju, k tomu wełykyj i małyj Żerdelew i tyi rudy, zemli i sełyszcza do swoich sełyszcz Zwyniaczych przyworoczajet, a meszczan Żytomirskich odtol wyhaniajet; a Łozowycki stał pered namy oczewysto i mowył z meszczany, czoż tyi rudy, zemły i sełyszcza; to uże pytomajaja jeho dedyzna i otcyzna, i pokładał pered namy przywyłej brata naszoho szczasnoje pamety korola jeho myłosty Alexandra, sztoż szest sełyszcz jeho dedyznych i otcyznych: dwi Zwyniaczy, wełykij i małyj Żerdelew, dwi rudy Rujnuju i Molawku, aż po rudku Neteczu othranyczyl; potwierdył dedu jeho wecznostiu; yno my wsi tyi szest sełyszcz z rudamy i z zemlami, szczo k nym prysłuszajet, podłuh toho przywylu szczasnoj pamety korola jeho myłosty Alexandra, kak w nem napysano i ohranyczeno, potola Łozowyckomu, potomkom i szczadkom jeho, prysudyły jeśmo na wiecznost, kak pytomajaju dedyznu i otcyznu jeho, a meszczanie Żytomirskiji samy, i strelcy, i kunycznyki naszy nemajut tam nykoły nikakoho dila mily; i na to dały jeśmo Łukaszu sej nasz łyst z naszeju peczajtju. Pysan w Wyłni, pod lito Bożoh narożenia tysiacza piatsot trydciat semoho, miesiacia fewrała odynadciatoho dnia, indykta semoho. U tego dekretu russkim pismem na pargaminie pisanego, per oblatam podanego, podpisy rak tak najjasnijszego króla, jak też jasnie wielmożnogo marszałka przy pieczęci w te słowa. Sigismundus rex NB. Prej. był. wojewoda Wileński Au. Olbrycht Martyn nasz, a marszałek nasz dworny pan Hryn. Stan. Nam. Merci: (L. S.)«. Który że to dekret, per oblatam podany, słowo w słowo, jak się w sobie ma, do ksiąg niwiejszych kijowskich jest zapisany.

Книга Киевская, записовая, 1777—1784 г., № 141, лист 147.

4.

Грамоты Сигизмунда-Августа, дворянину Лукъ Богдановичу Лозовицкому, подтверждающая привиллегию, данныя Александромъ его дядю Нелобу Гринкевичу Лозовицкому въ 1494 году и ему самому Сигизмундомъ въ 1537 г. на селенія въ Житомирскомъ повѣтъ: Звинячка, Звинячее, великій и малый Жерделы, руда Руйная и рудка Маявка. 1547 года, ноября 11.

Roku tysiąc siedmset siedemdziesiąt siódmego, miesiąca septembris siedemnastego dnia.

W roki sądowe ziemskie Kijowskie, od dnia dwudziestego trzeciego augusti, roku wyż na akcie wyrażonego, w Żytomierzu przypadłe i sądownie odprawować się zaczęte, przede mną Michałem Trypolskim, sędzią ziemskim, kommisarzem sądów pogranicznych wojewodstwa Kijowskiego, i księgami Kijowskiemi, comparens personaliter urodzony jegomość pan Piotr Mianowski ten przywilej od najjaśniejszego Zygmunta Augusta króla polskiego, ruskim pismem pisany, na dobra wsie Żerdele i inne, na pergaminie poprzecieranym i nadwątłonym, a przez to w niektórych miejscach i słów dostarczających niemający, z okoliczności, w manifestie, na dniu niniejszym do akt niniejszych wniesionym, wyrażonej, bojarynowi Nelubowi Hrynkiewiczowi Łozowickiemu, *ratione intro contentorum łaskawie dany*, podpisem ręki tegoż najjaśniejszego króla i jasnie wielmożnego marszałka dwornego stwierdzony, *ad acta praesentia terrestriae Kijowiensiae per oblatam* podał, w wyrazach takowych:

»Zygmónt-Auhust Bożeju myłostyju korol Polski, welyki kniaź Łytowski, Ruski, Pruski, Żomojdski, Mazowecki i innych. Czynym znamenito sym naszym łystom, chto na neho posmotryt, był nam czołom dworanyń nasz, Łukasz Bohdanowycz Łozowycky, i powedył pered namy, czołż kak posyłały eśmo jeho po potrzebach naszych na różnyje mestca, tohdy bez bytnosty jeho, gdy kniaź Fałczewski, hyskup Łucki i Berestensky, a dyak nasz, pan Łew Patey, były od nas na rewyzyju do Żytomera posłany wsich zemlan, kotoryi na on czas około Żytomera w domach swoich były, kak ktoroho z nych zowut, i im'nya, i sełyszcza ich otczynnye, i wysłużonye, menowyte popysały, a tyje sełyszcza, kotorych otczyey ne otczwałysia, rozumiejuczy, czo ich tatarie pohyły, abo pomerły; i jeho Łozowyckoho szest sełyszcz dedecznyje i otczynnye, około ryczki Hujwy u powite Żytomerskom leżaczyje, nazywajemyje Zwyniaczku i Zwyniaczuju, welykij i małyj Żerdelew, rudu Rujnuju i rudku Malawku w odnom obrube, to vse bez bytnosty jeho do zamku Żytomerskoho za pustyi w rehestr wpysały, na kotoryje tyje sełyszczza swoje prywyłey prodka naszeho swetobływoj pamety korola jeho myłosty Alexandra z peczatu didu jeho, neboszczyku Nelubu Hrynkiewiczu Łozowyckomu, dany, i łyst sudowy swetobływoj pamety pana otcą naszeho, korola jeho myłosty Zygmunta, prysużenie czotyroch sełyszcz, pered namy pokładał i był nam czołom, aby jeśmo toje prawo jeho do wedomosty naszoj pryniawszy, w sei łyst nasz upysały kazały, tyje sełyszczza jeho dedecznyi i otczynnyi tym naszym łystom potwerdyły jemu na wecznost; i my, wydeczy proźbu Łozowyckoho w tom słusznuju, tych łystów jeho ohledawszy, kazały

jeśmo w sei lyst nasz wpysaty i tak se w sobi majeta: Alexander Bożeju myłostyju korol Polski, wełyki kniaź Łytowskyj, Ruski, kniaźa Pruskoje, Żomoidzki i innych. Czynym znanienyto sym naszym lystom, kto na neho posmotryt, był nam czołom bojaryn nasz Żytomierskoho powitu, Nelub Hrynkiewicz Łozowycki, i powedył pered namy: sztoż kak pohanstwo Tatare okolo Żytomiera były, tak statky jeho pobrały, dom i w tom domu lysty wsi pozhely na szest sełyszcz dedizny i oteczyzny jeho w Żytomyrskom powite okolo reky Hujwy, meży zemlamy naszymy w odnom obrube Lebedyny, narycajemyje Zwyniaczka i Zwyniaczaja, wełyky i małyj Żerdelew, ruda Rujnaja i ruda Malawka, i prośył aby jeśmo ohranyczyły i na to daly lyst nasz, i tyje szest sełyszcz, dedyznu i oteczyznu jeho, potwierdyły jemu lystom naszym na wiecznost, i my na czołombytyje, i też dla upadu jeho, kotory jemu stałsia od pohanstwa, od tatar, w tom jeho pożałowaly, tot obrub zenli i w nem usiu tuju, szest sełyszcz, dedyznu i oteczyznu jeho, počawszy od ryczki Hujwy, rudkoju Neteceju, mymo Lebedyny ożera, do dorohi staroj Kijewskoj z probytoj mohyły, a od toj mohyły tojejuż dorohoju Kijewskoj, mynajuczy werchy Lebedynych ozer i werchom rudy Rujnoje, a odtol dorohoju Kyjewskoj ob mežu Żerdelewa i Zwyniaczych do Borsuk, (hoc loco wytarto) kotora ja podle toj dorohi Kijewskoj jest, a od toj mohyły czerez pole i czerez dubrowu do rzeczki Hujwy, hde Hujewka w Hujwu uwoszła, a od toho niescia dubrowoju czerez rudku Bernawku do werchu rudki Kobylej, i Kobyleju na nyz do rudki Cheroszczy, a od Cheroszczy czerez dubrowu prosto do Hujwy, hde rudka Netecza w Hujwu upala, odkola počalysia meży opysowaty, potola obrub tych szesty sełyszcz ohranyczyły i potwierdyły jeśmo jemu sym lystom naszym na wiecznost, i majet Nelub (hoc loco wytarto) i jeho żona i dety ich i napotom buduczyj ich szczadki tyi wsi sełyszczu po tym meżam, kak w sem lystie naszym opysano derżaty i wżywaty, kak swoju potomniu dydiznu i oteczyznu, obet (sic) wieczno i neporuszno, a na twerdost toho, pečat nasz (hoc loco wytarto) prywesyty k semu naszomu lystu. Pysan w Wyłni, w lito sim tysiacz dwie, miesiaca julla czotyrnadcatty den, indykt dwanadciatyj. Pry tom był W. Wl. P. Min. Rad, a pan. Hryn. Stan. Maršalek dworny nasz. Merez (sic.). U toho lystu pečat za wesistaja ciłaja. Druhyy lyst sudowy tak se w sobe majeta:

Żygmont (hoc loco wytarto) korol Polski, wełyki kniaź Łytowski, Ruski, kniaźa Pruskoje, Żomoidzkoie i inych, smotryły jeśmo toho ciłia, sztoż załowaly nam poddany naszymy Semen Mynczuk wójt Żytomerskyj nam

od sebe i od wsiel mészczan Żytomerskich na dworanyu naszoho (hoc loco wytarto) Łozowyckoho, sztoż zabrał on rudy i selyszeza naszzy Żytomerskyje, hde wóny uchody swoi mewały, około ryczki Hujwy, poczawszy od meży selyszeza Halezynskoho, ot rudki Neteczy, zaniał rudku Malawku i rudku Rujnuju, i k tomu welyky i mał (hoc loco wytarto) tyi rudy, zendi i selyszeza do swoich selyszcz Zwyniaczych przywoczajet, a mészczan Żytomerskich odtol wyhonijet, a Łozowycki stał pered namy oczewysto, i mowył z mészczany: sztoż tyi rudy, zemli i selyszeza to wse pytomaja (hoc loco wytarto) dydyzna i oteczyza, i pokładał pered namy prywylėj brata naszoho szczasnoje pamety korola joho myłosti Alexandra, sztoż szesť selyszcz joho didyzny i oteczyny, dwi Zwyniaczyje, welykij i małyj Żerdelew, dwi rudy Ruinuju i (hoc loco wytarto) aż po rudku Neteczu ohranyczył i utwierdył didu joho wiecznostiju; ino my usi tyi szesť selyszcz z rudamy i z zemlamy, szto k nym prysłuszajet, pódłuh toho prywiliu szczasnoje pamety korola joho myłosti Alexandra, kak w nem napysano i ohranyczeno, potola Łozowyckomu, potomkom i szczadkam joho prysłudyły jeśmo na wiecznost, kak pytomuju didyznu i oteczynu joho, a mészczane Żytomerskyi samy, i strełcy, i kunycznyki naszzy ne majut tam nikoly nikakoho dila mity, i na to dały jeśmo Łukasz seji nasz łyst z naszeju peczatiu. Pysan w Wyłni, pod lito Bożoho narożenia tysiacza piatsot trydciat' semoho, miesiac fewrała ody-nadeatyj deń, indykt semy. Pry tom był W. Wł. pan Olbrycht Martyn, kasztelan a marszałek nasz dworny, pan Hryń Stan. nasz Merecki

. U toho łystu podpys pana otea naszoho, swetoblywoje pamety, i peczat' ciła prytysnena. Ino chotiaż na toť czas Łozowycki, na służbe naszój buduczzy, sebe i selyszcz swoich oteczynnych pered rewy-zormy ne opowidał, a ony bez hyłnosty joho w Żytomeru selyszeza joho za pustyje w regestr do zamku wpysały, na kotoryi on prawo swoje teper pred namy pokładał i był nam czełom, aby jeśmo na to dały łyst nasz, i tyi wsi selyszeza joho, łystom naszym potwerdyły na wiecznost. My na czołom-byłyje joho dały jeśmo jemu seji łyst nasz i potwerżajem łystom naszym na wiecznost, majet Łukasz Łozowycky sam i joho żona i ich dity i na potom buduczzyi ich szczadki tyi wsi selyszeza, Zwyniaczku i Zwyniaczuju, welykij i małyj Żerdelew, rudu Ruinuju i rudku Malawku w tych meżach i w hranycach, kak w pomenenom szczasnoje pamety korola joho myłosti Alexandra łysti napysano, derżaty i używaty wieczno i neporuszno, i wolno im budet tyi selyszeza komu choteczy prodaty, oddaty i darowaty i zapysaty, kak swoju własniju didyznu (hoc loco wytarto) naszu kazałyśmo zawisyty k

tomu naszemu listu. Pysan w Wyłuy, pod lit Bożoho, narożenia tysiąca piątsot sorok samoho, miesiacia nojabria odynadciatj den, indykt szostyj. U tego przywileju; ruskiem charakterem pisanego, per oblatam podanego, podpisy, tak najjaśniejszego króla polskiego, jako też jaśniewielmożnego marszałka dwornego w następujących wyrazach: Sigismundus-Augustus, rex Poloniae. Iwan Hornostaj, marszałek dworny, podskarbi ziemski i pisarz. Który to przywilej, per oblatam podany, słowo w słowo, jak się w sobie ma, do xiąg niniejszych ziemskich, Kijowskich, jest wpisany.

Книга Киевская, земская, записовая, 1778—1784 г., № 141, листъ 141.

5.

Подтвердителная грамота Сигизмунда, слугъ старосты Луцкого, Брацлавского и Винницкого, князя Богуща Федоровича Корещаного, Ермоля Мелешку, на селнице Залище, лежащее въ Винницкомъ повітѣ. 1564 года, июля 5 дня.

Roku tysiąc siedmset dziewiędziesiąt siódmego, miesiąca iulii pierwszego dnia.

Na otwarcie xiąg ziemskich powiatu Winnickiego, kadencji Juzefa Troieckiej, prawem przypisanej zwykłym, stawiać się osobiście, urodzony Michał Bibik Korczyński, V. R. Z. B. i komendant provianteki magazynu powiatu Winnickiego, ten ekstrakt przywileju na polane z stawkiem Czerniszowskim, alias wroczyisko Zaliście, niegdy urodzonemu Jarmole Meleszkowi, prawem lennym za czasów panowania najjaśniejszego króla jegomości Polskiego i wielkiego księcia Litewskiego, Zygmunta-Augusta, roku tysiąc pięćset sześćdziesiąt czwartego, miesiąca iulii piątego dnia nadanego, z akt kancelaryj metryk wielkiej wielkiego księstwa Litewskiego wydany, z przyłączeniem papiru stepłowanego dwudziestó kopijkowego, dla zapisania do xiąg niniejszych w sposób oblaty podał w tej istocie. »Stanisław-August z Bożej łaski król Polski, wielkiego księstwa Litewskiego, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Żmudzki, Kijowski, Wołyński, Podolski, Podlaski, Inflanski, Smoleński, Braclawski, Siewierski i Czernihowski. Oznajmujemy tym listem ekstraktem naszym, komu to wiedzieć nałoży, iż w xięgach metryki kancelaryj naszej

wielkiej wielkiego księstwa Litewskiego znajduje się przywilej Jermole Melieszku, nasłisze w powiatu Winnickom, nazwanie Zaliście, z polandiu, z stawami Czornyšovskim na rzece Czapi, z lesy, dąbrowami i z pasiekami, prawem lennym, za najjasniejszego predecessora naszego króla, jego mości Polskiego i wielkiego księcia Litewskiego Zygmunta Augusta, w roku tysiąc pięćset sześćdziesiąt czwartym, miesiąca julii piętego dnia dany, i supplikowanemu nam, jest przez panów rady urzędników, przy boku naszym rezydujących, abyśmy ten przywilej z tych że ksiąg metryki kancelaryj naszej wielkiej wielkiego księstwa Litewskiego per extractum autentycy wydać pozwolili, który słowo do słowa, z ruskiego wypisując, tak się w sobie ma:

*Жигмундъ-Августъ, Божюю милостию король Польскій, великий князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Лифляндскій и иныхъ. Билъ намъ чоломъ служebníкъ старосты Луцкого, Брацлавского и Винницкого, князя Богуща Оедоровича Корецкого, Ермола Мелешко, и поведилъ передъ нами, ижъ князь староста, панъ его, далъ ему зъ воли и ласки нацое господарское селище въ повети Винницкомъ, на име Залисце, съ поляною, съ ставкомъ Чорнышовскимъ, который есть на реце Чапли, съ лесы, дубровами, лежащими за лесомъ великимъ Винницкимъ, съ пасеками, и зо всемъ, якъ сятое селище Залисце само въ себе и въ своихъ пожиткахъ маеть, и при томъ ставку Чорнышовскимъ дозволилъ ему дворъ будовати, лесы, дубровы розробливати и всякіе пожитки ку зего доброму а пожиточному розширати, на што ему князь Корецкій и листъ свой, подъ печатію своею и съ подписю руки своея далъ, который листъ Мелешко передъ нами покладалъ, биючи намъ чоломъ, абихмо ласку нашу господарскую учинили и его при томъ селищу съ пожитки, въ тому належащими, водлугъ листу князя Корецкого zostавили и подтвердили то ему, нашимъ листомъ, якожъ и князь староста Луцкій, князь Корецкій, панъ его, листъ свой до насъ писалъ, просечи насъ въ томъ за нимъ и залицаючи его быти годнымъ и потребнымъ ку службамъ нашимъ господарскимъ и земскимъ тамъ на той украини, а такъ мы того листу князя Корецкого огледавши, казали зего слово одъ слова до книгъ нашихъ и въ сей нашъ листъ вписати, который такъ ся въ себе маеть: Я Богущъ Оедоровичъ Корецкій, староста Брацлавскій и Винницкій, ознаймую и явно чиню тымъ моимъ листомъ, кому того потреба ведати будетъ, билъ мне чоломъ служebníкъ мой, Ермола Мелешко, абы ему далъ на хлебокормленіе его селище пустовское, лежащее въ повети

Винницкомъ, то есть, съ полями, ставкомъ Чорнышовскимъ, за лесомъ великимъ Винницкимъ на реце Чапли, которое прозываютъ вочиномъ Залисцѣ, на дорожѣ великой, которая дорога идетъ съ Винницы до Брацлава, на томъ бы онъ будучи, себе поживеніе мети, а господарю королю его милости служить мѣлъ; а такъ я, видечи, ижъ то селище Залисцѣ не есть на жадной перекази замку и месту его милости господарскому, Винницкому, а ни тежъ тымъ што пожиткомъ его милости господарскимъ уменьилъ, даломъ ему и тымъ листомъ моимъ даю, до ласки его милости господарское, то селище, на име Залисцѣ, съ ставкомъ Чорнышовскимъ, который есть на реце Чапли, съ лесы, дубровами, лежачими за тымъ же лесомъ великимъ Винницкимъ, съ пасаками и со всемъ на все якъ ся то селище Залисцѣ само въ себе и въ своихъ пожиткахъ маеть, и при томъ же ставку Чорнышовскимъ дозволить есми ему дворъ будовати, люди садити, млынъ на томъ же ставку више помененомъ збудовати, леси, дуброви розробливати и всякие пожитки ку своему доброму пожитечному розширати, яко найленей разумети будетъ, а господарю королю его милости повиненъ будетъ съ того службу земскую служити, и на то есми Ермолу Меленку далъ сей мой листъ подь моею печатею. Писанъ въ Винници, лета Божого нароченія тысяча пятсотъ шестидесятого, месеца іюня двадцать четвертого дня; подпись руки власное князя Корецкого. И съ ласки нашее господарское, за прозбою и залеченемъ таковымъ князя Корецкого, же тотъ Мелешко есть роднымъ до службъ нашихъ земскихъ тамъ на той украинѣ, на чолумьбитіе его, то есмо вделади, и при томъ селище вишеймененомъ Залисцѣ, со всеми пожитками къ нему надлежащими, и въ листѣ князя Корецкого выписанными, того Ермолу Меленка заставляемъ и то ему симъ нашимъ листомъ подтверждаемъ, маеть онъ самъ, жена, дети и власные потѣмки его мушизкого стану то селище, со всеми грунты и пожитки первореченоми, держати и вживати во всемъ, потому яко на томъ листѣ князя, старостиномъ, есть описано, а намъ господарю будетъ повиненъ съ того службу земскую, шляхетскую, служити, потому яко и винные бояре, шляхта тамошная, Винницкая, слушаютъ. Писанъ въ Белску, лета Божого нароченія тысяча пятсотъ шестидесять четвертого, месеца іюля пятго дня, подпись руки господарское». — *My tedy król, do pomienionej supliki łaskawie się skłoniwszy, zwyż wyrażony przywilej z xiąg przerzeczonych metryki kancelaryj naszej wielkiej wielkiego księstwa Litewskiego ekstraktem stronie potrze-*

bującej wydać i dla lepszej wagi pieczęć wielkiego xięstwa Litewskiego przycisnąć rozkazaliśmy. Dan w kancelaryi naszej wielkiego xięstwa Litewskiego, dnia siedmnastego miesiąca iunii, roku pańskiego tysiąc siedmset siedmdziesiąt siódmego, panowania naszego trzynastego roku.—U tego ekstraktu świadectwa kancelaryi wielkiego xięstwa Litewskiego, do oblaty podanego, przy pieczęci wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego, na masie czerwonej wycisionój, podpisy takowe: Alexander xiąże Sapieha, kanclerz W. W. X. L. mp. (L. S.). Dalszy ciąg świadectwa takowy: za sprawę JW. X. iego mości hrabi na Bychowach, Dombrownie, Drui, Szkudach, Dereczynie, Prożanej, A. Sapieha, kanclerz W. W. X. Lit. Felix Szuhert, metrykant Litewski, mp. Nadpis zaś na tym ekstrakcie takowy:

Екстрактъ привилею Ермоле Мелешку на селище въ повети Винницкомъ, названое Залесье, съ поляною, съ ставомъ Чорнышовскимъ на реце Чапли, съ леси, дубровами и съ пасеками, правомъ леннимъ въ року тысяц piecset sześćdziesiąt czwartym danego.—Który to ekstrakt co do słowa w xięgi niniejsze jest zapisany.

Книга Винницкая, земская, записовая, 1797 г., № 4797, листъ 83.

